П. Н. КРАСНОВЪ

ДОМОЙ

РОМАНЪ

Кн-во В. Сіяльскаго
ПАРИЖЪ

П. Н. КРАСНОВЪ.

ДОМОЙ!

(НА ЛЬГОТѢ)

РОМАНЪ

Издательство В. Сіяльскаго

1936

Настоящая книга набрана и отпечатана
въ мартѣ тысяча девятсотъ тридцать
шестого года въ количествѣ тысячи
двухъ экземпляровъ, изъ коихъ два
на бумагѣ velin pur fil Navarre для
книгоиздательства В. Сіяльскаго
въ типографіи S. N. I. E.,
trente-deux, rue de Ménilmontant

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Copyright by the author.
Alle Rechte vorbehalten.
Tous droits réservés.

... „Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ"...

А. С. Пушкинъ. «Евгеній Онѣгинъ»,
глава восьмая, стр. X.

Часть первая

ИНФЕРНАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

I

Въ большомъ кабинетѣ, угловомъ, съ окнами на дворъ и на казарменный проспектъ по осеннему неуютно. Широкій письменный столъ накрытъ газетными листами. Изъ дорогого, тяжелаго бронзового письменнаго прибора на немъ — одна чернильница. Картины въ кисейныхъ покрывалахъ, часть мебели въ бѣлыхъ чехлахъ. Гардины и шторы сняты съ оконъ и въ углу у двери, уже совсѣмъ некрасиво прислонены къ стѣнѣ четыре зимнія рамы, съ пыльными стеклами.

У стола, въ кожаномъ, низкомъ креслѣ съ круглыми вальками, сидитъ человѣкъ. Онъ совершенно закрылся листомъ газеты и видны только его ноги въ синихъ, широкихъ шаравахъ и мягкихъ, высокихъ сапогахъ со шпорами. Черезъ запертыя, высокія двери несутся звуки рояля, и молодой, красивый, полный голосъ настойчиво поетъ вокализы. Онъ доходитъ до верхняго «ля», спускается внизъ, тянетъ «аа-аа», то «эе-эи», потомъ начинается какая то замысловатая итальянская скороговорка, обрывается и снова — «аа-аа, эе-эи» — вокализы.

Бронзовые часы на мраморномъ каминѣ медленно и звонко били двѣнадцать. Они дошли до шестого удара, когда изъ сосѣдней комнаты, хриплымъ и низкимъ «башен-

нымъ» звономъ имъ стали отвѣчать другіе. И едва они кончили, за окномъ, на дворѣ, раздалось два короткихъ удара въ колоколъ: — «даннъ!.. даннъ!..»: — вызывали караулъ для смѣны.

Газета опустилась, изъ-за нея показалось лицо въ темныхъ усахъ и сѣдѣющихъ на концахъ бакенбардахъ, широкая лысина и узкіе сонные глаза. Сидѣвшій въ креслѣ всталъ, свернулъ газету и подошелъ къ окну.

Широкій дворъ блестѣлъ мокрыми булыжными камнями. Но дождя уже не было. Желѣзные подоконники просохли. Погода была сѣрая, скучная. Новый караулъ заступалъ въ мундирахъ, старый выстраивался на площадкѣ у гауптвахты въ шинеляхъ.

Полковникъ Александръ Ѳедоровичъ Акимовъ стряхнулъ съ себя дремоту и съ газетой въ рукахъ смотрѣлъ, какъ смѣнялся часовой, какъ начальникъ караула осматривалъ замки и печати у зеленаго денежнаго ящика, стоявшаго подъ навѣсомъ, на полосатыхъ столбахъ, какъ одновременно повернулись караулы, и одинъ сталъ сходить съ платформы, другой рядами входить въ низкое зданіе гауптвахты.

На дворѣ новый дежурный по полку, въ папахѣ, круто надѣтой на правый бокъ, осматривалъ «нарядъ» и отпускалъ его по казармамъ и конюшнямъ. Старый дежурный пошелъ на гауптвахту подписывать вѣдомость. Все шло, какъ въ машинѣ. Конно-суточные, на вороныхъ, раскормленныхъ лошадяхъ, въ синь отливавшихъ на крупахъ, не сдавшихъ тѣла и за маневры, со вьюками и съ сѣномъ, увязаннымъ въ сѣткѣ за задней лукой, шагомъ поѣхали къ воротамъ.

Полковникъ вздохнулъ и пошелъ въ сосѣднюю съ кабинетомъ длинную и узкую — пріемную. Вокализы и рояль смолкли, въ квартирѣ наступила тишина. Потомъ внизу затрещалъ электрическій звонокъ. Командирскій денщикъ въ чистой верблюжьяго сукна курткѣ, побѣжалъ на носкахъ открывать двери.

— Ваше высокоблагородіе... Дежурные... Смѣняться...

Полковникъ, молча, кивнулъ головою. Денщикъ, ля тясь къ двери и открывая ее широко растопыренною ладонью, прошепталъ съ нѣкоторою торжественностью:

— Пожалуйте-съ!.. Просютъ!..

Старый дежурный въ сѣромъ плащѣ въ рукава, новый въ мундирѣ, оба въ блестящихъ портупеяхъ и перевязяхъ, при револьверахъ, одинъ за другимъ вошли въ пріемную.

— Господинъ полковникъ, сотникъ Дорофѣевъ дежурство по полку сдалъ.

Полковникъ принялъ рапортичку. Дорофѣевъ сдѣлалъ шагъ вправо и передъ полковникомъ вытянулся красивый, стройный юноша. Сине-сѣрые глаза въ длинныхъ, по дѣтски загнутыхъ кверху, густыхъ рѣсницахъ смотрѣли напряженно и строго.

— Господинъ полковникъ, хорунжій Кольцовъ дежурство по полку принялъ.

Полковникъ пожалъ руки офицерамъ и сказалъ:

— Можете идти-съ.

Стальныя, но съ серебрянымъ звономъ, «Савельевскія» шпоры мягко звякнули при поворотѣ и въ томъ-же порядкѣ дежурные вышли изъ пріемной. Полковникъ положилъ рапортичку на аккуратную стопку другихъ рапортичекъ. Онъ слышалъ, какъ легкіе шаги пробѣжали по гостиной, открылась дверь и тотъ самый голосъ, который пѣлъ вокализы, красивый, звучный и грудной, сказалъ:

— Георгій Александровичъ, вы сегодня свободны?..

— Я дежурный, Елена Михайловна... А что?..

— Никакъ не могу сама себѣ аккомпанировать «Корольки» Чайковскаго. Ужасно трудный аккомпаниментъ и вообще романсъ трудный... И еще одно мѣсто въ операѣ Паладилья... Знаете... Это?..

И голосъ напѣлъ: — «порадуйся, малютка, чуднымъ апрѣльскимъ днямъ»...

— Знаете, такъ трудно пѣть, когда ноты передъ самымъ носомъ... Нѣтъ свободы... Очень это стѣсняетъ. Такъ, значитъ, сегодня никакъ не можете?..

— Я — дежурный, Елена Михайловна.

— Ужасно... Тогда... Знаете что... Завтра, какъ смѣнитесь... А потомъ завтракать у насъ... Я дядѣ скажу... Онъ васъ пригласитъ. Хорошо?..

— Могу-ли я отказаться?.. Это-же наслажденіе вамъ аккомпанировать. Такое... счастье...

— Ну, ладно... Не говорите пустяковъ... Passons...

Шпоры звенѣли по лѣстницѣ, легкіе шаги пробѣжали въ гостиную и снова раздались вокализы.

На письменномъ столѣ лежалъ завернутый въ бѣлую бумагу плоскій свертокъ. Полковникъ осторожно развернулъ его. Въ дорогой рамѣ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, подъ граненымъ стекломъ былъ портретъ красивой женщины. Она была снята со спины, съ повернутою въ профиль головой. Густые волнистые темные волосы были скручены сзади и уложены косами, удлинняя затылокъ. Изъ подъ бархатныхъ бровей томно смотрѣли глубокіе, ясные глаза. Въ нѣжномъ профилѣ и, особенно, въ выраженіи глазъ было сходство съ только что напряженно служебно смотрѣвшимъ въ глаза полковнику дежурнымъ офицеромъ.

Полковникъ задумался... «Да, Фанечка, не опоздай я тогда, не задержись на льготѣ — и все могло-бы выйдти по иному. И не былъ-бы я старымъ холостякомъ-службистомъ... И Жоржикъ Кольцовъ былъ-бы не только твой, но и мой сынъ... Двадцать четыре года тому назадъ... И моды какъ перемѣнились!.. Все по иному... Цѣлая вѣчность.. И я былъ такой-же какъ этотъ молодчикъ... И ты... не въ могилѣ... Судьба. Неисповѣдимы пути Божіи. Не намъ ихъ выправлять...»

Полковникъ поставилъ портретъ рядомъ съ чернильницей, вздохнулъ и задумчиво побарабанилъ толстыми пальцами по столу.

«Флиртъ... Она-то понимаетъ что нибудь въ любви?.. Дѣвчонка... А, хорошо-бы... Партія, настоящая военная

партія!.. Такъ развѣ мою сестрицу Серафиму Ѳедоровну убѣдишь?.. Офицеръ... Ей князя подавай, профессора... Дипломата, чортъ его дери какого еще гуся, ей подавай — все будетъ мало... Лелѣ нужна — партія, а не честный любящій мужъ... Вотъ и пойди съ ними... а вѣдь — мать!.. Казалось-бы уже должна была бы понимать, что за прелесть Жоржъ Кольцовъ... Леля мечтаетъ стать артисткой. Сладкая-ли жизнь артистки-то?.. Это издали такъ кажется, а на дѣлѣ... Мишурный блескъ... Все таки — блескъ!.. А офицеръ на артисткѣ не можетъ жениться. А, если и правда — любовь?.. Лови тогда. Поймалъ — держи. Вѣдь такая то не повторится. Кольцовъ хорошій мальчикъ, неиспорченный, не развратникъ... Не шатунъ... Чистый, наивный... Бери, когда есть такой... Такъ вотъ нѣтъ... Карьера, деньги, слава!.. Что-же я?.. Она — мать... А жаль...»

За окномъ, по проспекту раздались сочные звуки подковъ по мостовой и шелестъ резины. Они и смолкли сейчасъ-же. Экипажъ остановился у командирскаго подъѣзда.

«Кого еще Богъ несетъ передъ самымъ завтракомъ», подумалъ полковникъ, и подошелъ къ окну.

У подъѣзда стоялъ хорошій городской извощикъ. Верхъ пролетки былъ поднятъ. Извощикъ отстегнулъ кожаный фартукъ и изъ пролетки показалась синяя съ красными кантами жандармская фуражка и широкіе серебряные полковничьи погоны. Жандармскій полковникъ вылѣзъ изъ пролетки и съ портфелемъ подъ мышкой проворно пошелъ въ подъѣздъ.

— Такъ, такъ, такъ, — проговорилъ себѣ подъ носъ полковникъ. И мысль сама побѣжала, отыскивая въ ближайшемъ прошломъ полка, что-бы могъ означать пріѣздъ человѣка, который по пустякамъ не станетъ себя безпокоить.

Полковникъ одернулъ на себѣ длинный темно-синій чекмень, почему то повернулъ портретъ опять лицомъ на столъ, прикрылъ его газетой и ожидалъ гостя.

— Полковникъ Шварцъ, — отрекомендовался тотъ, входя, — по нѣкоторому интимному дѣлу.

— Гмъ... гмъ... Садитесь, пожалуйста, многоуважаемый... Вы курите?..

— Если позволите, одну папиросочку?.. Собраться съ мыслями.

— По дѣлу?.. Касающемуся полка?..

— Одного изъ офицеровъ полка, полковникъ.

— Меня зовутъ — Александръ Ѳедоровичъ... Ваше имя, отчество, полковникъ?.. Такъ, знаете, будетъ удобнѣе.

— Интимнѣе-съ... Меня — Ѳедоръ Ѳедоровичъ... Вашъ, хе-хе-съ — тезка. Дѣльцо-то пустяковое... А по военной солидарности сказать обязанъ... Предупредить, чтобы вы могли принять, такъ сказать, мѣры-съ. Одному Государю служимъ... Обязаны помогать другъ другу.

Шварцъ со вкусомъ раскурилъ толстую папиросу, затянулся, выпустилъ дымъ, затянулся еще разъ и продолжалъ:

— Вы вотъ, вижу, не курите. Вамъ оно непонятно. Мысль проясняетъ... И погода такая сумрачная, сырость, слякоть. Промозглая погода, а папироса согрѣваетъ.

— Въ чемъ-же дѣло?.. Я слушаю васъ.

— Извольте-съ... Маленькое происшествіе... вчера ночью... Въ Поль-де-Коковскомъ, или, если угодно, Золяистомъ такомъ жанрѣ... Водевиль-съ, въ нѣкоторомъ родѣ, если и не съ переодѣваніемъ, то съ одѣваніемъ въ не совсѣмъ показанномъ для того мѣстѣ. Этакая, знаете, августовская ночь-съ... И дождикъ... Какъ говорится — мотроситъ... Въ такую то ночь женскія объятія, знаете, какъ горячи и заманчивы... Такъ вотъ — два часа ночи. Дворъ на Офицерской улицѣ. Такой, знаете, колодцеобразный, Петербургскій дворъ-съ, асфальтомъ покрытый. И посерединѣ — фонарь. Тусклое такое отраженіе, какъ въ водѣ-съ.

— Вы совсѣмъ художникъ въ описаніи.

— Хе-хе-съ... Есть тотъ грѣхъ... Люблю красивый чтобы стиль. Да и все это нужно, чтобы вамъ вся обстановка была понятнѣе. Такъ вотъ, во второмъ этажѣ, а это сами знаете-съ — сажени четыре отъ земли-съ, открывается такое знаете окно-съ, на обѣ половинки, и, прошу замѣтить,

— безъ шума. Въ окнѣ появляется бѣлая фигура, въ бѣльѣ-съ, свисаетъ на рукахъ вдоль стѣны, секунда раздумья, знаете, все таки страшновато; и мягко, какъ кошка, спрыгиваетъ во дворъ, съ присѣданіемъ-съ, по военному... За нею вслѣдъ летятъ сапоги, шашка, фуражка, штаны, ну и прочее, какъ полагается, этакимъ, знаете-съ быстрымъ фейерверкомъ. И бѣлая фигура, прижавшись въ углу, проворно одѣвается.

— Ну?.. И?..

— Вашего полка офицеръ-съ.

— Моего полка?.. Позвольте, многоуважаемый... Не могу себѣ даже представить кто?.. Да, вѣдь, это, полковникъ... Эта, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сцена-съ?.. Это, по моему крайнему разумѣнію, многоуважаемый, должно касаться комендантскаго адъютанта, а не чиновъ охраны.

— Съ одной стороны — да, съ другой... Особа-то эта у насъ давно на примѣтѣ. Потому мы и знаемъ всѣ эти пикантныя, такъ сказать, подробности-то, что къ этой особѣ давно филёры приставлены. Опасная, знаете, особа-съ.

— То есть, кто?.. Мой офицеръ?.., — вставая въ волненіи, сказалъ Акимовъ. — Мой, моего полка, офицеръ, и къ нему филёры, безъ моего на то вѣдома?..

— Да, нѣтъ-же!.. Ну, конечно, не къ офицеру... Вы сядьте и успокойтесь. Повторяю, пока — дѣло пустяковое и говорится въ порядкѣ братскаго содружества. Все это касается только, такъ сказать, одного предупрежденія, чтобы этого офицерика разъ и навсегда разлучить съ этой самой особой.

— А вы думаете, что это уже такъ трудно?..

— Думаю, что и не такъ легко. По моимъ свѣдѣніямъ эта женщина, которою офицерикъ этотъ обладаетъ — его первая... И, пожалуй — любовь... Ибо женщина то эта во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательнѣйшая.

— Вотъ, какъ!.. Но, все таки, кто-же этотъ мой офицеръ? Вы, надѣюсь, мнѣ назовете его, наконецъ.

— Корнетъ... То есть, по вашему, по казачьему — хорунжій — Георгій Кольцовъ!

II

Жоржъ Кольцовъ, выйдя изъ командирскаго подъѣзда, въ припрыжку догналъ Дорофѣева и ударилъ его по плечу.

— Дорошка, въ собраніе?..

— Ну-у!.. Чего тамъ не видалъ. Переодѣнусь и въ городъ. Въ собраніи къ завтраку только маркизъ Петровъ, да Ревунъ и будутъ.

— Тоска... Старбѣнь!

Кольцову въ его двадцать два года всѣ тѣ, кому перевалило за тридцать, у кого на погонахъ съ одной полоской не было звѣздочекъ, кто жаловался на ревматизмы и пострѣлы, кто не мечталъ о скачкахъ и войнѣ казались стариками. Особенно, если ко всему этому, они еще были и женатыми. Онъ былъ сегодня въ томъ особенномъ приподнятомъ настроеніи, которое бываетъ послѣ счастливаго обладанія любимой женщиной. Земля точно горѣла подъ нимъ, ноги, какъ у застоявшейся лошади не шли, а танцовали, хотѣлось пѣть, кричать, прыгать. Вчерашнее ночное стояло въ памяти ярко, переживалось вновь всѣми уголками тѣла. Ахъ, какъ-же это все было хорошо!.. Правда въ этомъ хорошемъ было и нѣчто стыдное, о чемъ мучительно было вспоминать и, какъ вспомнишь, краска зальетъ горячимъ потокомъ лицо. Прыгнулъ въ окно!.. Бѣ-жалъ!.. Но развѣ кто нибудь могъ это видѣть? И, она поняла: — какое молодечество, вѣдь, другой, поди еще и разбился-бы или испугался-бы прыгать?!. Вы-соко то какъ! Былъ радостно пріятенъ сильный и мягкій ударъ по носкамъ и гибкое присѣданіе ловкаго тѣла. И точно и сейчасъ ощущалъ, какъ намокало тогда подъ дождемъ бѣлье и непріятно холодило послѣ теплой постели и горячихъ объятій молодого тѣла. Онъ поспѣшно одѣвался. И тишина, тишина темной, непогожей осенней ночи!.. Кому это разскажешь?.. Моментъ жизни только для себя, для своей молоденькой памяти.

Въ собранской столовой, и точно, сидѣло только двое — подъесаулъ Петровъ своимъ хмурымъ изрытымъ оспою лицомъ и кустистой бородкой больше походившій на зем-

скаго врача, чѣмъ на офицера и потому, по контрасту, прозванный «маркизомъ» и есаулъ Ивановъ, высокій нескладный офицеръ съ черными усами и бородой и тусклымъ взглядомъ усталыхъ отъ жизни глазъ.

Въ полку занятій не было. Молодые казаки не пришли, старослужащіе черезъ недѣлю отправлялись домой, на льготу. Они теперь цѣлыми артелями уходили въ отпускъ, въ городъ, на рынки и по магазинамъ для покупокъ гостинца домашнимъ.

— Хо, хо, добрѣйшій Георгій Александровичъ, — сказалъ, здороваясь съ Кольцовымъ, Ивановъ, по прозвищу Ревунъ. — Чему такъ обрадованы?

— Молодъ, — мрачно сказалъ Маркизъ. Онъ обратился къ Ревуну. — Что же Владиміръ Сергѣевичъ сразимся что--ли въ пирамидку?..

— Объиграешь.

— Ну пойдемъ... А я таки хотѣлъ въ сотню зайти.

— Никуда не уйдетъ отъ тебя твоя сотня. Что не наглядѣлся на нее за лагери. И ты ей и она тебѣ не надоѣли что-ли?..

Они доѣли компотъ и ушли. Кольцовъ принялся за обѣдъ, все время ощущая радость бытія, счастье молодости, силы и здоровья. Во время обѣда его три раза вызывали на дворъ осматривать команды казаковъ, уходившихъ за покупками. Опять, какъ ночью, моросилъ мелкій дождь. Холодная влажная пыль, ложась на разгоряченное лицо, напоминала ночь и то, что было... и будетъ!.. будетъ!!. еще!.. еще!!. еще!!!

Передъ нимъ были тоже возбужденныя, радостныя и точно взволнованныя лица принаряженныхъ, по городскому одѣтыхъ казаковъ. Кольцовъ провѣрялъ отпускныя записки.

— Куда?..

— Въ Александровскій, за сапогами. За фуражками, ваше благородіе.

— А вы?..

— Въ Гостиный... Икону для станичной церкви обмѣнили, такъ принять идемъ.

Счастливыя были лица. Они уже въ мысляхъ были «дома», они собирались «домой», къ своимъ семьямъ.

Кольцовъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ радовался за нихъ, былъ счастливъ ихъ счастьемъ, но онъ не понималъ ихъ. «Домъ», «домашнесть», хуторъ, станица — все это отлично, но выше всего — полкъ!..

Въ дежурной комнатѣ — высокой и узкой, съ однимъ окномъ, занавѣшеннымъ тяжелой занавѣсью и потому мрачной, темной и точно затаившей скуку обязательнаго ничего недѣланія на дежурствѣ многихъ поколѣній офицеровъ, Кольцовъ разлегся на кожаномъ диванѣ, лицомъ къ окну и смотрѣлъ, какъ мелкая дождевая пыль насѣдала на грязныя стекла, сливалась въ длинную, узкую полоску воды и бѣжала внизъ къ переплету рамы, свисала каплей и звонко падала на желѣзный подоконникъ. Въ раскрытую форточку доносились паровозные свистки, внизу по мостовой съ грохотомъ проѣзжали ломовыя телѣги и тяжекъ былъ стукъ ихъ громадныхъ колесъ. Изъ окна пахло угольнымъ дымомъ, сыростью и яблоками.

Кольцовъ задумался.

Недѣлю тому назадъ — дождь, такой-же мелкій и сѣрый тоскливый день. Кругомъ туманъ, все стало безкрасочно и скучно. Полкъ возвращался съ маневра. Рубахи казаковъ казались черными и облипли подъ амуниціей. Брошенныя за плечо пики, сталкиваясь, стучали деревяннымъ стукомъ. Навстрѣчу изъ дождевого дыма вдругъ возникла колонна конницы. Громадныя гнѣдыя лошади курились прозрачнымъ сѣдымъ паромъ. Красивые гиганты всадники сидѣли въ шинеляхъ въ накидку. Бѣлыя фуражки свѣтлой рѣкой, струясь, уходили вдаль. Въ головѣ полка вдругъ изъподъ шинелей сверкнули трубы, и звуки полкового марша полка Кольцова раздались въ сыромъ воздухѣ. И сейчасъ-же имъ отвѣтили трубачи Кольцовскаго полка:

— «Prenez garde... prenez garde... Chevaliers, chevaliers de la garde», — точно и сейчасъ пѣло въ душѣ

Кольцова и горделивое чувство неизъяснимаго счастья наполняло его душу.

Первый полкъ гвардейской Русской кавалеріи ихъ привѣтствовалъ. Навстрѣчу ихъ полку на тысячныхъ коняхъ проѣзжали офицеры, люди старинныхъ фамилій, родъ каждаго было кускомъ Русской исторіи. Кольцовъ ихъ зналъ... Они были его товарищи... Одной съ нимъ дивизіи. Князь Долгорукій, Скоропадскій, чей предокъ былъ Гетманомъ Малороссійскимъ при Петрѣ Великомъ, Дашковъ, Казнаковъ, князь Сумароковъ, Воейковъ, Чертковъ. Они обмѣнивались воинскимъ привѣтомъ съ Кольцовымъ, съ Ревуномъ, съ Маркизомъ Петровымъ!.. Ихъ рослые люди, красавцы, собранные со всей Россіи, улыбались навстрѣчу казакамъ и молодцоватый вахмистръ сказалъ что-то веселое вахмистру сотни, шедшей впереди Кольцова.

Да, это-же было братство, подлинное великое военное братство, поднимавшее душу въ несказанно красивую высь, откуда и самая смерть казалась сладкой, а подвигъ въ бою манилъ и звалъ къ себѣ какъ на праздникъ.

Звуки двухъ полковыхъ маршей скрещивались, свивались, покрывали одинъ другой, и въ музыкальной душѣ Кольцова создавали своеобразно прекрасную мелодію. Въ его памяти вставали имена; подвиги, воспѣтые маршами, перевивались вмѣстѣ въ одинъ вѣнокъ славы Россійской. Аустерлицъ и Бородино!..

Сотенный командиръ, есаулъ Димитрій Андреевичъ Ляховъ, Митенька, какъ его звали офицеры, вдругъ пріободрился и вызвалъ пѣсельниковъ. И только приказный Пастуховъ, лупоглазый, съ черными глазами, завелъ звонкимъ теноромъ:

— Я васъ первый разъ увидѣлъ,
Я веселый взоръ замѣтилъ,
Точно запримѣтилъ...

какъ сотникъ Симоновъ, по прозвищу «Тапиръ» круто обернулся въ сѣдлѣ и свирѣпо крикнулъ:

— Ну завелъ шарманку!.. Болванъ!.. Мужикъ!.. Не нашелъ лучше...

И онъ передразнилъ бараньимъ голосомъ:

— Точно запримѣ-ѣ-тилъ... Пой настоящую.

Митенька недовольно крякнулъ и проворчалъ:

— Все свое... Дурацкое... Учишь ихъ учишь... Уму наставляешь, а станичную дурь никакъ не выбьешь.

Тогда выѣхалъ передъ пѣсельниковъ младшій урядникъ Лагутинъ и запѣлъ... Какъ онъ запѣлъ! У Кольцова и сейчасъ мураши бѣгутъ по тѣлу, какъ вспомнитъ густой баритонъ Лагутина и сколько чувства было вложено въ самыя слова старой пѣсни.

— Орловъ Кавказа внемля крику,
Донско-ой казакъ сторожево-о-ой,
И пой...

Хоръ вступилъ торжественно, молитвенно строго:

— Безмолвно приклонясь на пику,
Онъ думалъ — о странѣ родной...

— Ну вотъ это дѣло, — проворчалъ Тапиръ.

А Кольцовъ точно плылъ куда-то въ прелестную даль вмѣстѣ со звуками пѣсни, точно исходилъ, истаевалъ весь въ огромной несокрушимой любви къ казакамъ, къ полку, къ Россіи!..

III

Кольцовъ былъ круглый сирота. Его мать Фаина Яковлевна умерла отъ родильной горячки черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія сына. Отецъ скончался черезъ годъ послѣ матери, и маленькій Жоржъ остался въ столицѣ на попеченіи чужихъ людей.

Семья, пріютившая его — деньги за него платили его дяди, проживавшіе на Дону, — была небогатая петербургская чиновничья семья.

Жоржъ помнитъ задній, немощенный дворъ, образованный высокими шестиэтажными домами и чернымъ дощатымъ заборомъ, на которомъ онъ игралъ въ мячъ съ

«уличными» мальчишками и дѣвчонками, дѣтьми петербургской бѣдноты, не могущей выѣхать на дачу, помнитъ, какъ прыгалъ онъ на одной ногѣ, играя въ «котелъ», бѣготню съ криками «въ пятнашки», и «казаки и разбойники» и тогда, играя, онъ никогда не думалъ о томъ, что онъ самъ и правда настоящій казакъ, Донской казакъ...

Дѣтство прошло смутной чередой игръ на дворѣ лѣтомъ и ученья зимой, почти всегда при лампѣ, съ дѣтьми той самой семьи, гдѣ онъ воспитывался, заучиванья складовъ, ариѳметики, Крыловскихъ басенъ и Закона Божьяго. Едва ему минуло десять лѣтъ — онъ былъ отданъ, по распоряженію дядей, въ Петербургскій кадетскій корпусъ.

«Кадетъ на палочку надѣтъ», привѣтствовали его — его пріятели уличные мальчишки, когда первый разъ пришелъ онъ изъ корпуса въ отпускъ къ своему воспитателю.

Всего двѣ недѣли отдѣляли его отъ того свободнаго времени, когда такъ радостно было съ криками носиться по двору и лаптой поддавать мячъ ажъ подъ самое небо и глядѣть, какъ тотъ словно таялъ въ небесной синевѣ, а какъ все перемѣнилось! Когда бросились къ нему дѣти съ задорной пѣсенькой: «Казакъ Донской набитъ треской, — Казакъ бѣжитъ — треска пищитъ»... Жоржъ обидѣлся и надулся. Черный мундиръ съ алыми погонами точно перемѣнилъ его душу.

— Казакъ ни отъ кого никогда не бѣжитъ, треска — рыба и пищать не можетъ, — сказалъ онъ и пошелъ въ домъ.

Жоржъ все рѣже и рѣже сталъ ходить къ воспитателю, а потомъ и вовсе замкнулся въ корпусѣ. Онъ пѣлъ въ корпусномъ хорѣ и все болѣе и болѣе увлекался музыкой и игрой на фортепьяно, къ чему у него оказались удивлявшія учителя способности. Въ праздники онъ помогалъ корпусному священнику служить, ему не было скучно и на каникулахъ.

Въ Петергофскомъ лагерѣ купались и катались по Финскому заливу. Ходили въ паркъ, смотрѣли фонтаны, слушали музыку.

Училище уединило его отъ остального «вольнаго» мі-

ра. Онъ погрузился въ военную касту съ ея своеобразными интересами и его мечты сосредоточились на полку, на службѣ. Лошадь, ѣзда, молодечество, джигитовка, скачки, пѣніе съ юнкерами лихихъ пѣсень — и впереди — **полкъ**, какъ нѣчто совсѣмъ особенное, полное колдовскихъ какихъ-то чаръ, своеобразной жизни, общей съ товарищами, братской и веселой, чего еще можно желать?!

Когда прозвучали слова Государя Императора, поздравлявшаго ихъ, юнкеровъ, съ производствомъ въ офицеры, — Кольцовъ ихъ плохо слышалъ, — такъ сильно тогда билось сердце, такъ былъ взволнованъ и потрясенъ, когда вдругъ понялъ, что кадетскіе и юнкерскіе годы кончены, кончено ученіе, онъ свободный совсѣмъ человѣкъ, можетъ распоряжаться собою, у него свои деньги — жалованье, свои средства, — ему дяди посылали его долю дохода съ имѣнія, — точно задохнулся отъ этой свободы. Стоялъ, зажмурившись, боясь, что яркій свѣтъ ослѣпитъ его. Онъ — офицеръ!.. Онъ можетъ идти, куда хочетъ и все, что было ему запрещено, какъ юнкеру, теперь позволено. И нужно было много времени, пока понялъ и оцѣнилъ всю прелесть этой свободы.

Онъ никуда не поѣхалъ въ отпускъ — онъ явился въ полкъ и тутъ, у командира полка, увидалъ первую женщину — Лелю, Елену Михайловну Можайскую, племянницу командира. Ей было вѣроятно столько же лѣтъ, сколько и Кольцову. Она училась у какого-то профессора пѣнія, у нея былъ та-лантъ, она готовилась на сцену. Все это было такъ удивительно, такъ казалось недоступно, что Кольцовъ просто захлебнулся отъ счастья, когда ему предложено было заниматься съ нею, проходить съ нею, аккомпанируя ей, ея партіи. Онъ не смѣлъ смотрѣть на нее, такъ очаровывала его своею чистою красотою прелестная Леля. Это было не для него.

Отъ адъютанта, отъ Тапира, своего друга и почти сверстника, одного училища съ нимъ, Кольцовъ услыхалъ, что для нихъ есть другія женщины — «женщины нашего круга»... Онъ увидалъ ихъ и прельстился. Какія красивыя

и манящія имена онѣ носили: Шурочка — Звѣрокъ, Танька — станцуй, Муня — Персикъ... Онѣ были красивы, элегантны и, когда смотрѣлъ на нихъ Кольцовъ, кружилась у него голова и страшно было думать, что онѣ — доступныя!..

Но долго держался, точно берегъ себя для кого-то, а для кого — не смѣлъ объ этомъ даже и думать... Артистка!.. Талантъ!.. Занимается у профессора-итальянца!..

А тутъ подошла новая весна...

IV

Весна была радостная, ликующая побѣдой надъ тѣломъ въ будни, сладостью отдыха въ праздникъ.

Въ лагери выступили рано. Березы благоухали молодыми почками, въ прозрачной синевѣ былъ чуть опушающійся листвою полковой садъ. По утрамъ, по болотамъ, надъ стрѣльбищемъ клубился весенній густой туманъ. Чуть виднѣлись въ немъ мишени. Приходилось откладывать стрѣльбу, пока не прояснитъ.

Полкъ жучили на совѣсть. Время послѣ Японской войны было временемъ расцвѣта Русской арміи. Едва успѣетъ Кольцовъ отмыть грязь, налипшую во время сотеннаго ученья и наспѣхъ позавтракать, какъ нужно спѣшить на стрѣльбище.

Мелкій весенній дождь сыплетъ съ мутнаго неба. Кругомъ туманъ и тускло выглядятъ сѣрыя поясныя мишени. Офицеры, накрывшись плащами, сидятъ за столиками съ листами отмѣтокъ, вдоль линіи огня положены рогожныя кули, въ неясной дали шаритъ по мишени красная указка, или съ досадой отмахиваетъ — промахъ!

Съ кулей хрипло и словно недовольные звучатъ голоса:

— Бреховъ попалъ... Колесовъ промахъ.

Въ плащѣ въ накидку, стройный, ловкій ходитъ сзади стрѣляющихъ Кольцовъ, онъ весь въ роли учителя.

— Свалилъ винтовку, у да и дурной же ты Колесовъ!.. Откуда ты такой родился? Дуракомъ родился — дуракомъ и умрешь...

И такъ вся недѣля — утромъ поле — днемъ стрѣльбище до самаго поздняго вечера, когда въ сыромъ баракѣ, наконецъ, можно стянуть мокрые сапоги и снять намокшій китель...

Тѣмъ отраднѣе былъ субботній отдыхъ. Кольцовъ съ своимъ другомъ Тапиромъ мчались на своемъ извощикѣ на станцію, а тамъ все свои. Офицеры, у всѣхъ одни и тѣ-же интересы и даже случайно попавшая въ вагонъ офицерская жена, полковая дама, говоритъ о томъ-же: какъ стрѣляли, какъ учились, какія назначенія, какія перемѣны ожидались въ командномъ составѣ. Точно все это была одна семья, одинъ домъ, точно въ какихъ-то рамкахъ жилъ Кольцовъ. Такъ, не выходя изъ этихъ полковыхъ рамокъ, Кольцовъ попалъ на Морскую, въ ресторанъ Кюба, тамъ встрѣтилъ товарища по корпусу, лихого Конно-Гренадера князя Серебрянаго и съ нимъ помчался въ Акваріумъ.

Какъ какой-то упоительный сонъ развертывалась жизнь. Въ бѣлой ночи ненужные горѣли фонари у широко открытыхъ воротъ, оттуда неслась бодрящая музыка, вдоль аллеи, свисая со столбовъ, блестѣли пестрые лампіоны, парочками ходили женщины «нашего круга», подмигивали встрѣчнымъ офицерамъ, пересмѣивались, косили глазами. Ихъ всѣ знали и онѣ всѣхъ знали.

— Сашка, что меня забылъ?..

Кольцовъ съ пріятелемъ постояли, заложивъ руки за спину у открытой сцены. Бѣлокурая Мадри пѣла куплеты и маршировала подъ бравурный маршъ по сценѣ, салютуя зонтикомъ. Худая, чернявая француженка, почти раздѣтая, въ красномъ беретѣ вышла на сцену и запѣла хриплымъ голосомъ.

— Celui que j'aime est un pioù-pioù
C'est un pioù-pioù celui que j'aime.
Je sais qu'on peut blamer mon goût
Celui que j'aime est un pioù-pioù... *)

*) Тотъ, кого я люблю — солдатикъ...
Солдатика я люблю...
Быть можетъ — у меня плохой вкусъ —
Но тотъ, кто мнѣ милъ — солдатъ...

— Ты понимаешь, Жоржъ, — шепталъ на ухо Кольцову Серебряный — это-же шикъ!.. Это-же — армія!.. Любовь къ солдату — это понимаешь, то что надо въ нашъ вѣкъ, чортъ его дери совсѣмъ — либерализма!..

Пѣвицы подмигивали Кольцову, а онъ точно воробей въ пескѣ встряхивался отъ ихъ взглядовъ.

Партерные гимнасты показывали свои номера и Кольцовъ, самъ прекрасный гимнастъ, слѣдилъ за ними и думалъ: это могу, это сумѣю не хуже ихъ... А это надо попробовать. Тутъ есть какой-то трюкъ. Э, да онъ большимъ пальцемъ опирается...

Все было для тѣла и тѣло торжествовало здѣсь, обласканное взглядами нарядныхъ, накрашенныхъ женщинъ.

Опять пѣла француженка. Она была въ одной рубашкѣ, но за то какой!.. Пѣна кружевъ покрывала грудь, черные чулки оттѣняли бѣлизну батиста, волосы были растрепаны, лицо румяно, точно только что соскочила она послѣ сна съ постели. И голосъ картавый, чуть сонный явственно выговаривалъ дразнящія слова:

— Tous les lundi
Jusqu'au midi
Je reste au lit
Avec mon cheri...

Она прошла, танцуя, по сценѣ и продолжала:

— Mais de mardi
Jusqu'au samedi,
Je suis pour mes amis,
Pour mes petits amis...

— Ахъ стерва, — громко вздыхалъ Серебряный.

Они сидѣли потомъ въ ресторанѣ у самой рѣшотки, откуда видна была широкая аллея съ гуляющими. Передъ ними въ ведрѣ со льдомъ стояла бутылка шампанскаго, широкіе фужеры были полны, и серебряные пузырьки поднимались въ золотомъ винѣ. На сердцѣ было по особенному хорошо. Тѣло еще ныло послѣ усталости утреннихъ уче-

ній и успокаивалось въ сладкой дремотѣ, въ красивомъ снѣ на яву.

— Это и есть Мунька-Персикъ?.. — говоритъ, растягивая слова, Кольцовъ. — Ничего въ ней не на-хо-жу осо-обенна-аго. Съ кѣмъ это она? По-олненькая какая!..

— Да, мякенькая... Славная дѣвуленька...

Вотъ тутъ-то въ этотъ очаровательный петербургскій майскій вечеръ амуръ нацѣлился стрѣлой и поразилъ Кольцова, перевернувъ его жизнь по своему.

V

— Саша... Ну, кто это ска-ажи?.. Ты знаешь, да?..

Голосъ Кольцова дрожалъ.

Въ аллеѣ, подъ фонаремъ, совсѣмъ ненужнымъ въ трепетную бѣлую ночь, остановились двѣ женщины.

— А, что?.. Не правда-ли?.. Хороша?.. А, что?.. Всемудрый пророкъ Магометъ сказалъ: «бойся переда женщины и зада лошади»... Смотри, Жоржъ, и запоминай, ибо ничего совершеннѣе ты, здѣсь по крайней мѣрѣ, не увидишь.

— Блондинка... Въ шляпкѣ съ розовой птицей... Ну, конечно, я сразу замѣтилъ...

— И это гдѣ-же!.. Въ Акваріумѣ!.. Венера, выходящая изъ водъ Акваріума. Иронія судьбы... Ты пойми — это-же классная женщина, женщина, на какихъ, по комъ сходятъ съ ума, пишутъ о комъ романы... Шея... Дѣвичья... Чистота линій какая!.. Постановъ головы... Затылокъ, косы... Спина, талія, бедра... Лѣпи, другъ, статую, лучше Венеры будетъ...

— Да кто, кто такая?.. Ты знаешь?..

— Корнетъ Серебряный да не зналъ-бы!.. Людмила Васильевна Лозинская — шикъ!.. Офицерская 23, квартира 6... Но ходить къ ней нельзя...

— Почему?.. Когда ты адресъ и все знаешь.

— Адресъ и все знаю, а ходить къ ней не ходилъ, не пойду, и тебѣ не совѣтую.

— Почему?..

— Ин-фер-нальная женщина... Помнишь, у Достоевска-

го... Такія женщины... До преступленій доводятъ... Истерика и тайна.

— Чья нибудь жена?

— Не думаю.

— Содержанка?

— Не знаю. Если и содержанка, то кого-нибудь очень большого. Видать по осанкѣ, по манерамъ... Знаешь, въ романахъ такія бываютъ... шпіонки... Вѣдьма она.

— Но, Саша... Вѣдьма это-же уродъ страшный.

— Не скажи... Искусительница... Я думаю, что она какая нибудь интернаціональная женщина...

— Но, если она такая таинственная, полная чего то необычайнаго, откуда ты все про нее знаешь?

— А вотъ отъ той, кто съ нею. Брюнеточки... Эта то попроще и для чего она ей нужна — не понимаю.

Можетъ быть, внимательное разглядываніе женщинъ офицерами обратило ихъ вниманіе, онѣ повернулись къ Кольцову и Серебряному, князь подмигнулъ брюнеткѣ, та усмѣхнулась и пошла, уводя подругу. Блондинка посмотрѣла на Кольцова. Ея взглядъ запомнился.

Инфернальная женщина!..

Это-же манило, подхлестывало, возбуждало любопытство, желаніе познакомиться и овладѣть богиней ,выходящей изъ водъ... Акваріума.

Кольцовъ не поѣхалъ съ послѣднимъ поѣздомъ обратно въ лагерь, какъ дѣлалъ это всегда, но поѣхалъ въ казармы, къ адъютанту, который всегда охотно предоставлялъ свой кабинетъ съ широкимъ диваномъ для такихъ загулявшихъ въ городѣ офицеровъ.

У адъютанта ночевала «женщина», и это придавало еще болѣе красоты и пикантности мыслямъ объ таинственной «инфернальной» женщинѣ.

Бѣлое, душистое утро, съ восходящимъ изъ-за казарменнаго сада, пахнущаго тополями, солнцемъ томило и мѣшало заснуть. А, когда заснулъ и, поздно проснувшись, всталъ, пилъ семейный чай у адъютанта, который сидѣлъ въ халатѣ какимъ-то турецкимъ пашой и женщина, въ ве-

черномъ платьѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ она была въ Аквaріумѣ, разливала чай и, сидя за самоваромъ, все приглядывалась и усмѣхалась Кольцову, о которомъ адъютантъ ей плелъ разныя небылицы.

— Ну, развѣ, — томно тянула она, щурясь отъ солнечныхъ лучей, свѣтившихъ въ маленькую столовую, — ну, что вы говорите?.. Какъ дѣ-ѣвушка. Въ самомъ дѣлѣ?.. Не похоже что то. Такіе смѣлые...

Въ эти утренніе часы, можетъ быть, тому способствовало то, что «женщина» такъ искренно восхищалась и любовалась Кольцовымъ, онъ рѣшилъ все. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ рискуетъ?.. Ну въ худшемъ случаѣ не приметъ... Уйду и все...

Вчера они подержали пари съ княземъ Серебрянымъ: черезъ мѣсяцъ Кольцовъ пройдетъ по аллеѣ Аквaріума съ «инфернальной» женщина. Два «флакона» тому, кто выиграетъ...

Въ четыре часа дня, кажется, это строгій часъ для визитовъ къ приличнымъ дамамъ, Кольцовъ, тщательно побритый и надушенный, съ завитыми усами и прибранными у парикмахера волосами, звонилъ на Офицерской у квартиры Лозинской.

VI

Дверь долго не открывали.

Открыла горничная, такая красивая, интересная, что, если-бы не бѣлый фартукъ и чепецъ на головѣ, Кольцовъ принялъ-бы ее за подругу хозяйки.

— Людмила Васильевна дома?..

— Какъ доложить о васъ прикажете?..

— Какъ?..

Въ самомъ дѣлѣ — какъ?.. Людмила Васильевна не могла знать никакого Кольцова. Визитная карточка ей ничего не скажетъ. Кольцовъ страшно смутился. Онъ только тутъ понялъ всю глупость своего плана.

— Да вы только скажите... Очень хотятъ ихъ видѣть...

Легкая усмѣшка показалась на строгомъ лицѣ горничной.

— Ужъ не знаю, какъ это у васъ выйдетъ, — сказала она и ушла.

Кольцовъ остался въ полутемной передней.Онъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, не снимая пальто. Въ квартирѣ было такъ тихо, что казалось, что тамъ никого не было. Такъ въ этомъ томительномъ ожиданіи прошло минутъ десять. Кольцовымъ овладѣвало смущеніе, сколько разъ уже думалъ онъ подаваться на попятный, уходить, но тутъ-же вспоминалъ, что «эскадронъ, пущенный въ атаку не можетъ повернуть», а это же была его первая атака и онъ оставался, томимый смущеніемъ, тоскою, почти страхомъ.

Вдругъ безшумно, — Кольцовъ совсѣмъ этого не замѣтилъ, открылась дверь и горничная сказала:

— Пожалуйте-съ.

Кольцовъ торопливо снялъ пальто и, придерживая шашку, прошелъ въ свѣтлую комнату, пронизанную яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Онъ ничего въ ней не видалъ. Сердце его быстро билось, въ головѣ былъ сладкій туманъ и онъ едва различалъ стѣны.

И опять было долгое ожиданіе. Людмила Васильевна не торопилась. Она появилась неожиданно.

Людмила Васильевна была старше, вѣроятно, даже много старше Кольцова, ей было за тридцать. Но могъ-ли видѣть и замѣтить это Кольцовъ? Людмила Васильевна явилась ему, какъ картина въ роскошной золотой рамѣ, украшенной лѣпкой, въ ореолѣ того, что про нее говорилось: «это-же шикъ!..», «необычайное сложеніе», «Венера, выходящая изъ водъ», «Ин-фер-нальная женщина»... Кольцовъ видѣлъ гибкую мягкость движеній, кошачью ловкость, легкую ткань какого-то пеньюара съ развѣвающимися полами, блескъ глазъ. Эти глаза не были ни добрыми, ни привѣтливыми, они не улыбались ему навстрѣчу, они смотрѣли на него съ властью, и онъ сразу почувствовалъ, что онъ покорёнъ, что онъ не сможетъ ни въ чемъ отказать этой женщинѣ.

Она внесла съ собою тонкій ароматъ нѣжнѣйшихъ духовъ, казалось исходившихъ отъ всего ея тѣла. И первый разъ въ присутствіи женщины Кольцовъ почувствовалъ власть тѣла.

У него кружилась голова. Онъ видѣлъ большіе сѣрые глаза, которые внимательно смотрѣли въ его глаза, видѣлъ золото ея волосъ, небрежно скрученныхъ сзади узломъ и ощущалъ сладкій трепетъ отъ тонкаго аромата ея тѣла.

— Кто вы такой и кто вамъ далъ право такъ просто придти ко мнѣ?

Кольцовъ вздрогнулъ. Ея голосъ показался ему прекрасной музыкой. Онъ молчалъ.

— Кто я такая... За кого вы меня принимаете, что думаете, что такъ просто, безъ всякой рекомендаціи можно придти къ молодой женщинѣ? Что знаете вы про меня?..

Кольцовъ мучительно покрансѣлъ. Такъ краснѣютъ хорошія дѣти, уличенныя въ чемъ нибудь постыдномъ. На его глазахъ заблистали слезы.

— Летите на огонь, сударь, — строго сказала Людмила Васильевна. — Ну, садитесь.

И вдругъ звонко расхохоталась. Обѣими мягкими, теплыми, маленькими, душистыми руками она взяла Кольцова за обѣ щеки и поцѣловала его.

— Дитя!.. А что скажетъ ваша мама?..

— У меня нѣтъ матери.

— Гдѣ-же она?..

— Она давно умерла.

— А папа?..

— И отецъ умеръ.

— Бѣдный, бѣдный сиротинушка. Воробушка одинокій. Мотылекъ бездомный на огонь прилетѣлъ... Сгоришь, мальчикъ... Не знаешь къ кому попалъ... Садитесь, — повторила она, показывая на кресло противъ дивана. Сама сѣла на диванъ.

— Прелесть!., Ну-съ... Будемъ знакомиться. Мое имя вы вѣроятно гдѣ-то узнали. А вы?.. Кто-же вы смѣлый искатель приключеній?..

— Я Георгій Александровичъ Кольцовъ.

— Итакъ, Георгій Александровичъ... Боже, какъ длинно!.. Я васъ буду называть Жоржикъ... Итакъ, милый мой Жоржикъ, все таки что-же васъ ко мнѣ привело?..

— Я увидалъ васъ вчера въ Акваріумѣ и...

— И воспылалъ безумной страстью... Но, подумали вы, что, можетъ быть, у меня есть... ревнивый мужъ..., или строгій отецъ?.. Что вы узнали про меня?.. Отъ кого вы узнали мой адресъ?..

— Я узналъ... не все-ли равно. Мнѣ сказала и... вы... мнѣ очень понравились...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Ну... а допустимъ, что и вы мнѣ понравитесь?.. Что я васъ полюблю?.. Вы Н-скаго полка... Казакъ... Да, знаю, знаю, милый Жоржикъ... Вы думаете — офицеръ... Все позволено... И къ дѣвушкѣ придти такъ съ бухты-барахты тоже можно... Захотѣлось познакомиться... Понравилась... А вѣдь и на васъ управу можно найти... Думали вы о рискѣ вашего происшествія?.. Ну, а дальше что?..

— Я люблю васъ...

— Какъ скоро... Только вчера увидалъ, а сегодня уже объясненіе въ любви. Ну, дальше то что?..

Смущенный, уничтоженный Кольцовъ молчалъ.

— Ну-съ, видите... Сегодня я занята... Мнѣ надо ѣхать... Но все-таки ваша храбрость мнѣ нравится... Будемъ видѣться...

— Въ Акваріумѣ?..

Людмила Васильевна покачала отрицательно головой.

— Этого нельзя... Этого никогда не будетъ... На людяхъ — мы незнакомы... Пріѣзжайте въ субботу, къ восьми. Поговоримъ вплотную. Вы мнѣ понравились. Люблю смѣлыхъ людей, готовыхъ рисковать... Можетъ быть, до чего нибудь и дотолкуемся... Но... Будьте осторожны... Не проболтайтесь никому.

Она встала. Кольцову оставалось только откланяться.

VII

Такъ началось это не совсѣмъ обыкновенное знакомство. Эти вечера по субботамъ — были азбука любви. Людмила Васильевна истомляла молодого офицера. Она знала всю гамму любви и страсти — онъ не зналъ ничего. Ея полнѣющее тѣло казалось ему необыкновеннымъ, а она съ чисто «инфернальнымъ» искусствомъ мучила Кольцова, не отдаваясь ему вполнѣ. Она доводила его до изступленія, когда онъ готовъ былъ на все и это ей нравилось. Онъ становился ея рабомъ, онъ забывалъ у нея даже полкъ и что-бы ни потребовала она отъ него — онъ готовъ былъ исполнить. Она ничего не требовала, ничего не просила, она принимала холодно тѣ подарки, которые онъ ей приносилъ — цвѣты, конфеты, дорогіе фрукты, какъ будто она была равнодушна и къ самымъ деньгамъ — о нихъ не было разговора.

Она огорашивала Кольцова странными вопросами. Вдругъ, среди поцѣлуевъ, полураздѣтая, въ растегнутомъ пеньюарѣ, когда его горячее лицо уткнется въ податливую упругость ея грудей, она спроситъ, какъ во снѣ о комънибудь изъ офицеровъ, спроситъ, какія отношенія у нихъ съ казаками, что читаютъ казаки.

Онъ даже удивится... Но, ничего... Имъ некогда читать. Они заняты цѣлыми днями, то ученьями, то при лошадяхъ. Это мы, офицеры, въ часы словесныхъ занятій иногда имъ читаемъ.

— Что-же вы имъ читаете?..

Людмила Васильевна отталкиваетъ голову Кольцова отъ своей груди, большіе сѣрые глаза серьезны, въ нихъ нѣтъ и тѣни страсти.

— Ну... Гоголя... «Тараса Бульбу»... Имъ это очень нравится. А то еще читалъ я какъ-то Лѣскова «Сказъ о Тульскомъ лѣвшѣ и стальной блохѣ». Очень понравилось..

— А газеты?..

— Газеты?.. Зачѣмъ-же газеты?.. Это имъ совсѣмъ не интересно.

— Надо, мой милый, читать имъ газеты... Жизнь идетъ

и она отражается въ газетахъ... Ну... Цѣлуй, мой милый, сюда, еще сюда... Какой ты горячій...

И опять, въ разгаръ безумныхъ ласокъ скажетъ ему, настойчиво скажетъ, точно внушитъ ему что надо ему дѣлать съ казаками.

Конечно, она была «инфернальная женщина». Онъ сгоралъ въ ея ласкахъ, какъ въ адскомъ огнѣ. Она все не давалась ему. Какъ только зайдетъ онъ въ своихъ попыткахъ дальше чѣмъ она хочетъ, гибкая рука незамѣтно притронется къ электрическому звонку, за дверью послышится осторожное покашливаніе горничной. Они оба откинутся въ разныя стороны, быстро приведутъ себя въ порядокъ. Людмила Васильевна скажетъ холоднымъ тономъ:

— Приготовьте мнѣ платье, Вѣра. Мнѣ надо ѣхать. Прощайте, милый Георгій Александровичъ...

И вотъ — вчера... Соскучилась-ли она по Кольцову, не видавъ его три недѣли, что тотъ провелъ на маневрахъ, или и правда полюбила его за лѣто, привязалась къ нему, пожалѣла его, но вчера вмѣсто ласкъ и поцѣлуевъ она заставила его играть на рояли.

— Я и не думала, что вы такой музыкантъ... Вамъ не офицеромъ быть, а чѣмъ нибудь поболѣе того.

Онъ игралъ ей «Пера Гинга» Грига, сыгралъ «Смерть Азы», потомъ «Танецъ Анитры», вотъ тутъ и началось. Онъ вдругъ оказался у ея ногъ. Онъ охватилъ ея талію сильными руками, она не сопротивлялась, онъ поднялъ ее, она молчала и только какъ-то грустно вздохнула. Онъ понесъ ее, она сама указывала куда нести и открывала двери. Такъ очутился онъ все съ нею на рукахъ въ спальнѣ, гдѣ была широкая постель, мягко освѣщенная висячимъ на потолкѣ фонаремъ и раскрытая. А дальше все шло само собою. Было то безумство, котораго Кольцовъ ожидалъ все лѣто...

Передъ глазами Кольцова плылъ туманъ, онъ потерялъ способность чувствовать время. Было это поздно или рано, онъ не зналъ, онъ чувствовалъ только, что онъ любитъ и любимъ. Ему говорили это не слова, которыхъ не было, но лишь вздохи, которые были слаще всякихъ словъ. И время

шло — неощутимое, неосязаемое и было величайшее блаженство, которое ниспослано Богомъ человѣку.

И вотъ вдругъ, точно отъ какого-то непонятнаго страха передъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ онъ очнулся. Въ столовой часы пробили два. И сейчасъ-же въ прихожей и необычно сильно затрезвонилъ электрическій звонокъ у входной двери.

Людмила Васильевна вскочила съ постели.

— Миленькій, тебѣ надо бѣжать. Фу-у, какая, однако, глупая исторія. И ты совсѣмъ раздѣтъ.

Она босая пробѣжала неслышными шагами въ прихожую, принесла оттуда шашку, фуражку и пальто Кольцова, а сама поспѣшно одѣвалась.

— Скорѣй, милый... По черному ходу нельзя... Тамъ услышитъ прислуга...

Она отдернула гардину, безъ стука открыла окно.

— О, какъ высоко!.. И дождь!.. Какъ на зло... Ты можешь?.. Скорѣе, милый...

Звонокъ въ прихожей повторился. Онъ былъ длиннѣе и точно настойчивѣе.

Кольцовъ, онъ былъ только въ бѣльѣ, спустился за окно, повись на рукахъ и прыгнулъ. Сейчасъ же за нимъ полетѣли въ окно его вещи. Томный голосъ сказалъ: «до субботы»... Окно закрылось. Все было тихо на дворѣ. Ни одна щель не свѣтилась въ квартирѣ Людмилы Васильевны. Кольцовъ поспѣшно одѣлся. Кажется, никто его не видалъ. Дворникъ у воротъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Кольцовъ не сразу нашелъ извощика и, ежась въ мокромъ бѣльѣ и платьѣ, поѣхалъ домой.

Теперь, лежа на диванѣ въ дежурной комнатѣ, Кольцовъ все это переживалъ... Вотъ она «инфернальная» женщина!.. Прелестно... Совсѣмъ романическое приключеніе. Кто звонилъ — это мало интересовало Кольцова. Къ такимъ женщинамъ не ревнуютъ... Мужъ?.. Любовникъ?.. Содержатель? — не все-ли равно. Она будетъ его еще, еще и еще!.. Онъ казался себѣ героемъ. «Тремя мушкетерами» вѣяло отъ приключенія и если-бы можно было его разсказать — вѣдь это-же — шикъ!.. Это тоже классъ выпрыгнуть такъ изъ окна!..

Такъ обладать и такою женщиной... Котда вчера зарылъ лицо въ душистые золотые волосы слезы счастья брызнули изъ глазъ.

Такъ незамѣтно, въ неудобной позѣ, — револьверъ давилъ подъ бокъ и былъ жестокъ диванъ, шашка мѣшала, сапоги жали въ подъемѣ Кольцовъ вдругъ заснулъ крѣпчайшимъ коротким сномъ молодости, покоя, сладости первой побѣды и обладанія женщиной. Онъ и проснулся сейчасъ-же, какъ отъ толчка. Его кто-то настойчиво звалъ:

— Ваше благородіе... А, ваше благородіе...

Въ дверяхъ стоялъ собранскій буфетчикъ Константинъ. Онъ былъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ и съ обычной салфеткой подъ мышкой.

Кольцовъ поднялся съ дивана.

— Ваше благородіе, вы-бы прошли въ третью сотню. Очень уже тамъ чего-то шумятъ казаки. Какъ-бы пьяныхъ не было. Боже упаси, командиръ выйдетъ, узнаетъ... Бѣды-бы не было...

Кольцовъ совсѣмъ отошелъ отъ сна. Онъ вытеръ лицо мокрымъ полотенцемъ, оправилъ аммуницію, надѣлъ передъ зеркаломъ папаху и бодрой походкой направился черезъ собраніе въ казарму третьей сотни.

VIII

— Скажите мнѣ, многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ, въ чемъ, собственно вы видите такую опасность для моего офицера въ связи съ этой женщиной?.. Ибо, согласитесь, вопросы морали не входятъ, какъ будто, въ кругъ обязанностей охраннаго отдѣленія. Конечно, вѣрно... Это-же безобразіе прыгать изъ окна въ одномъ бѣльѣ и одѣваться на дворѣ. Это маратъ мундиръ... но маратъ-то въ буквальномъ смыслѣ, ибо дворъ-то грязный, а не въ духовномъ... Въ духовномъ-то мы знаемъ, отъ стариковъ знаемъ — «быль молодцу не въ укоръ»... Конечно... Конечно всѣ эти связи съ дѣвицами легкаго поведенія — все это грязно и скверно... Но вѣдь это-же жизнь. Гони природу въ дверь — она

влетитъ въ окно. Не монахи мы. Офицеру-то двадцати трехъ лѣтъ нѣтъ, а по закону и жениться до этого времени нельзя... Природу, естество-то это самое никакими законами не передѣлаешь, да сами вы знаете, женатыхъ офицеровъ-то мы въ полкахъ не слишкомъ жалуемъ... Мы Писаніе понимаемъ: «не оженившійся печется о Господеви», а женившійся думаетъ, какъ угодить женѣ, такъ у насъ на этихъ-то самыхъ погибшихъ, но милыхъ созданій взглядъ очень и очень снисходительный. Такъ, простите меня, многоуважаемый, почему же все таки васъ это приключеніе, словъ нѣтъ — грязноватое и пошленькое приключеніе, такъ уже взволновало?.. Содержатель что-ли у этой особы очень уже вліятельный?.. А?...

— Отчасти и это, Александръ Ѳедоровичъ. Женщина эта умная бестія, и, если теперь благополучно выкрутилась, такъ другой разъ будетъ осторожнѣе. Бѣда не въ содержателѣ. Вы слишкомъ плохого мнѣнія о жандармахъ. Такія дѣла, какъ бы ни были важны и вліятельны содержатели, насъ не касаются. Вы, конечно, слышали о дѣлѣ есаула Воронкина?

— Очень мало. Это, кажется, казачій офицеръ, замѣшанный въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ?

— Именно такъ-съ. Надо вамъ пояснить, что послѣ революціи 1905-го года, партія соціалистовъ-революціонеровъ была чрезвычайно озабочена своею неудачею. Она напоролась на армію, главнымъ образомъ, на ея офицерскій составъ. Каста сломила ее. Ну и казаки тоже не измѣнили Престолу. Вотъ и послѣдовало постановленіе перенести работу въ армію и на казаковъ. Кстати были свѣдѣнія, что у казаковъ въ связи съ революціей было недовольство.

— Представьте — первый разъ слышу, — какъ-то особенно сухо сказалъ Акимовъ.

— Ну, какъ-же!.. Ошибокъ много власти надѣлали... Ну и воспользовались ими. Этотъ есаулъ Воронкинъ...

Очень долго не зажигалась у Шварца его бензиновая зажигалка и не раскуривалась папироса. Акимовъ не выдержалъ и спросилъ:

— Ну, что-же Воронкинъ?

— Между прочимъ вы слыхали про «казакомановъ»?

— Да есть такіе полуграмотные чудаки, которые казаковъ не считаютъ за Русскихъ и выводятъ ихъ отъ скифовъ, генуезцевъ, меланхленовъ, Тьму-тараканцевъ, словомъ, чортъ знаетъ отъ кого. Дураковъ, знаете, много на свѣтѣ — есть и такіе, что предпочитаютъ быть татарами, чѣмъ кровными Русскими.

— Да, конечно... Но это, знаете, разжигаетъ казачій патріотизмъ и вольности казачьей противопоставляетъ Москву.

— Слыхалъ... Но это, многоуважаемый, уклоняетъ насъ въ разсужденія, далекія отъ хорунжаго Кольцова... Ужъ онъ-то никакъ не «казакоманъ»... Родился въ Москвѣ, воспитывался и выросъ въ Петербургѣ, онъ и казаковъ-то увидалъ только въ полку.

— Простите, Александръ Ѳедоровичъ, что невольно отвлекаюсь въ сторону. Намъ, чинамъ охраны, дана ужасная возможность видѣть ошибки правительства, но исправлять ихъ намъ не дано. Мы — чины охраны... Мы — жандармы. Мы нужны, мы необходимы, но насъ не любятъ, насъ сторонятся, насъ рѣдко слушаютъ... А потому позвольте, я использую данный частный случай, не совсѣмъ подходящій къ этому, чтобы сказать вамъ, какъ представителю казачьей власти, то, что считаю нужнымъ сказать.

Въ голосѣ Шварца слышалась нѣкоторая обида и Акимовъ поспѣшилъ пригласить Шварца высказаться.

— Когда по Россіи начались повсемѣстные бунты, забастовки, погромы имѣній, такъ блистательно названные съ Думской трибуны — «иллюминаціями», казаки по Государеву призыву съ необычайной готовностью, жертвенностью поднялись на защиту Государства отъ врага внутренняго. А бороться противъ врага внутренняго съ одной стороны много тяжелѣе, чѣмъ противъ врага внѣшняго... Въ толпѣ — солдатъ ,идущій на войну — герой, онъ уважаемъ, ну а солдатъ, идущій усмирять возставшихъ, если только онъ не идетъ спасать жидовъ отъ погрома, почти-что прези-

раемъ... Какъ только васъ ни называли: и «нагаечники-то», и «опричники», и «гасители»... Все это не легко давалось казакамъ. Ну и думали — нашу жертву оцѣнятъ... Намъ дадутъ земли... Вернутъ такъ называемыя «вольности казачьи», казачій кругъ, поставятъ атамана, если уже и не выборнаго, то хотя-бы изъ прирожденныхъ казаковъ.

— Вы очень, я вижу, освѣдомлены въ казачьихъ настроеніяхъ...

— Приходится по долгу службы все знать. Въ Новочеркасскѣ сложилось даже крылатое этакое словцо — «казаки просили землицы, а имъ дали петлицы»...

— Ну да, это поводу того, что послѣ смуты армейскимъ казакамъ на мундиры дали бѣлыя армейскія петлицы...

— Вотъ именно-съ... А вѣдь крылатыя-то слова летятъ-съ... На то имъ и крылышки даны-съ... А тутъ еще и эти пяти-алтынные...

— Какіе пяти-алтынные?

— А вотъ тѣ, что выдаютъ казакамъ за выѣзды на усмиренія. Стали говорить — казаковъ покупаютъ...

— Но, позвольте, вѣдь эти деньги выдавались въ пособіе не только казакамъ, но всѣмъ вообще солдатамъ.

— Вѣрно-съ, но про казаковъ говорили, про солдатиковъ, какъ у насъ въ извѣстныхъ слояхъ общества называютъ солдатъ, благоразумно помалкивали. Натискъ шелъ пока на казаковъ. Ну вотъ я и подхожу къ предмету моего посѣщенія. Простите, что такъ отвлекался, но теперь вамъ все станетъ ясно. Пропаганду въ войскахъ поручено вести преимущественно женщинамъ. Имъ это легче... Онѣ и въ казармы проникнутъ, онѣ и увлекутъ и очаруютъ... Такъ вотъ эта самая бестія... Доложу вамъ — сложена, какъ богиня... Видали въ Эрмитажѣ мраморную статую этакую въ полъ-человѣческаго роста — «Венера Таврическая» прозывается, дубликатъ Венеры Медицейской, что находится въ музеѣ Уффици во Флоренціи, стыдливо этакъ ручкой прикрываетъ свои прелести. Я гимназистомъ былъ, такъ все бѣгалъ смотрѣть, что она такое своими прозрачными пальчиками прикрываетъ... Такъ вотъ эта самая бестія получше

Венеры будетъ, ну и въ годахъ, толкъ въ мальчишкахъ знаетъ. Она и выбрана партіей, чтобы вести пропаганду въ войскахъ. Студента офицеръ не послушаетъ, ну а такая напоетъ въ минуту страсти, такъ знаете не всякіе мозги выдержатъ... Въ самую душу влѣзетъ...

— Позвольте, многоуважаемый, почему-же она такая раскрасавица, какъ вы ее расписываете и на такое опасное дѣло пошла?..

— Тутъ цѣлая и сложнѣйшая психологія. А кому-же, какъ не жандармамъ психологію-то знать. Ее, барышню изъ хорошей семьи, когда она была на курсахъ обольстилъ... Вы простите — я безъ именъ... Профессіональная тайна. Она думала — женится. Все таки она не кто-нибудь... Гимназію кончила... Сама на курсахъ педагогическихъ... Красота, сложеніе... Онъ деньги ей предложилъ. Она стала его содержанкой... Но въ нее вселился дьяволъ мести. Мести ко всему сословію. Къ аристократіи, къ правительству. Вотъ тутъ-то къ ней и подсыпался такимъ меленькимъ горошкомъ извѣстный революціонеръ. Молодъ, красивъ, образованъ, уменъ, подлъ до мозга костей и такъ онъ ее обработалъ, что она спитъ и видитъ, какъ бы побольше вреда сдѣлать «ненавистному правительству». Ну, ей тоже, конечно, напѣли про парламентъ, про равноправіе женщинъ, про то, какая ей роль предстоитъ, если да въ Россіи будетъ республика и сгинетъ этотъ, какъ они называютъ по своему, по подлому — «царизмъ». Она загорѣлась, запылала и съ головою ушла въ дѣло.

— Вы все это про нее знаете и не арестуете... Удивляюсь...

— Не удивляйтесь... Не арестуемъ.

— Почему?.. Служитъ, что-ли она вамъ, какъ это говорятъ, бываетъ.

— Секретныхъ сотрудниковъ, мы, Александръ Ѳедоровичъ, никогда не называемъ. Такова наша присяга. Но въ данномъ случаѣ, по чистой совѣсти — этого нѣтъ. Въ госпожѣ Лозинской этого діавольскаго благородства хотя от-

бавляй. На совѣсть ушла въ революцію и готовитъ не болѣе не менѣе, какъ цареубійство.

— Цареубійство!.. — привставая съ кресла сказалъ Акимовъ и его щеки покрылись румянцемъ. Какъ-же вы, многоуважаемый, молчите... И такую тварь... На свободѣ?.. Не понимаю... Готовитъ цареубійство... Вы это знаете и на свободѣ...

— Именно на свободѣ, Александръ Ѳедоровичъ. Но вы чувствуете, на какой свободѣ. Хуже чѣмъ въ тюрьмѣ. Каждый шагъ ея намъ извѣстенъ. Можетъ быть, вы слыхали въ прошломъ году — дѣло пяти. Четырехъ поймали — на Лисьемъ Носу повѣсили, пятый мимо рукъ прошелъ, а пятый-то и былъ этотъ самый есаулъ Воронкинъ, ею обольщенный. А раскрыли все дѣло и всѣхъ арестовали, благодаря слѣжкѣ за нею.

— Но есаулъ Воронкинъ?..

— Глупая, знаете, исторія. Вышелъ въ формѣ. Жандармы по оплошности не были предупреждены, видятъ офицеръ, казачій, честь отдали, онъ сѣлъ на извощика и былъ таковъ. Ну, да найдемъ... Черезъ нее и найдемъ...

— Арестовать!.. Арестовать такую каналью!.. Въ тартары сослать!.. Въ монастырь на покаяніе.

Полковникъ Шварцъ снисходительно усмѣхнулся.

— Помилуйте, Александръ Ѳедоровичъ, содержанку такого лица... Любимую его игрушку. Такая поднимется исторія. Всю музыку испортимъ... А такъ, на свободѣ... Ходятъ къ ней люди, а мы ихъ, когда нужно ловимъ. Вотъ и вашего Кольцова поймали, о чемъ я и пріѣхалъ вамъ доложить.

— Ну, развѣ Кольцовъ?

Полковникъ Акимовъ нахмурился и лицо его стало озабоченнымъ.

— О, повторяю, невиннѣйшій мальчикъ... Не безпокойтесь... Я во время пріѣхалъ предупредить васъ. Не сомнѣваюсь — онъ соціалистовъ ненавидитъ и презираетъ не меньше, чѣмъ мы съ вами. Но...

— Но?.. Какое-же тутъ можетъ быть — но?..

— Кольцовъ — рыцарь...

— Ну... Онъ офицеръ...

— Это все равно-съ... Рыцарь... Любимая, обожаемая женщина попроситъ. На благородствѣ сыграетъ... «Не выдадите»?.. «Честное слово»?.. Вотъ на это то самое честное слово сколько честнѣйшихъ людей ловилось безчестными людьми. Тамъ попроситъ прокламаціи спрятать, тамъ шрифтъ типографскій, готовую бомбу... Скажетъ... да, вѣдь, какъ скажетъ-то: «боитесь?.. Ну не надо...». Вы понимаете, какъ это подѣйствуетъ? Вѣдь скажетъ то это ожившая медицейская Венера... Скажетъ ж е н щ и н а рыцарю мужчинѣ..

— Хорошаго, вѣрно, мало. Но смѣю завѣрить, Кольцовъ на это не пойдетъ.

— Ручаетесь?.. Не пойдетъ?.. А какъ влюбится? Безъ ума и памяти влюбится? Говорю вамъ — особа дьявольская, и умна и хитра, какъ бѣсъ. Около своего пальчика окружитъ вашего корнета.

— Что-же прикажете дѣлать, если это такая уже дьявольская женщина?

— Убрать отъ нея корнета... Немедленно услать его куда нибудь. Это, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, его первая любовь. А первая любовь — порохъ. Вспыхнетъ ярко, пламя большое, дыму много, а за то скоро и сгоритъ. Пусть потомится въ разлукѣ. Порохъ то какъ водою обольетъ. Перемѣна впечатлѣній, ну и другія тамъ какія женщины явятся на подмогу. Пока не поздно-съ — въ командировку... Въ отпускъ... Только бы отсюда подальше, отъ Петербурга. Она за нимъ не поскачетъ. Письма ея подъ наблюденіемъ. Писать станетъ — не пропустимъ. Въ какіе нибудь полгода — и спасете корнета.

— Что-же, можетъ быть, вы и правы... Я подумаю. Спасибо, что предупредили. Идемте завтракать, часъ то Адмиралтейскій.

— Простите, Александръ Ѳедоровичъ, — Шварцъ похлопалъ по портфелю. — Невозможно. Дѣла, знаете. Я къ вамъ урвался изъ управленія, потому что торопился предупредить, ибо такую болѣзнь надо сразу захватить, не дать ей развиться. А, видите, сколько у меня бумагъ и все

спѣшныхъ. Въ половину второго у меня свиданіе и допросъ на конспиративной квартирѣ. Еле поспѣю. Не только иной разъ завтракать не приходится, но и обѣдать-то не поспѣваю. Время такое горячее. Идетъ штурмъ власти. Простите, до другого болѣе спокойнаго времени.

Полковникъ Акимовъ нѣсколько дружелюбнѣе пожалъ руку жандарма, проводилъ его до выходной двери, самъ помогъ ему одѣться и выпустилъ изъ квартиры.

IX

За завтракомъ Акимовъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Его сестра, Серафима Ѳедоровна и племянница Леля не обращали на него вниманія. Онѣ привыкли къ этому, ибо знали, сколько непріятностей и безпокойства несетъ съ собою командованіе полкомъ. Да и время отправленія домой команды «отходящихъ», то-есть выслужившихъ свой срокъ службы казаковъ всегда тревожное, волнующее время. Онѣ не спрашивали Александра Ѳедоровича, кто у него былъ, кто и почему задержалъ. Онѣ знали, что рѣдко ихъ братъ и дядя можетъ во время придти ѣсть. Онѣ торопились, чтобы поскорѣе подавали блюда, потому что, знали, что сейчасъ должны придти съ докладомъ полковой адъютантъ и завѣдующій хозяйствомъ. Полковникъ не любилъ, чтобы его дожидались.

Болтала одна Леля... Три года тому назадъ она окончила Донской Маріинскій Институтъ и теперь занималась съ итальянцемъ профессоромъ. У нея оказался большой и красивый голосъ — она готовилась зимою выступить въ одномъ частномъ кружкѣ, въ оперѣ.

— Дядя, когда завтра Жоржъ Кольцовъ смѣнится съ дежурства позовите его завтракать. Мнѣ необходимо съ нимъ заниматься.

— Сколько разъ я говорила тебѣ, Леля, — ворчливо сказала Серафима Ѳедоровна, — чтобы ты отучилась такъ фамильярно называть офицеровъ. Ты не дѣвочка, а барышня — невѣста. И дался тебѣ этотъ Георгій Александровичъ!..

— Мама... Онъ аккомпанируетъ, какъ молодой богъ.

— Ну, милая моя. Выраженьица изъ бульварнаго романа. Раньше подумай, а потомъ говори. Развѣ, когда боги аккомпанируютъ?.. И какіе такіе боги?.. Все романы, да оперы у тебя на умѣ...

— Мама, ну, какъ ты не хочешь того понять, когда Жоржъ аккомпанируетъ мнѣ, онъ меня чувствуетъ, онъ угадываетъ мое дыханіе, онъ слѣдитъ за мною, онъ напередъ знаетъ, что я хочу сдѣлать... Это настоящее блаженство имѣть такого аккомпаніатора. Дядя, вы позовете?.. Да, дядя?..

— Позову, позову, — разсѣянно сказалъ Акимовъ.

Онъ думалъ о своемъ. О судьбѣ, о какихъ то дьявольскихъ женщинахъ, которыя становятся поперекъ дороги такимъ вотъ прекраснымъ дѣвушкамъ, какъ его Леля... Какая они были-бы пара!.. Нѣтъ, тутъ Венера Медицейская, и въ годахъ!.. Революція всюду залѣзла... Но, что-же дѣлать?.. Обратиться къ Лелѣ за помощью?.. Къ ребенку?..

Подъ его мысли продолжала ворчать Серафима Ѳедоровна:

— Что поешь — пой. Для свѣтской дѣвушки это украшеніе... Я не препятствую. Даже рада, что Господь тебѣ такой талантъ даровалъ. Дѣвушка должна умѣть возвышенно прельщать людей. Но, опера?.. Какая опера?..

— Мама... Я-же вамъ говорила. Самъ Ивановъ ее ставитъ. У Суворина на театрѣ... Бла-го-творительный спектакль...

— Театръ?.. Я слыхала... Гмъ... театръ?.. Тамъ, я слыхала, эти самые актеры «ты» говорятъ актеркамъ. Уменьшительными именами называютъ.

— Это, мама, товарищество... Они всѣ товарищи по сценѣ. И не вездѣ такъ. У насъ...

— У насъ!.. Этого еще не доставало!..

— У насъ этого не будетъ. И никто не посмѣетъ меня «Лелей» назвать. И на «ты», я просто не позволю. Я себя такъ поставила. И всѣ знаютъ, что я дочь генерала Можайскаго.

Этотъ послѣдній аргументъ заставилъ Серафиму Ѳедоровну замолчать. Леля знала, на что бить.

Полковникъ Акимовъ, молча, ѣлъ, что ему подавалъ денщикъ и все думалъ свои думы.

«Женатый офицеръ... Конечно, что называется «не таё». Береги его, думай о немъ... Но какъ все это выходитъ, одну спасу этимъ отъ большой сцены съ ея интригами, сплетнями, главное, завистью, прикрытыми фальшивымъ товариществомъ, спасу отъ пыльнаго блеска кулисъ, другого спасу отъ увлеченія подозрительными женщинами, которыми дьяволъ владѣетъ... Да, сложное, все таки, дѣло — командовать полкомъ, когда надо и о людскомъ, человѣческомъ думать. Конечно, — жандармскій полковникъ правъ — услать куда нибудь Жоржа, встряхнуть такою встряской, чтобы вся эта любовная дурь изъ головы вылетѣла... А тамъ — женить. Вѣдь и женатые офицеры могутъ быть лихими».

Онъ не успѣлъ допить своего кофе, какъ явился денщикъ:

— Ваше высокоблагородіе, къ вамъ съ докладомъ.

X

Полковой адъютантъ, Алексѣй Ипполитовичъ Сергѣевъ, полнѣющій, лысѣющій сотникъ, въ длинномъ чекменѣ, пахнущемъ тонкими духами, припомаженный и блестящій свѣже-побритыми щеками, ловкимъ движеніемъ, нагнувшись надъ столомъ сзади сидящаго Акимова, положилъ папку «къ подписи» и взялъ прессъ съ кляксъ-папиромъ, чтобы прикладывать. Все были пустыя бумаги — послужные списки казаковъ, отходящихъ на льготу. Все на одномъ мѣстѣ, аккуратно и четко ложилась подпись — «Акимовъ, Акимовъ... Акимовъ». Адъютантъ, всякій разъ чуть нагнувшись, прикладывалъ прессомъ.

— Это все на подпись?..

— Все, господинъ полковникъ.

— Къ докладу?..

— Изъ войскового штаба срочная телеграмма. Запра-

шиваютъ, кто изъ младшихъ офицеровъ въ этомъ году будетъ спущенъ съ командой на льготу?..

Это всегда былъ больной вопросъ. Офицеры любили полкъ и неохотно отправлялись на три года на Донъ на бездѣльное скучное пребываніе въ станицѣ. Офицеровъ помѣщиковъ въ полку на бѣду не было, и командиръ полка зналъ, что рано или поздно этотъ запросъ будетъ и придется кѣмъ-то пожертвовать, и все не рѣшался.

— Вы спрашивали господъ офицеровъ? Что, есть желающіе?

— Всѣхъ до одного. Просто хотя по жребію. — И, вспомнивъ, что хорошій адъютантъ въ минуту колебанія командира полка долженъ ему подсказать, Сергѣевъ тихо и почтительно сказалъ:

— Если-бы подъесаула Трофимова?

— Да что вы, многоуважаемый!

Акимовъ нахмурился, адъютантъ выпрямился, онъ зналъ, что когда дѣло дошло до «многоуважаемаго» значитъ — командиръ очень недоволенъ своимъ докладчикомъ.

— Онъ просился въ Офицерскую кавалерійскую школу, а вы на льготу. Придетъ-же въ голову человѣку. Вы погодите подсказывать. Это прескверная у васъ манера стала соваться, куда васъ не спрашиваютъ.

Акимовъ положилъ перо и барабанилъ пальцами по телеграфному бланку. И вдругъ сама собою пришла мысль. «Да, кого-же, какъ не его?.. Пускай прикоснется къ землѣ, пусть поживетъ «дома», пусть узнаетъ чѣмъ, какими мыслями, какими мечтами живутъ тѣ казаки, которыхъ онъ призванъ обучать. Тамъ, на свѣжемъ степномъ воздухѣ станицы, вся эта петербургская дурь изъ головы вылетитъ. Тамъ у него дяди, двоюродныя сестры, цѣлый цвѣтникъ, говорятъ, очень образованныя и неглупыя, идейныя дѣвушки, пусть тамъ забудетъ свою Медицейскую, или чортъ ее знаетъ тамъ какую Венеру изъ галлереи «Уффици», о какой полковникъ никогда въ жизни не слыхалъ. Да, загнулъ этотъ самый Шварцъ, образованность свою хотѣлъ показать... Уффици, во Флоренціи; это, кажется, въ Италіи, что-ли?..

Медицейская Венера... И въ лѣтахъ»...

Полковникъ взялъ перо въ руки. Адъютантъ стоялъ съ безразличнымъ, безстрастнымъ видомъ — «выкручивайся, молъ, самъ. Тебѣ назначать, къ тебѣ побѣгутъ съ просьбами о пощадѣ», и, косясь, черезъ блестящее пенсне подглядывалъ, кого-же назначитъ полковникъ? И вдругъ одна рыжеватая бровь поднялась на самый лобъ адъютанта и лицо его выразило крайнее изумленіе, онъ взялъ прессъ, чтобы приложить къ начертанной полковникомъ надписи и сказалъ, не скрывая своего удивленія и даже осужденія.

— Хорунжаго Георгія Кольцова, господинъ полковникъ?

Рука съ прессомъ въ нерѣшительности замерла въ воздухѣ, точно ожидая перемѣны.

— А вамъ что, господинъ адъютантъ?

— Но, господинъ полковникъ, совсѣмъ молодой офицеръ, всего третій годъ въ полку... Это невозможно!

— Невозможнаго, многоуважаемый, нѣтъ ничего, есть законное и незаконное... А это вполнѣ отвѣчаетъ закону. И по духу и по буквѣ.

— Точно такъ. Но, господинъ полковникъ, Кольцовъ кинется къ вамъ. Онъ будетъ просить васъ, умолять васъ отмѣнить ваше рѣшеніе.

— Это ваше дѣло не допустить его ко мнѣ. Передадите ему, что такова моя воля, чтобы онъ и не смѣлъ ко мнѣ ходить и обременять меня своими просьбами.

— Я передамъ, господинъ полковникъ. Но онъ все равно будетъ добиваться, просить васъ.

— Тогда только скажите ему: «чимъ бы ховаться — винъ рекомендоваться»...

— Господинъ полковникъ, онъ не пойметъ.

— А вы понимаете?.. По хохлацки?..

— Я понимаю. Онъ пойметъ, но смысла не пойметъ. Что это для него значитъ?

— Поясните, скажите: командиру извѣстно, что никому неизвѣстно, и что ему «ховаться», то-есть скрываться надо.

— И что неизвѣстно полковому адъютанту?..

— Въ данномъ случаѣ это неизвѣстно и полковому адъютанту и какъ это вамъ ни досадно, докладъ о Кольцовѣ сдѣланъ помимо васъ...

Брови адъютанта пришли въ движеніе, поднялись ко лбу, подвигались подъ лбомъ, потомъ успокоились. Онъ зналъ — допрашивать командира — напрасный трудъ. Адъютантъ взялъ телеграмму и положилъ ее въ папку.

— Что у васъ еще?..

— Рапортъ объ увольненіи въ отпускъ на двадцать восемь дней.

— Чей?..

— Есаула Рубашкина, съ молодой женой проситъ разрѣшенія въ Крымъ поѣхать...

— Когда думаетъ ѣхать?..

— Просилъ завтра.

— Пришлите мнѣ вечеромъ отпускной билетъ на подпись.

Адъютантъ положилъ готовый билетъ на подпись передъ командиромъ.

— Что-же вы мои мысли что-ли знаете, господинъ адъютантъ?..

— Это-же законно.

— А, да... А мой капризъ?

— Адъютантъ знаетъ, что у командира полка нѣтъ капризовъ.

— Вы, что-то разъигрались сегодня... Что у васъ опять кто нибудь былъ?..

— Есть, господинъ полковникъ, — самодовольно улыбаясь, сказалъ адъютантъ и принялъ изъ подъ пресса подписанный командиромъ полка отпускной билетъ.

— Ну, до свиданья...

Командиръ ложалъ руку адъютанту и думалъ: «да съ холостыми, пожалуй, это много проще, во всякомъ случаѣ это не касается службы и ей не мѣшаетъ... Но Кольцова надо убрать, убрать отъ такого соблазна».

XI

Едва Кольцовъ вышелъ на площадку черной лѣстницы, какъ гулъ, дикіе и какъ будто и правда пьяные крики его поразили. За высокою коричневою казарменною дверью играла гармоника, нестройно и нескладно пѣли пѣсельники, гомонили, какъ на базарѣ голоса и вдругъ кто-то за самой дверью пьяно крикнулъ:

— До-мой!..

И съ разныхъ концомъ дико заревѣли:

— Домой!.. Домой!!. Дом-мой!!!

Кольцовъ толкнулъ тяжелую на блокѣ дверь и вошелъ въ казарму.

Люди пришли съ уборки лошадей. Казарма была полна. Одни казаки кучками сидѣли по койкамъ, другіе толпились въ корридорѣ, гдѣ стояли гимнастическіе приборы. Казаки были такъ увлечены пѣніемъ, криками и разговоромъ, что не сразу замѣтили вошедшаго въ казарму офицера.

Молодой, прошлаго года прихода, казакъ только что широко раскрывъ ротъ, завопилъ: «домой», какъ увидѣлъ Кольцова, торопливо застегнулъ крючки мундира и испуганно крикнулъ:

— Смирно!.. Встать!..

Ближайшіе встали и смотрѣли, улыбаясь на офицера, дальше въ казармѣ не слыхали и не видали и продолжали шумѣть.

Тогда изъ перваго взвода зашикали и закричали:

— Смирно!.. Тише вы тамъ!.. Дежурный по полку... Смирно!.. Смирно!..

Казарма затихла. Отъ второго взвода отдѣлился любимецъ Кольцова, красавецъ урядникъ Лагутинъ. Онъ шелъ къ Кольцову, улыбаясь веселой пьяной улыбкой. На койкѣ его стоялъ раскрытый сундукъ и подлѣ зеленоватая четверть водки и стеклянные толстаго стекла стаканчики.

— Ваше благородіе дозвольте васъ поцѣловать.

Пьяныя, крѣпкія губы прижались къ губамъ совершен-

но растерявшагося Кольцова и словно вдохнули въ него пьяный удалый угаръ.

Кольцовъ не крикнулъ на Лагутина, не оборвалъ его, не поставилъ «на точку» — онъ растерялся.

Румяный Пастуховъ, выпучивъ большіе черные тараканьи глаза, наливалъ водку въ стаканчикъ и дрожащей рукой подавалъ его Кольцову. Лагутинъ быстро повернулся къ стоящимъ подлѣ его койки казакамъ и крикнулъ:

— Ну, чаво вы, ребятки, обалдѣли. Шумите пѣсню!

И самъ высокимъ голосомъ завелъ:

— Георгію Ликсандровичу-у-у!..

И, вмѣсто рапорта дежурнаго по сотнѣ, который остановился тутъ въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать, нестройно, пьяно, но весело, бодро, съ лихимъ радостнымъ задоромъ запѣли казаки:

— Чарочка моя, серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная...
Кому чару пить,
Тому здраву быть...
Пить чару-у-у — Георгію-ю,
Здравому быть — Ликсандровичу-у...
А мы яму здравія желаимъ,
За его здоровьице пьемъ гуляимъ,
За его дѣла, за хорошая,
Прокричимъ — ура!..

— Ура!.. Ур-ра!.. Ур-р-ра!.., — нестройно, дико и пьяно понеслось по казармѣ. — Домой!.. Дом-мой!!. Дом-м-мой!!!

Вся сотня столпилась теперь подлѣ Кольцова.

Пастуховъ, умильно улыбаясь, подносилъ на тарелкѣ стаканчикъ водки:

— Ваше благородіе, по обычаю... Какъ водится.

И Кольцовъ — дежурный офицеръ!.. — принялъ стаканчикъ и выпилъ до дна.

Огненнымъ ключомъ пробѣжала водка по жиламъ и на мгновеніе затемнила сознаніе о томъ, что надо дѣлать, что можно и чего нельзя.

— Ну, чаво долдонами стоите. Играйте что-ли какую пѣсню... Веселую, — распоряжался Лагутинъ.

Пастуховъ радостно вылупилъ глаза и завелъ ту самую запрещенную, дурацкую пѣсню, за которую его ругалъ подъесаулъ Симоновъ — «Тапиръ»:

— Я васъ первой разъ увидѣлъ,
Я веселый взоръ замѣтилъ,
Точно запримѣ-ѣ-ѣтилъ...

Совсѣмъ, какъ передразнивалъ Тапиръ, по бараньи заблеялъ Пастуховъ. Хоръ нестройно подхватилъ:

— На форточкахъ фартучки,
Золотые гребешки,
Они золоты-ы-ые...
—На правой рукѣ колечко,
Висялитъ мое сердечко,
Сердце ретиво-о-ое...

Задорнѣе, веселѣе, пьянѣе шла пѣсня:

— И божилась и клялася,
Полюбить дружка бралася,
Шельма обманула.

Къ пѣснѣ пристала гармоника. Сысой Великановъ, заложивъ пальцы въ ротъ, дико, пронзительно свисталъ:

— Обманула, не пришла,
Въ село Царское зашла,
Шельма заблудилась...

Лагутинъ рылся въ своемъ громадномъ, обитомъ жестью съ «морозами» сундукѣ. Онъ досталъ оттуда фуражку.

Что это была за фуражка!.. По всѣмъ швамъ, по донышку, по краямъ околыша и по четыремъ швамъ тульи она была прошита широкимъ, пестрымъ, бѣло-желто-чернымъ шнуромъ, такъ называемымъ «вольно-опредѣляющимся». Околышъ былъ узкій, козырекъ крошечный, тулья громадная. Это былъ верхъ безвкусія и безобразія. Лагутинъ на-

дѣлъ фуражку на себя — его красивое лицо стало ужаснымъ, напомнило Кольцову клоуна въ циркѣ.

— Лагутинъ... Скинь эту гадость! — крикнулъ Кольцовъ, — это-же каррикатура, а не фуражка.

— Въ прошломъ годѣ, — говорилъ Пастуховъ, наклоняясь и обдавая виннымъ духомъ Кольцова, — подъесаулъ Тапиръ, такую штучку увидамши у отходящаго казака, — такъ ножницами всю ее изрѣзали... Въ конецъ искромсали.

«Боже мой!.. Боже мой!..» — думалъ Кольцовъ. — «Что же я долженъ, однако, дѣлать?.. При мнѣ, офицерѣ, моего товарища, офицера, казакъ называетъ его прозвищемъ, кличкою, «Тапиромъ»!.. Вѣдь я крикнуть долженъ!.. Я оборвать его обязанъ, подъ арестъ отправить!.. Долженъ разогнать все это пьянство въ казармѣ... Вѣдь я-же при томъ дежурный по полку!..».

Но онъ ничего не дѣлалъ.

«Дисциплина», — сумбурно думалъ онъ, а передъ глазами отъ чужого шумнаго веселья мутные круги ходили. — «Дисциплина, конечно... Но по существу, нѣтъ-ли еще и какой-то другой дисциплины?.. Они такъ услужливы и почтительны... Въ ихъ глазахъ столько радости и счастья... Не тутъ-ли кроется то святое товарищество, которое толкаетъ казака за офицеромъ на подвигъ?.. Да, пьютъ въ казарму водку, и это не хорошо... Но прогнать то, разогнать всю эту компанію надо было сразу, а теперь, какъ будто бы и поздно, точно я сталъ уже ихъ сообщникомъ?».

Лагутинъ въ своей ужасной фуражкѣ, нагнувшись, рылся въ громадномъ сундукѣ. Кольцова усадили на койку. Великановъ хотѣлъ подложить подъ него подушку — «чтобы мягчѣе было», Кольцовъ оттолкнулъ подушку. Кругомъ по койкамъ сѣли казаки. Пастуховъ, наклоняя четверть, наливалъ стаканчикъ — тотъ ходилъ въ круговую.

— Ваше благородіе, за ваше здоровье!..

— Спасибо...

— Ваше здоровьице, ваше благородіе!..

Лагутинъ досталъ изъ сундука куртку сине-сѣраго офицерскаго сукна на бѣличьемъ мѣху. На ней были фантасти-

ческіе погоны, подобные юнкерскимъ, обшитые позументомъ и вся она, какъ и фуражка, была расшита «вольноопредѣляющимся» шнуромъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Лагутинъ, — сказалъ Кольцовъ. — Ну какая-же это пакость! Совсѣмъ каррикатура!

— Самый станичный вкусъ, ваше благородіе. Тамъ, какъ наши бабочки такое увидятъ, ажъ сомлѣютъ отъ одного вида.

— Ты женатъ, Лагутинъ?..

— Женатъ... Вотъ я женѣ платокъ какой соорудилъ.

Лагутинъ досталъ и платокъ. Платокъ былъ отмѣнный. По черному полю большіе алые и розовые цвѣты. Казаки встали и смотрѣли платокъ, щупали матерію, глядѣли ее на свѣтъ.

— Мягкій какой...

— Розаны, ну чисто розаны...

— Не платокъ, а разочарованіе одно.

— Поди цѣлковыхъ три плочено!

— И длинный какой, надѣнетъ до самаго пола будетъ.

— Ну, Матрена Савишна по улицѣ пойдутъ, станица оборачиваться будетъ.

Лагутинъ досталъ и другой платокъ — голубой съ бѣлымъ узоромъ съ волнистою шелковою бахромой.

— А этотъ Любушкѣ, сестренкѣ... Сестра у меня — ей осьмнадцатая весна пошла. Шустрая дѣвонька.

— А дѣти у тебя есть?..

Лагутинъ нахмурился, сдѣлалъ отчаянный жестъ рукою:

— Фу, ваше благородіе!.. Да др-р-рян-нь-же!.. Дѣвчонка одна!.. И говорить-то не охота!

— Почему ты форменное не шьешь?.. Развѣ форма не красивѣе?..

— Оно, положимъ, ваше благородіе, хоть и красивше, такъ надоѣла эта хворма.

Лагутинъ ментикомъ накинулъ на плечи сѣрую куртку и прошелся вдоль коекъ.

— Ахъ, ты — вотъ красота!.. — дивились казаки.

— Лунякинъ, — крикнулъ Лагутинъ подходившему къ

нимъ взводному. — Иванъ Павлычъ, похвалитесь его благородію, каку икону соорудили для, значитъ, станичному храму.

Лунякинъ подбѣжалъ къ своему сундуку.

— Есть чѣмъ похвалиться, — говорилъ Лагутинъ, все въ той-же фуражкѣ и курткѣ ментикомъ, подсаживаясь къ Кольцову. Тотъ снялъ съ него фуражку и кинулъ ее въ сундукъ:

— Ваше благородіе, да вы ее изрѣжьте, — смѣясь, сказалъ Пастуховъ.

Лагутинъ обернулся къ Кольцову и заговорилъ тихимъ, довѣрительнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе, вы когда на Дону бывали-то?

Кольцову совѣстно было сознаться, что онъ никогда на Дону не былъ и онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Ну?..

— Вы вотъ чего... Вы когда отпроситесь въ отпускъ и пожалуйте къ намъ, въ станицу. Прямо ко мнѣ, уряднику Лагутину. Сдѣлайте такое ваше одолженіе. А ужъ я икоркой васъ угощу, вы такой и не видали. Что Государю Императору посылаемъ — то и вамъ подамъ. Хату мою поглядите. Я будущій годъ по горницамъ паркѣ буду стелить.

Кольцовъ не понялъ.

— Что будешь стелить?..

— Полы, какъ въ собраніи у насъ. Въ шашку дубовую, изъ Москвы выписываю. Вы только поглядите, какъ живемъ. Есть чѣмъ похвалиться. По Дону-кормильцу поплаваемъ. Каючекъ у меня рыболовный — моторомъ не нагоните — такой ходкій. Безпремѣнно пріѣзжайте. Какъ же семейство мое обрадуете. Осчастливите.

— Къ нимъ ѣхать — со станціи Азовъ, — сказалъ прислушивавшійся къ тому, что говорилъ Лагутинъ Пастуховъ.

— Ну, зачѣмъ сказали такъ, — возмутился Лагутинъ. — Для чего имъ за Донъ забиваться?.. Они въ Ростовѣ фаэтонъ возьмутъ, вотъ она и станица наша, прямо просто степью проѣдутъ. А отъ станицы и хуторъ нашъ всякій ука-

жетъ. Тутъ и восьми верстовъ не будетъ. Да кабы весною, по разливу, куда лучше. Красота, ну чистое море!..

— Къ вамъ — пароходомъ, Парамоновскимъ, — подсказалъ Великановъ.

— Э!.. Канителиться... Росписаніе глядѣть. Онъ, когда пойдетъ, а когда и нѣтъ. На извощикѣ, чего проще.

И, самъ не понимая почему, Кольцовъ обѣщался и даже слово офицерское далъ, что когда пріѣдетъ на Донъ, непремѣнно побываетъ у Лагутина.

— Ваше благородіе, вы и ко мнѣ тады заѣзжайте, наша станица сосѣдская, — сказалъ Пастуховъ.

— И ко мнѣ, ваше благородіе, — отозвался Великановъ.

— У нихъ и отпуска не хватитъ — ко всѣмъ ѣхать.

Лунякинъ принесъ на полотенцѣ икону. Всѣ встали, благоговѣйно наклонили головы. Прекрасная была и дорогая икона Донской Божіей Матери, писаная на золотомъ, узорномъ полѣ. Темно-коричневый хитонъ мягко облекалъ Матерь Бога. Подъ убрусомъ свѣтилось кроткое лицо. Широкій кованый, серебряный окладъ тонкой Овчинниковской работы обрамлялъ икону.

— Триста рублевъ плочена, — вздыхая, сказалъ Лунякинъ. — Всѣ три года службы копили. И деньги, которыя за усмиреніе, постановили, чтобы на икону. И не жалко — первая въ станичномъ храмѣ икона будетъ — наша. Тутъ и надпись начертана.

— Вотъ это дѣло, братцы, — сказалъ умиленный Кольцовъ. — А теперь расходитесь и больше не шумите, а то командиръ полка услышитъ — хорошо это будетъ? И вамъ попадетъ и меня подведете.

— Командиръ пойметъ... Ить мы, ваше благородіе, отслужимши Царскую службицу домой идемъ.

И точно слово — «домой» электрической какой искрой пронзило казаковъ, опять по казармѣ загремѣло дикое, разгульное: «домой!.. домой!!. дом-мой!!!». Великановъ пронзительно свисталъ, положивъ пальцы въ ротъ. Кольцовъ совершенно растерялся и не зналъ, какъ угомонить казаковъ. На его счастье въ казарму вошелъ вахмистръ. Онъ сразу по-

нялъ въ какое положеніе попалъ молодой офицеръ и, властно растолкавъ казаковъ, подошелъ къ Кольцову. Онъ покосился на опростанную четверть и рывкомъ бросилъ:

— Убрать!.. Чтобы и званія ея никто и не примѣтилъ. Расходись, ребята, по койкамъ. Приводи себя въ порядокъ. Заразъ и на ужинъ строиться. Разрѣшите, ваше благородіе?

— Господинъ вахмистръ, дозвольте его благородію въ остатній разъ одну пѣсню спѣть.

Вахмистръ разрѣшилъ.

— Становись у кругъ, — командовалъ Лагутинъ, зорко оглядывая подваливавшихъ со всѣхъ сторонъ казармы пѣсельниковъ. — Гляди на мене.

Стройная, красивая, за душу берущая, старая пѣсня понеслась волнами, задрожала, залилась, захватывая сердца по казармѣ

— За курганомъ блещутъ пики,
Пыль несется, кони ржутъ,
И отвсюду слышны крики: —
— «Вонъ!.. полки домой идутъ!..»

— Домой!.. Домой!!. Дом-м-мой!!! — понеслось по казармѣ.

— Тише вы, оголтѣлые, — крикнулъ вахмистръ, увлеченный пѣсней. — помягчѣе здѣся Лагутинъ:

— Подошли... Ужъ близко, близко.
Всколыхался ратный строй,
Поклонились Дону низко: —
«Здравствуй, нашъ отецъ родной!.»

На выпуклыхъ черныхъ тараканьихъ глазахъ Пастухова крупныя налились слезы. Онъ самъ себя превзошелъ нѣжностью и сладостью своего тенора:

— А рѣка кипитъ и блещетъ,
И бурливою волной
И вздымается и плещетъ
Съ пѣной на берегъ крутой...

Пѣсня увлекàла, пѣсня рисовала дорогія, родныя картины красотъ Дона, родныхъ краевъ милаго д о м а. Казаки ушли въ пѣсню, слѣдили какъ мягко ходила рука Лагутина, дирижировавшаго хоромъ и въ пѣсню, казалось, вкладывали всю свою душу:

— «Что, кормилецъ, ты сердишься...
Али насъ ты позабылъ?..
Али въ насъ ты не вглядишься?..
Али насъ ты разлюбилъ?..»

Бурно отвѣтилъ за Донъ хоръ:

— «Не сержусь на васъ я, дѣти.» —
Шумно Донъ проговорилъ ,
— «Нѣтъ, я радъ, что Богъ, васъ, дѣти,
Поздорову воротилъ»...

— Тише, тише, — усмирялъ голоса вахмистръ, — души давайте больше, какъ ихъ высокоблагородіе учили.

Куда было больше давать души!.. Половина лицъ была орошена слезами. Кольцову къ горлу подступалъ невѣдомый клубокъ и точно подлинными донскими волнами колыхался хоръ:

— «А безъ васъ мнѣ грустно было —
Вспомянулась старина...
Вы пришли — пестало силы: —
Слезы брызнули изъ дна...» *)

XII

Когда на другой день Кольцовъ съ новымъ дежурнымъ пришли смѣняться, швейцаръ казакъ сказалъ:

— Ихъ высокоблагородія нѣтъ дома.

Онъ выложилъ на ясеневый столъ подъ зеркаломъ книгу дежурствъ. Офицеры расписались.

---

*) Стихотвореніе Ал. Леонова. Москва 1882. — Въ старину это была любимая казаками пѣсня. Теперь — «Стенька Разинъ» ее задавилъ своею персидскою княжною.

— Васъ, — обратился казакъ къ Кольцову, — ихъ превосходительство генеральша просютъ наверхъ.

Кольцовъ догадался: приглашеніе шло отъ Серафимы Ѳедоровны, но звала, конечно, Елена Михайловна.

Легко и бодро взбѣжалъ Кольцовъ на третій этажъ и прошелъ въ гостиную.

Леля поднялась ему навстрѣчу изъ-за рояля.

— Ну вотъ!.. Наконецъ-то! — Она протянула Кольцову обѣ руки. — Во первыхъ вы должны мнѣ помочь. Не выходитъ у меня съ этой пѣсенькой... Потомъ дядя просилъ васъ завтракать у насъ. Его самого не будетъ. И послѣ завтрака помогите разобрать ноты. Видите, какой хаосъ.

— Командиръ уѣхалъ?

— Ну да, если его не будетъ къ завтраку — значитъ онъ уѣхалъ... Зачѣмъ вы задаете лишніе вопросы?.. Вы знаете, что командиръ не выноситъ «отходящихъ» и всегда — Леля договорила шопотомъ: — уди-ра-етъ... Онъ уѣхалъ на охоту. И — новость!.. Дядя позволилъ мнѣ пѣть въ оперѣ. Но мама?!. Представьте!.. — опять былъ шопотъ, — знаете, какъ казаки говорятъ — «на гопки поднялась»... Мертвая закидка!.. Дядя ее — еще тише шопотъ — на корду, и отработалъ... Что тутъ было!.. Такъ вотъ теперь сами понимаете, *какъ* я должна спѣть въ этой оперѣ. Эта пѣсенька пустячокъ, но вотъ тѣмъ и трудна она, что пустячокъ, тутъ мнѣ вы необходимы. Можете? Руки не дрожатъ? Да снимите вашу шашку — она-же вамъ мѣшаетъ!

Кольцовъ сѣлъ за рояль.

Онъ началъ играть, но Леля перебила его.

— Погодите... Мнѣ это на ходу надо пѣть... Я — прохожій... Я откуда то издалека иду и пѣснь моя все приближается. Я стану тамъ, пойду изъ того угла. Погодите.

Леля прошла въ уголъ гостиной, стала въ позу.

— Ну, теперь начинайте:

— Пор-р-радуйся, малютка
Чуднымъ апрѣльскимъ днямъ,
Ужъ солнца свѣтъ, несетъ привѣтъ
Весны сошедшей къ на-амъ...

— Елена Михайловна, а не лучше будетъ тутъ немного замедлить: «ве-есны, со-ошедшей къ намъ»...

— Ахъ, милый Георгій Александровичъ, вы-то замедлите, я знаю, а вѣдь тамъ будетъ оркестръ... И, кажется, самъ Направникъ... Про него пѣвицы говорятъ: — прямо — звѣрь какой. Онъ способенъ на спектаклѣ оркестръ остановить и замѣчаніе сдѣлать... Вѣдь это — умереть послѣ этого.

— Какъ?.. Будетъ дирижировать Направникъ?.. Самъ Направникъ?..

— Ну, да... Впрочемъ, я въ этомъ далеко не увѣрена. Быть можетъ, онъ и не согласится. Опера малюсенькая. Игрушка, а не опера. Но — прелесть. И... знаете... Къ ужасу великому мамы — я буду — травести! Въ свѣтломъ парикѣ и серебристо-бѣломъ кафтанѣ и панталонахъ!.. Съ гитарой... Подумайте, какъ это будетъ красиво — я выхожу съ гитарой, иду откуда-то издалека, мнѣ говорили, что надо, чтобы и башмаки были пыльные... Но я не хочу... Вѣдь — прохожій могъ гдѣ нибудь почиститься? Я ужасно счастлива... Ну, милый, еще разъ вотъ это мѣсто.

И опять зазвенѣлъ, зачаровалъ, заколдовалъ Кольцова веселый, точно праздничный голосъ:

— Побѣжимъ подъ сѣнь деревьевъ,
Гдѣ слышна пѣснь любви...
Побѣжимъ — это радостный путь,
Путь мотыльковъ...

— Нѣтъ, кажется, совсѣмъ хорошо. Вотъ съ вами я ничего не боюсь. Почему это?.. Давайте снова и теперь я буду пѣть опять на ходу. Начинайте.

Тонкій станъ покачнулся, легкой походкой пошла Леля по залу, голосъ звенѣлъ, усиляясь:

— Пор-радуйся, малютка,
Чуднымъ апрѣльскимъ дня-амъ... *)

Такъ и пѣла она, а онъ игралъ, пока въ дверяхъ не по-

*) Переводъ съ французскаго полонаго Платона Краснова.

явился денщикъ и сказалъ, не зная къ кому обратиться, — она — «ихъ превосходительство» — да «др-р-рянь-же — дѣвчонка!», онъ только «его благородіе».

Денщикъ «вышелъ изъ положенія». Отвернувшись въ сторону и, глядя какъ то между ними, онъ сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Пожалуйте, кушать подано...

XIII

Когда Кольцовъ, возвращаясь послѣ завтрака у командира, проходилъ мимо офицерскаго флигеля, изъ окна второго этажа, изъ адъютантской квартиры его окликнулъ адъютантъ .

— Жоржъ, зайди ко мнѣ, дѣло есть.

Адъютантъ съ Тапиромъ лежали на широко раскрытомъ окнѣ.

Въ два большихъ разбѣга Кольцовъ поднялся къ нимъ.

— Ну, поздравляю, Жоржъ, — сказалъ адъютантъ. — Знаешь — новость, Акимычъ тебя спускаетъ на льготу.

— Постой. Шутишь?.. Меня?.. На льготу, да что-же это такое?..

— Какія тамъ шутки, уже и телеграмма въ штабъ войска отправлена, самъ отправлялъ.

— Да что я тамъ дѣлать буду?..

— Отдыхать будешь... Молодыхъ казаковъ обучать грамотѣ и словесности, — сказалъ Тапиръ.

— Но постойте, господа... Довольно шутить... Вѣдь это-же невозможно. Я такъ люблю полкъ.

— Э, — милый. Каждый изъ насъ не меньше твоего любитъ. Кому нибудь надо ѣхать на Донъ.

— Кому нибудь, но почему мнѣ?

— Командиръ назначилъ.

— Да нѣтъ... Вы это все серьезно?..

— Совершенно серьезно.

— Тогда, тогда... Я пойду къ командиру и буду просить... Умолять... Я же не могу... На льготу, — уже голо-

сомъ, въ которомъ дрожали слезы сказалъ Кольцовъ... — Да, нѣтъ, господа, все это шутки.

— Идти къ командиру не совѣтую, — строго и серьезно сказалъ адъютантъ. — Что ты думаешь — адъютантъ тебѣ не другъ?.. Не товарищъ? Я отлично понималъ, что льгота и станица — это не для тебя, но командиръ былъ непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи и, когда я ему сказалъ, что ты будешь проситься, онъ мнѣ сказалъ: «скажите Кольцову — чимъ бы ховаться — винъ рекомендоваться»... Загнулъ загадку.

— Но, постой. Я ничего таки не понимаю. Чимъ бы ховаться?.. ховаться?.. Вѣдь это — прятаться?..

— Да, милый мой — прятаться. Уже не напроказилъли ты чего нибудь и мнѣ не сказалъ, вотъ и приходится расплачиваться.

— О, нѣтъ... Это невозможно...

И вдругъ румянецъ сталъ покрывать щеки Кольцова, онъ отошелъ въ уголъ, гдѣ стояло пьянино и сѣлъ за него.

— Ничего не понимаю, — тихо сказалъ онъ. — Ничего я такого не дѣлалъ.

Онъ сталъ наигрывать на пьянино какую-то грустную мелодію.

— Скажи мнѣ, Алексѣй Ипполитовичъ, Акимычъ холостой?

— Ты это не хуже моего знаешь.

— Но у него тамъ есть?.. Понимаешь?.. какая нибудь?..

— Хорунжій Кольцовъ, ваши вопросы неумѣстны. Семейная жизнь командира полка не касается господъ офицеровъ.

— Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и касается, — очень тихо и грустно сказалъ Кольцовъ.

Въ разговоръ вмѣшался Тапиръ.

— Ну, полно, — сказалъ онъ, — оставь его, Алексѣй. Молодой скоро совсѣмъ сомлѣетъ, какъ барышня. Не святой-же Акимычъ. И у него есть дама сердца... Почтенная, уже сѣдая... Вдова генеральша... Но въ чемъ дѣло?..

— Почтенная, сѣдая.. Нѣтъ, это не то. Гдѣ она живетъ?

— А тебѣ не все равно? Не думаешь-ли ты идти къ ней, у нея искать протекціи.

— Нѣтъ, я съума не сошелъ пока. Хотя есть отъ чего и сойти... На льготу? А все таки мнѣ это весьма и весьма важно знать.

— На Пушкинской, или на Коломенской, гдѣ то словомъ въ нашихъ краяхъ.

— Ну, значитъ. Не то.

— Не говори загадками.

— Вы говорите загадками и я говорю загадками... Чимъ бы ховаться...

— Видишь, Жоржъ, слушай старыхъ офицеровъ и тѣмъ болѣе адъютанта. Командиръ тебѣ добра желаетъ. Ты былъ на видъ очень скроменъ, но, въ тихомъ омутѣ, говорятъ, черти водятся. А, если ты станешь «бабникомъ»?

— Не понимаю, о чемъ ты говоришь, — тихо сказалъ Кольцовъ и сталъ снова играть подъ сурдинку какой-то вальсъ.

— Станешь за каждой юбкой гоняться. Тебя будутъ презирать женщины, но и будутъ бѣгать за тобой. Читалъ Донъ-Жуана?..

— Ну?..

— Бабника презираетъ и ненавидитъ его жена, но и гордится имъ.

— Я не собираюсь жениться...

— Бабникомъ пренебрегаютъ другіе мужчины, вѣроятно изъ зависти.

— Что-же Донъ-Жуанъ?.. Не такъ уже плохо?..

— А статуя командора?.. «О тяжело пожатье каменной его десницы». Потянетъ тебя въ адъ и вся недолга.

— Ну... Въ адъ, это... положимъ!.. Вотъ на льготу тянутъ — это похуже будетъ!..

— Не забывай, Жоржъ, что ты имѣешь высокую честь носить нашъ полковой мундиръ.

— Кажется, ни на секунду этого не забываю, — совсѣмъ тихо сказалъ Кольцовъ.

— Если-бы ты былъ штатскій... И у тебя — связь... Конфектное этакое созданіе... Бѣлошвеечка, или прачка, дитя изъ подвала, стремящееся къ свѣту бель-этажа... Летящее на огонь любви... Твое дѣло — твоей совѣсти. Но, когда на тебѣ мундиръ нашего полка... Ты понимаешь, какъ ты долженъ быть остороженъ...

— Да, конечно... Все это я знаю. Но къ чему ты это мнѣ говоришь? Если ты что нибудь про меня знаешь... Слышалъ что нибудь, скажи прямо и я отвѣчу по чистой совѣсти, но такъ... загадками...

— Слава Богу, ничего не слышалъ.

— Тогда, зачѣмъ же ссылаютъ меня?..

— Тебя не ссылаютъ... Ты ѣдешь... домой!.. Ты на Дону никогда не былъ, а обучаешь и командуешь донскими казаками, вотъ Акимычъ, вѣрно, и хочетъ, чтобы ты прикоснулся къ родной землѣ и понялъ ту тоску казака по домашнести, за которую ты не разъ его бранилъ и осуждалъ...

— Можетъ быть, и такъ...

Кольцовъ бренчалъ теперь на пьянино бравурный маршъ. Онъ сбивался. Такъ не отвѣчалъ этотъ маршъ тѣмъ мыслямъ, которыя вдругъ съ необычайною четкостью понеслись въ его головѣ. Конечно, приключеніе изъ «Трехъ мушкетеровъ» стало какими-то путями извѣстно командиру полка. А что, если тотъ, кто такъ настойчиво въ ту ночь звонилъ къ Людмилѣ Васильевнѣ былъ именно командиръ полка?.. Тапиръ могъ и не знать, какая у командира полка любовница. Кто говоритъ про такія дѣла?.. Да, наконецъ, у Акимыча могла быть и не одна сѣдая генеральша. И что, если, когда онъ на темномъ дворѣ подъ дождемъ поспѣшно одѣвался, за нимъ въ щель портьеры слѣдилъ ревнивыми глазами Акимычъ?.. Это было-бы ужасно... Кольцовъ любилъ и уважалъ Акимыча и мысль, что онъ оскорбилъ его, угнетала... Не даромъ его предупреждали, что Людмила Васильевна — инфернальная женщина... Инфернальная женщина могла просто выдать его командиру... Но, какая цѣль?..

Посмѣяться надъ нимъ?.. Она написала, или встрѣтила гдѣ нибудь и разсказала ему о приключеніи. Можетъ быть, по всему городу уже говорятъ о прыжкѣ офицера въ одномъ бѣльѣ изъ квартиры на Офицерской?..

Кольцовъ спутался въ клавишахъ. Фальшивыя ноты звучали по комнатѣ. Тапиръ хватался за уши.

— Жоржъ, пощади!.. Знаменитый пьянистъ, что съ тобой?.. Это и мой денщикъ лучше тебя сыграетъ.

— Оставь его, — сказалъ адъютантъ. — Видишь, Жоржъ, напрасно ты имѣлъ секреты отъ адъютанта.

— Ничего не имѣлъ, — рывкомъ сквозь сдержанное рыданіе сказалъ Кольцовъ. — Можетъ быть, командиръ и правъ. Во всякомъ случаѣ — дисциплина меня обязываетъ повиноваться... На льготу, такъ — на льготу...

Кольцовъ быстро всталъ, схватилъ въ охапку шашку и аммуницію и, не прощаясь, выскочилъ изъ квартиры адъютанта.

XIV

Конечно, прежде всего надо было повидаться съ Людмилой Васильевной. Только инфернальная женщина могла все объяснить Кольцову. Но видѣться съ инфернальной женщиной было не такъ просто. Между ними было условлено, что безъ предупрежденія Кольцовъ къ ней не будетъ ходить днемъ. Вечеромъ было опасно. Кто тогда звонилъ, а если этотъ таинственный «кто» тамъ и остался жить? Ждать надо было до субботы. Но въ субботу уходилъ эшелонъ старослужащихъ казаковъ и Кольцовъ получилъ предписаніе слѣдовать съ этимъ эшелономъ на Донъ, въ распоряженіе окружнаго атамана. Кольцовскій денщикъ взялъ на себя иниціативу и укладывалъ въ объемистый сундукъ все то изъ несложнаго имущества молодого офицера, что считалъ ему нужнымъ на Дону. Тапиръ тоже взялъ на себя рѣшеніе о лошади Кольцова, его «Доріанъ-Грей» до весны долженъ былъ остаться въ полку, на попеченіи Тапира и Тапиръ будетъ на немъ скакать въ Михайловскомъ манежѣ. Все шло, какъ и всегда шло у Кольцова, помимо его воли. Какъ вста-

валъ онъ по указанію денщика и все дѣлалъ по полковому приказу, такъ и теперь его сборы шли помимо него. А тутъ еще растравила ему душу Леля.

На другой день утромъ, когда Кольцовъ совсѣмъ собрался ѣхать на авось къ Людмилѣ Васильевнѣ явился къ нему денщикъ командира полка и тономъ приказанія передалъ:

— Ихъ превосходительство, барышня Елена Михайловна, просютъ васъ, чтобы вы заразъ пришли.

Леля была въ большомъ волненіи.

— Георгій Александровичъ, объясните мнѣ, что случилось? Вы на льготу? Это-же страшно, какъ неудобно.

— Я самъ не понимаю, какъ это случилось. Я думалъ, что вы можете мнѣ это объяснить. Вѣдь нашъ командиръ — вашъ дядя!

— Дядя... Да, дядя... Вы думаете, онъ съ мамой или со мной будетъ о чемъ нибудь служебномъ говорить? Какъ же! и эти дни онъ мраченъ, сердитъ, приступу къ нему нѣтъ. Все изъ за васъ!

Кольцовъ поблѣднѣлъ.

— То-есть... Почему, изъ за меня?..

— Вамъ легко... Вамъ все равно, какъ сойдетъ моя опера... А мнѣ надо искать другого аккомпаніатора. Мама хочетъ, чтобы съ Александрой Сергѣевной. Она такая педантка, съ нею нельзя, какъ съ вами нюансы дѣлать. Не могу я съ ней. Она не музыкальна. Она мнѣ все испоритъ.

— Что-же мнѣ дѣлать? Вы сами понимаете, какъ я разстроенъ...

— Вы разстроены!.. Такъ я вамъ и повѣрила... На Донъ!.. Тамъ у васъ — кузины! Ужасно, Георгій Александровичъ. Ужасно!.. Вы должны...

Искра надежды загорѣлась въ глазахъ Кольцова. А что, если она какъ нибудь устроитъ отмѣну его назначенія.

— Что я долженъ?.. Я все сдѣлаю, что вы мнѣ прикажете...

— Вы должны эти дни посвятить мнѣ. Мы съ вами на зубокъ пройдемъ всѣ мои партіи и потомъ я сама... сама бу-

ду добиваться совершенства... И вы! не услышите меня въ оперѣ!.. И вы! не увидите меня въ костюмѣ прохожаго!.. Какъ ужасна жизнь, Георгій Александровичъ...

— Скажите дядѣ...

— Скажешь!.. Развѣ ему можно что нибудь заикнуться о службѣ... Это вамъ такъ повредитъ... Протекціи ищетъ!.. Его нельзя въ служебномъ переупрямить... Такъ что-же аккомпанировать-то можете?.. Руки не дрожатъ... Знаете что, играйте всю оперу съ начала, чтобы намъ проникнуться ею... А то на Дону... Забудете насъ всѣхъ... Какъ Улиссъ... Помните... Тамъ кузины... Тамъ тьма красивыхъ дѣвушекъ... Женитесь и пропадетъ мой аккомпаніаторъ... Играйте и напѣвайте за всѣхъ и за хоръ, а я вступлю, когда надо.

Такъ за игрой, за пѣніемъ, подлѣ этой милой, несказанно очаровательной дѣвушки Кольцовъ сталъ понемногу забывать о своемъ горѣ.

XV

На платформѣ товарной станціи Николаевской желѣзной дороги — шумъ, гамъ, суета, нестройное, то тутъ то тамъ начинающееся пѣніе и сейчасъ-же обрываемое, игра хора трубачей, пискъ гармоники.

Весь полкъ собрался проводить «отходящихъ» казаковъ. Были всѣ офицеры.

Погода исправилась. Вдругъ прояснило, и блѣдное петербургское солнце, точно застѣнчиво оглядываясь, подымалось по свѣтло-голубому небу.

Въ воздухѣ осенняя тишина и пахнетъ отъ пакгаузовъ свѣжими рогожами, яблоками и прѣлымъ листомъ. На бульварчикѣ, идущемъ вдоль запасныхъ путей низкіе тополи и рябины точно лакомъ покрыты росой. За бульваромъ высокіе заборы Санъ-Галліевой фабрики, за ними пестрый осенній уборъ сада.

Лошади уже погружены въ вагоны. Кольцовъ, проходя вдоль состава, видѣлъ натянутые поперекъ вагоновъ холщевые репгуха и слышалъ мѣрный хрустъ жующихъ лоша-

дей. Кольцовъ остановился у вагона, гдѣ знакомый, его взвода, казакъ Изваринъ любовно разбиралъ челку на лбу своего бураго коня и ласково говорилъ:

— Кось, а Кось, ты слухай чего я тебѣ сказывать буду. Еще деньковъ семь покушай питерскаго сѣнца, а тамъ уже будешь свое степовое, домашнее кушать.

Онъ увидалъ Кольцова, вытянулся передъ офицеромъ и все такимъ-же сердечнымъ голосомъ сказалъ:

— А ить онъ, конь-отъ, значитъ, понимаетъ, что значитъ въ вагонъ его постановили, что безъ винтовокъ идемъ. Онъ ить соображаетъ, что — это обознаетъ — «домой».

Это — «домой» точно висѣло въ самомъ воздухѣ... То тутъ, то тамъ, изъ вагоновъ, гдѣ набились казаки и гдѣ повизгивала гармоника, или изъ казачьихъ толпъ на платформѣ вдругъ поднимались и неслись по путямъ ликующіе крики. Кто нибудь одинъ вдругъ отъ избытка восторга крикнетъ: «домой» и сейчасъ много голосовъ подхватитъ и понесется въ осеннемъ воздухѣ, заглушая свистки паровозовъ и отдаленный гулъ города это веселое радостное: «домой!.. домой!!. дом-м-мой!!!

На концѣ платформы блестятъ серебряныя трубы полкового хора трубачей. Красавецъ штабъ-трубачъ бѣлой палочкой дирижируетъ хоромъ. Вальсъ «На сопкахъ Манчжуріи» колышется и плыветъ надъ толпою. Но никто не слушаетъ красивый напѣвъ трубъ. Въ толпѣ послѣднія прощанія, повторяются вдругъ всплывшія откуда-то со дна души слова любви и дружбы, такъ долго хранившіяся подъ спудомъ воинской дисциплины и суровой казарменной обстановки.

Гигантъ правофланговый, Великановъ, по шерсткѣ и кличка, вдругъ бухнулъ на колѣни передъ Ляховымъ и, кланяясь до земли, говорилъ:

— Простите, ваше высокоблагородіе, ежели я въ чемъ согрубилъ передъ вами...

Смущенный Ляховъ поднималъ его.

— Ну, что вы, Великановъ, ну полно, полно!..

— Какъ истинный сынъ своему отцу, — поднимаясь

съ земли и вытирая рукавомъ вдругъ проступившія на глазахъ слезы, говорилъ Великановъ.

Кругомъ стояли казаки.

— Ить это онъ вѣрно такъ... Что-жъ худого не видали?.. Служили правильно...

Толпа волновалась, переливаясь съ одного края платформы къ другому. Денщикъ Тапира вдругъ увидалъ Кольцова и растерянно, съ бѣгающими, ищущими глазами бросился къ нему.

— Ваше благородіе, вы мово не видали? Ищу, ищу, не найду никакъ, а быть на проводахъ обѣщались.

Но уже Тапиръ самъ увидалъ своего денщика и протискивался къ нему черезъ казаковъ.

— Чего тебѣ, Деревянновъ?..

— Ваше благородіе, запамятовалъ я сказать вамъ, ить бѣлье то ваше, двѣ крахмаленныя, кальсоны, сапетокъ три пары у прачки осталось, скажите Кошлакову, нехай сходитъ заберётъ... Оборони Богъ не пропало-бы. Чего худого не вышло-бы?..

Сигналистъ игралъ: «слушай», хоръ трубачей повторялъ за нимъ. Послѣднимъ прощаніемъ неслись пѣвучіе звуки сигнала, приглашавшаго садиться въ вагоны. Опять заорали: «домой!.. домой!!. дом-м-мой!!!».

Начальникъ эшелона съ вахмистромъ торопливо проходили вдоль вагоновъ.

По другую сторону платформы, гдѣ былъ погрузочный дворъ, за высокою стѣною ящиковъ, мѣшковъ и рогожныхъ кулей подъ крышею пакгауза робко жались женщины въ платочкахъ и шляпкахъ, лили молчаливыя слезы, глядя на казаковъ и неловко хватали ихъ за крѣпкія сильныя руки. Кольцовъ случайно услышалъ, какъ въ перерывахъ рыданій молодая женщина говорила лихому урядннку:

— Не стыдно тебѣ!.. Все говорилъ — не женатый!.. Я дура вѣрила... Думала на Донъ возьмешь... Обвѣнчаемся, какъ слѣдуетъ... Казачкой стану... На хуторѣ, въ своей хатѣ... Помѣщицей какой заживу...

— У моей хатѣ жана моя ждетъ меня, — сухо гово-

рилъ урядникъ. — Тебѣ тамъ мѣста нѣтъ... Что было — то прошло. Другого кого полюбишь.

— Дру-го-го!.. Сказалъ тож-жа!.. Безстыжіе твои глаза... Казакъ одно слово...

— Ты, Дарья, молчи... Не говори, чего не понимаешь. А то худа бы не вышло.

— Ху-уда!.. Много хорошаго я отъ тебя видала?.. Одинъ обманъ... Кабы сраму не боялась я бы скандалу тебѣ надѣлала. До твого командера дошла бы. И стоитъ... Право слово стоитъ...

Сигналъ «садись» звалъ казаковъ снова въ вагоны. Урядникъ точно смягчился:

— Прощай, Дарья... Можетъ, когда еще и свидимся. Свѣтъ-отъ не клиномъ сошелся.

Урядникъ обнялъ и крѣпко цѣловалъ бившуюся на его груди женщины. Кольцовъ стыдливо, стараясь быть непримѣтнымъ, пробирался между кулей. «Да вотъ она — любовь!.. Вездѣ она... Вездѣ она несетъ горе, а не радости». Въ этомъ не свойственномъ его философскомъ настроеніи онъ пошелъ къ офицерскому классному вагону.

Уже играли «карьеръ». Дежурный по эшелону бѣгомъ обѣгалъ вагоны, требуя, чтобы задвинули двери.

Изъ вагоновъ махали руками съ фуражками и опять и опять неслось это заразительное: «домой!.. домой!!. дом-м-мой!!!».

Въ вагонѣ съ нестроевыми пѣшими казаками заиграли пѣсню, но какую, за общими криками Кольцовъ не могъ разобрать. Она только вошла своимъ аккордомъ въ веселый общій гомонъ, въ радостные крики и бодрые звуки полкового марша, который заиграли трубачи, пропуская мимо себя поѣздъ. Кольцовъ на ходу вскочилъ въ свой вагонъ «микстъ».

У открытаго окна стоялъ начальникъ эшелона есаулъ Дроновъ.

И вотъ уже не слышно стало трубачей, звончѣе отстукиваютъ колеса вагона по рельсамъ, въ окно видно, какъ

провожавшіе казаки строятся, посотенно, чтобы идти въ казармы. Поѣздъ выбирается на главный путь.

Есаулъ Дроновъ крестится: «Господи благослови, кажется, все исправно».

Подъ сверкающимъ голубымъ небомъ, покрытымъ нѣжными перистыми барашками, въ легкой осенней дымкѣ тумана показались красныя съ бѣлыми углами казармы. Тамъ, по всѣмъ окнамъ были люди, махали фуражками, платками, оттуда неслись крики оставшихся: — «домой!.. домой!!. дом-м-мой!!!».

Замелькали двутавровыя балки «Американскаго» моста черезъ Обводный каналъ и вдругъ изъ каждаго вагона фейерверкомъ полетѣли въ темныя воды канала цвѣтныя казачьи фуражки.

У Кольцова отъ негодованія задрожала нижняя челюсть. Каждый годъ видѣлъ онъ это и каждый годъ долго не могъ придти въ себя отъ возмущенія. Полковыя фуражки, часть того мундира, который былъ святъ для него, хорунжаго Кольцова!.. «И такъ просто бросить!.. Быть можетъ, съ проклятіемъ бросить!.. Да что-же это за люди, или все наше ученіе стерто, какъ мѣлъ съ доски, и ничего святого нѣтъ у этихъ людей и нѣтъ той любви къ полку и ко всему тому, что связано съ полкомъ!.. Да какъ же это можно такъ? Что подумаютъ тѣ, кто случайно увидитъ или узнаетъ про это!.. Казаки не любятъ своего полка!».

Кольцовъ подошелъ къ Дронову.

— Павелъ Александровичъ... Ты видишь, что казаки дѣлаютъ... Ты видишь? — въ голосѣ Кольцова задрожали слезы. — Полковыя фуражки... Они ненавидятъ службу!.. Полкъ!..

Дроновъ спокойно пожалъ плечами.

— Ничего подобнаго... Это традиція! Какъ и многія традиціи — глупая традиція. Кто ее завелъ, когда, — не знаю, не умѣю тебѣ сказать. Но для нихъ она свята. Это послѣднее прости полку и здравствуй Тихому Дону... Повѣрь мнѣ и дома, въ праздникъ, съ какою гордостью каждый изъ нихъ надѣнетъ свой полковой мундиръ и свою цвѣтную фуражку.

Ихъ надо понять... Они не меньше нашего любятъ свой полкъ и гордятся имъ. Но у нихъ кромѣ казачьяго воинскаго долга есть еще и свой домашній долгъ. Вѣдь онъ самъ себя кормитъ, самъ себя снаряжаетъ въ полкъ и своихъ дѣтей готовитъ на службу... Это надо понять въ казакѣ и оцѣнить.

Кольцовъ не понималъ и не цѣнилъ. Донъ казался ему враждебнымъ полку и ему самому и опять, какъ всѣ эти дни, Кольцову страшно стало ѣхать на Донъ. Что ждетъ его тамъ? Вотъ, прощаясь, Тапиръ говорилъ ему:

— Э, милый мой, и на Дону люди живутъ и какъ еще живутъ!.. Тамъ, братъ такія славныя «чернопяточки» есть и доступныя, доступныя!.. Смотри, не потеряй голову... Въ ихъ здоровой любви есть такое обаяніе, что люди теряли голову и женились на нихъ...

— И бывали счастливы, — договорилъ адъютантъ.

Тамъ, на этомъ непонятномъ Дону — женщины!.. Какія?.. Станичницы!.. Кузины!.. «Чернопяточки»!!.

Поѣздъ шелъ, какъ полагается воинскому поѣзду не тихо, не скоро, подолгу стоялъ на станціяхъ и приближался съ неумолимостью рока къ тому Тихому Дону, о которомъ такъ хорошо пѣли казаки, къ дому, о которомъ мечтали казаки и увозилъ Кольцова отъ инфернальной женщины, отъ Лели и отъ всего уютнаго полкового уклада жизни. Увозилъ далеко отъ безконечно милаго Петербурга.

Часть вторая

НАТАЛЛЪ

I

Окружный атаманъ, высокій худощавый полковникъ, съ желтымъ, нездоровымъ лицомъ, въ сѣдѣющей бородѣ клиномъ, разсѣянно и, какъ показалось Кольцову, небрежно выслушалъ рапортъ о прибытіи въ распоряженіе атамана хорунжаго Кольцова и сказалъ:

— Александровичъ?..

— Такъ точно, господинъ полковникъ — Георгій Александровичъ.

— Такъ вотъ я вашего отца очень хорошо зналъ. У него въ 1-мъ полку въ сотнѣ служилъ. Сурьезный былъ, знаете, человѣкъ... У васъ тутъ родни!.. Половина Дона!.. Что-жъ поживите у насъ, а потомъ и по роднымъ... Вы гдѣ стоите?

Шаловливая улыбка скользнула на губахъ Кольцова, хотѣлъ дерзко отвѣтить:

— Сами видите, на полу, на ногахъ, въ вашемъ кабинетѣ, — но только подумалъ объ этомъ, какъ атаманъ самъ за него продолжалъ:

— У Богачева въ номерахъ!.. Это рупь-цѣлковый въ сутки за стѣны. Не годится... Мы васъ за двадцать рублей въ мѣсяцъ на полное ваше довольствіе устроимъ, да еще и какъ... Поправитесь у насъ... Автономъ Павловичъ, — крикнулъ онъ въ сторону притворенной двери.

Полный офицеръ въ штабныхъ бѣлыхъ аксельбантахъ на кителѣ появился въ дверяхъ.

— Автономъ Павловичъ, что у старухи генеральши Чекомасовой комната свободна?..

— Надо быть свободна.

— Такъ вотъ — проведите къ ней хорунка, скажите, я послалъ.

Старуха Чекомасова оказалась вовсе не старухой, но полной, высокой дамой, лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ сѣдыхъ волосахъ шиньономъ, съ густыми черными бровями и прекрасными глубокими глазами, точно въ рамѣ изъ орѣха. Она вышла, обтирая руки полотенцемъ, къ ожидавшимъ ее въ трехъ-оконномъ залѣ, гдѣ — это Кольцовъ сразу замѣтилъ — стоялъ у стѣны хорошій рояль.

Автономъ Павловичъ представилъ ей Кольцова.

— Я — Софья Павловна, — сказала Чекомасова низкимъ басомъ, — генеральша Чекомасова, вдова. — Она протянула сырую отъ воды руку. — Что-же насчетъ комнаты и довольствія ничего противъ не имѣю. Какъ и всегда... Могу... Могу... Какъ въ прошломъ году стояли у меня, такъ и теперь... Охотно... Кольцова, знаю, слыхала. Двадцать пять рублей за все съ услугами... Ну тамъ дѣвушкѣ отъ себя что подарите — это уже меня не касаемо, только прошу не баловать. У насъ тутъ народъ скромный. Кормить буду — сыти будете... По средамъ и пятницамъ, ну и въ посты, конечно, рыбное... Какъ сама, такъ и вы, а сама, — она очень радушно и привѣтливо разсмѣялась, — видите какая гладкая!

Она обѣими руками хлопнула себя по крутымъ бедрамъ.

Горница, которую предложила Кольцову генеральша была просторная въ два окна. Тюлевыя занавѣски спускались до пола. На подоконникахъ въ горшкахъ стояли растенія. У окна былъ письменный столъ. Широкая кровать у стѣны, три кресла, какой-то столикъ, кушетка, шкафъ, комодъ. На стѣнѣ висѣла олеографія въ рамѣ чернаго крашенаго дерева — премія «Нивы» — «Русалки» Маковскаго, порядочно была она засижена мухами.

— Ну и книгами тоже моими пользуйтесь сколько вамъ

угодно, — продолжала генеральша, — библіотека у меня не ахти какая, однако, если вздумаете въ Академію готовиться, такъ все у меня есть, сынъ у меня въ генеральномъ штабѣ, такъ вотъ отъ него полный наборъ всѣхъ учебниковъ есть, ну и программы. Только другимъ кому не давайте, а то у насъ такъ издавна завелось: книгу зачитать и за грѣхъ не считаютъ. Слышала я, играете на роялѣ, такъ роялемъ пользуйтесь сколько хотите, онъ у меня и настроенъ и вообще въ порядкѣ, я когда то любила побренчать немного. Ну теперь некогда, одна я за всѣмъ присмотрѣть должна, а хозяйство, сами увидите, не малое. И сады, и огороды, и птица, и скотина все на мнѣ, за всѣмъ хозяйскій глазъ нуженъ... Вотъ уже удобства, простите, на дворѣ... Да, недалеко, и досточки положены, такъ что и въ непогоду, не грязно съ галлереи перебѣжать очень просто.

Кольцовъ краснѣлъ, какъ дѣвушка, смущался, а генеральша водила его по дому, показывала и баню и всѣ свои сараи и закутки.

— Помыться, когда вздумаете, скажите, дѣвушка вамъ истопитъ баньку и все приготовитъ вамъ. Хочу чтобы вольготно вамъ было у меня... Не изъ корысти держу постояльца, а какъ овдовѣла и сынъ далеко, очень уже мнѣ одиноко, а тутъ все живой человѣкъ... Такъ, какъ пожелаете, если берете, сейчасъ дѣвушку пошлю, полы вамъ помоетъ, все приберетъ, приготовитъ. Постельное бѣлье-то, есть ли у васъ, да и то лучше я наше постелю...

Въ тотъ же день къ вечеру Кольцовъ и перебрался на свою станичную квартиру къ генеральшѣ Чекомасовой.

II

Раннее утро разбудило Кольцова тихими и осторожными шумами по сосѣдству, — прибирали залъ. Кольцовъ подошелъ къ окну. Тишина станицы и какой-то радостный утренній, еще блѣдный свѣтъ успокоительно дѣйствовали на смятенную душу.

Передъ окномъ небольшой палисадникъ, отдѣленный

отъ улицы высокимъ заборомъ. Домъ Чекомасовой стоялъ на каменномъ фундаментѣ и изъ окна было видно, что дѣлается на улицѣ. Широкій проспектъ-бульваръ шелъ мимо дома. Онъ подлѣ самаго дома пересѣкался Центральной улицей. На перекресткѣ величаво стояли высокія раины. Ихъ еще густая зеленая листва блестѣла на косыхъ утреннихъ лучахъ, бѣлые стволы серебрились сквозь зелень. Подъ тополями — будки, одна, круглая, сплошная была заклеена пестрыми афишами, другая, пятиугольная имѣла открытый бокъ, въ ней торговали газетами.

Бульваръ бѣлыхъ акацій съ поблекшей, увядшей, пожухшей листвой и длинными сухими черными стручьями уходилъ вправо къ высокой церкви съ серебряными куполами. Отъ улицы съ булыжной мостовой бульваръ отдѣлялся низенькимъ, кое гдѣ поломаннымъ деревяннымъ заборчикомъ. Простыя скамейки, безъ спинокъ, крашеныя коричневой охрой часто стояли вдоль бульвара. Ни души не было ни на улицѣ, ни на бульварѣ. Станица рядами невысокихъ домовъ съ мезонинами, окруженныхъ садами тянулась вдоль бульвара. Она еще спала крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Легкій вѣтеръ шевелилъ перистые листья акацій и мелъ по бульвару бумагу. Небо было яснаго, чистаго, голубого цвѣта, какого никогда еще не видалъ Кольцовъ и совершенно безоблачное. Легкій прозрачный туманъ игралъ вдали, скрадывая конецъ улицы. Кольцовъ раскрылъ окно и полною грудью вдохнулъ чистый ароматный воздухъ станицы. Онъ сѣлъ у окна и сталъ наблюдать. И долго было тихо и пусто на улицѣ. Потомъ прошелъ казакъ въ сѣрой чумаркѣ и выгорѣвшихъ на солнцѣ заношенныхъ шараварахъ съ лампасомъ, ставшимъ совсѣмъ розовымъ. У казака было за плечами двуствольное охотничье ружье и сбоку на поясѣ висѣло штукъ пять куропатокъ. Собака, похожая на лягавую, покорно шла, какъ привязанная за казакомъ.

Изъ окна рядомъ съ Кольцовымъ раздался голосъ генеральши:

— Матвѣичъ, чего убили, нѣтъ-ли?..

— Куропатей пятокъ завоевалъ, — отвѣчалъ казакъ и остановился.

— Такъ зайдите, прошу, на кухню.

Казакъ завернулъ въ ворота чекомасовскаго дома.

И потомъ опять долго никого не было на улицѣ. Толстый офицеръ въ кителѣ съ есаульскими погонами проѣхалъ на сытой крупной вороной лошади, запряженной въ бѣгунки и опять опустѣла станица.

Кольцовъ до полудня игралъ на роялѣ. Его душа исходила въ тоскѣ по полку, по Петербургу, по потерянной инфернальной женщинѣ.

Въ полдень былъ завтракъ. Такихъ завтраковъ Кольцовъ никогда еще не ѣдалъ. Жирныя куропатки въ сметанѣ скворчали на сковородкѣ, «каймакъ» былъ такой, что хотя ножомъ рѣзать, были еще какіе то не то блины, не то аладьи съ медомъ и вишневымъ вареньемъ, и все запивалось молодымъ розовымъ виномъ: «сами и давили», улыбаясь, говорила Чекомасова.

Сѣлъ, было, послѣ завтрака Кольцовъ за книги, сталъ просматривать академическую программу, да такъ было кругомъ по полуденному тихо, такъ манила, точно подмигивала лукаво сзади мягкая постель, что Кольцовъ скинулъ сапоги и повалился на нее. И сейчасъ-же забылся въ крѣпкомъ снѣ. Онъ, должно быть, долго проспалъ тяжелымъ, нездоровымъ сномъ и, когда проснулся не сразу пришелъ въ себя.

— Грррръ, грррръ, грррръ, — неслось сквозь открытое окно съ улицы. Раздался веселый заразительный женскій смѣхъ и опять бормотаніе толпы и шарканье многихъ ногъ.

Кольцовъ подбѣжалъ къ окну, отодвинулъ занавѣску.

Бульваръ былъ полонъ народа. Противъ самаго окна, на низкой скамейкѣ сидѣли три казака. Бородатые, коренастые, крѣпкіе, загорѣлые, они были въ сѣрыхъ чекменяхъ безъ погонъ и въ синихъ съ лампасами шараварахъ. Они слушали четвертаго, стоявшаго противъ нихъ и опиравшагося на палку. Генералъ въ бѣломъ кителѣ и пестрыхъ отставныхъ погонахъ прошелъ мимо нихъ, тѣ откозырнули ему,

не вставая. Генералъ сказалъ имъ должно быть, что то веселое, они раскатисто засмѣялись.

Гимназисты, реалисты, въ коломянковыхъ желтоватыхъ блузахъ, подпоясанныхъ ремнями съ бляхами и всѣ въ шараварахъ съ красными лампасами ходили, обнявшись, группами по пять, по шесть. Столкнулись, остановились толпою, говорятъ, смѣются...

— Грррръ, грррръ, грррръ..., — несется съ улицы. Не разобрать словъ.

Ученики мореходнаго училища въ ихъ нарядныхъ матросскихъ шапкахъ съ лентами пристали къ нимъ, выросла толпа, загородила весь бульваръ.

И — барышни!..

Ихъ тутъ было много. И вовсе не «чернопяточекъ», но настоящихъ барышень, хоть сейчасъ въ Павловскъ, на музыку. Въ нарядныхъ блузкахъ, въ широкихъ юбкахъ, въ шляпкахъ съ цвѣтами или въ бѣлыхъ чистенькихъ шапочкахъ колокольчиками, точно ландыши, въ накидкахъ, въ полушалкахъ, съ зонтиками. Онѣ ходили тоже стайками отдѣльно отъ молодыхъ людей, останавливались, весело смѣялись. Вотъ остановились у собравшейся толпы. Гимназисты лущили сѣмечки, ловко сплевывая шелуху, кто курилъ папиросу съ независимымъ видомъ, кто трубку — это были больше мореходы. Вотъ опять задвигались, расплелись и зашагали по бульвару, открывъ Кольцову видъ на старыхъ казаковъ на скамейкѣ.

До самаго собора бульваръ былъ покрытъ такими толпами людей. Гуляющіе доходили до будокъ и хотя бульваръ шелъ и дальше за Центральную улицу, всѣ точно по какому уговору, поворачивали обратно и снова шагали къ собору.

Сквозь общее торготаніе толпы вдругъ вырвутся отдѣльныя слова и отчетливо донесутся до Кольцова.

— Пригласили насъ обѣдать, — распѣвно сказалъ чей-то молодой голосъ и на него сразу засмѣялись...

— У Андріянова, пробовали?..

— Ну, да кислятина!..

— Ручнымъ прессомъ куда способнѣе...

Говоръ толпы опять скралъ слова.

— Идіётъ!.. — и смѣхъ.

— Шкиперъ... Шкиперъ дальняго плаванія, пригребай къ нашему берегу...

— Аксайскіе потише вы!..

И снова: грррръ, грррръ, грррръ!..

Софья Павловна звала къ чаю.

— Софья Павловна, скажите мнѣ, что это такое, на бульварѣ?.. Почему такое гулянье, развѣ праздникъ?..

— А, это?.. Не знаете развѣ?.. Впрочемъ, откуда же вамъ знать-то?.. Вы Питерскій. Это наша... «Брехалка»...

IV

Какъ было интересно со стороны наблюдать «брехалку»... Какъ только, а это бывало съ пяти часовъ, на бульварѣ начиналъ набираться народъ, Кольцовъ становился за тюлевымъ занавѣсомъ въ комнатѣ и смотрѣлъ и старался угадать, что это за люди были на бульварѣ? Кто могъ быть тотъ высокій человѣкъ съ распущенными на концахъ сѣдыми усами, въ старомодномъ длинномъ, черномъ сюртукѣ? Онъ раскатисто смѣется разсказу сидящаго передъ нимъ на скамейкѣ стараго отставного генерала. Кто вотъ этотъ высокій, стройный офицеръ, несомнѣнно позирующій на Печорина, въ небрежно накинутой легкой шинели, плащомъ висящей на плечѣ? Изъ подъ фуражки выбиваются по алому околышу вьющіяся пряди волосъ. Лицо у него блѣдное, усы и борода сбриты. Онъ будто стихи говоритъ тремъ стоящимъ передъ нимъ, спиною къ Кольцову барышнямъ.

Осеннее румяное солнце сквозитъ черезъ цвѣтные зонтики и кладетъ золотыя пятна на свѣтлыя блузки барышень.

Офицеръ ѣдетъ верхомъ по той сторонѣ улицы, увидалъ группу и крикнулъ:

— Александръ, вали ко мнѣ... Дѣло есть!

И офицеръ въ плащѣ и барышни бросились къ всаднику, легко перепрыгнули деревянный заборчикъ и окружили офицера. Барышни ласкали статнаго караковаго ко-

ня, одна поцѣловала его между храпками. Ярко блеститъ нарядный кавказскій наборъ на подперсьи и пахвахъ, офицеръ играетъ носкомъ въ стремени. Солнечные лучи бьютъ сквозь чахлую зелень акацій, дрожатъ узорныя тѣни на свѣтломъ китель офицера.

А кто эти барышни? Сколько тутъ хорошенькихъ, стройныхъ съ тонкими таліями, гибкихъ и легкихъ на ходу. Кто та брюнетка, или вотъ эта блондинка въ кудряшкахъ, разсыпанныхъ на лбу, лѣзущихъ ей въ глаза, отчего она забавно морщится и отмахивается рукою?.. Кто эти... «станичницы»?!.

И хотѣлось спуститься внизъ и вмѣшаться въ толпу и начать знакомиться. И все не рѣшался Кольцовъ покинуть свой тайный наблюдательный постъ. Боялся насмѣшки, боялся, что онъ тутъ окажется — чужой. Тутъ все свои, друзья дѣтства, товарищи по одной и той же школѣ. Станичники...

Къ семи часамъ «брехалка» пустѣла. Обрывки пестрыхъ бумагъ отъ конфетъ и леденцовъ, шелуха подсолнечныхъ и тыквенныхъ сѣмечекъ свидѣтельствовали о многолюдствѣ, бывшемъ здѣсь. Слетались голуби и воробьи и дѣлили остатки.

Надвигался осенній вечеръ. Тутъ и тамъ загорался въ окнахъ свѣтъ. Въ открытыя окна доносился смѣхъ, пѣніе, то мужское, то женское, голоса неслись уже изъ садовъ. Въ зеленѣющемъ небѣ надъ тополями появлялась большая звѣзда. Со степи, за станицей, сильнѣе тянуло запахомъ полыни и разогрѣтой земли, съ Дона — прохладой и тамъ, должно быть, на каюкѣ, красиво и мѣрно пѣли.

Послѣ ужина Кольцовъ шелъ въ залъ и долго игралъ на рояли, вспоминая Лелю, Петербургъ и все то, что ему пришлось надолго покинуть. Генеральша сидѣла въ углу и раскладывала пасьянсъ.

Это была не жизнь, а какое то созерцательное бытіе.

Сонъ на мягкой постели былъ покоенъ, глубокъ и крѣпокъ. Такая была тишина въ станицѣ, что, проснется Кольцовъ, прислушается и слышитъ, какъ на Дону плеснетъ ры-

ба, какъ шуршитъ камышъ и что то прошепчутъ набѣжавшему вѣтерку тополя на углу бульвара.

По утрамъ Кольцовъ гулялъ. Онъ уходилъ въ степь далеко отъ станицы. Степь стояла желто-бурая, со сжатыми хлѣбами, съ погорѣлой травой. По окраинамъ станицы шумѣли молотилки, бѣлые волы въ тяжелыхъ ярмахъ медленно везли скрипучую арбу, высоко нагруженную хлѣбомъ. На самомъ верху въ лѣнивой позѣ лежалъ казакъ въ рубахѣ и форменныхъ штанахъ, мальчикъ казаченокъ погонялъ воловъ, женщина съ вилами на плечѣ шла за арбою, мягко ступая загорѣлыми босыми ногами по пыльной дорогѣ. Черныя пятки манили взглядъ Кольцова, будили неясныя мысли и желанія. По землѣ за арбою валялись сухіе колосья и долго тянуло волнующимъ запахомъ зрѣлаго зерна.

Вдали степь играла голубыми просторами. Дорога спустилась въ балку, поднялась, и снова — кругомъ равнина, сверкающее небо наверху и внизу бурое золото полей и сжатыхъ нивъ. Пахнетъ полынью, землею и еще какою-то ароматною травою. И видно, какъ далеко по степи шагаетъ охотникъ, собака мечется передъ нимъ, причуивая дичь.

Вернувшись Кольцовъ садился за программу Академіи. Онъ просматривалъ знакомые учебники. Какъ все это было недавно и какъ все это ушло далеко, далеко!.. Крезъ вспоминалъ Солона... Цезарь сказалъ: «и ты, Брутъ!». Послѣ того, что было съ инфернальной женщиной, какъ все это казалось мелко и ненужно. Въ математикѣ были задачи о курьерахъ и свѣтящихся точкахъ... Кольцовъ, шутя, вспоминалъ школьные уроки... Неужели опять учиться?.. Но вѣдь только тогда удастся уйдти со льготы и вернуться въ Петербургъ, къ инфернальной женщинѣ!.. къ Лелѣ?..

Незамѣтно на душу спускалась тихая лѣнь. Кольцовъ ложился съ томикомъ Чехова или Леонида Андреева въ постель и добросовѣстно засыпалъ на десятой страницѣ, чтобы проснуться подъ горготаніе толпы на брехалкѣ.

Все болѣе томило желаніе встать, выйдти за крыльцо и смѣшаться съ веселой, точно праздничной толпой.

IV

На четвертый день своихъ наблюденій за брехалкой Кольцовъ, наблюдая за толпой, которая, какъ стеклышки калейдоскопа каждую минуту принимала новыя формы и новыя краски, то распадалась на маленькія группы мирно гуляющихъ, то становилась большой толпой, гдѣ громко о чемъ-то спорили, гдѣ кричали, хохотали, хватали другъ друга за руки и потомъ вдругъ разсыпались маленькими группами и шли по бульвару, — увидалъ знакомое лицо. Это былъ Сениговъ, товарищъ по училищу.

Кольцовъ надѣлъ новенькую, красивую фуражку, не безъ горделиваго кокетства окинулъ себя взглядомъ въ зеркалѣ и вышелъ за калитку. Сениговъ стоялъ какъ разъ противъ ихъ дома, на бульварѣ.

— Фингалъ, — не смѣло окликнулъ его Кольцовъ.

Сениговъ обернулся, сдѣлалъ изумленный и радостный жестъ и бросился къ Кольцову.

— Такъ это ты?.. А я-то допытывался у генеральши, кто этотъ таинственный жилецъ, который и глазъ не кажетъ который день уже. Молчитъ, коварная!.. А это Жоржъ! Нашъ Жоржъ!

— Ты почему въ станицѣ? Въ отпуску?

— А вотъ, какъ попалъ въ «комплектъ» ,такъ и околачиваюсь въ станицѣ третій годъ, на льготѣ, ничего не дѣлая... Прекрасная, скажу я тебѣ, это штука — льгота. Во первыхъ — нѣтъ ничего лучшаго, какъ ничего не дѣлать, это, кажется, еще олимпійскіе боги открыли, во вторыхъ, насчетъ женщинъ, скажу я тебѣ тутъ лафа! Ибо есть тутъ — «ла-фаммъ». Здорово, — и Сениговъ самъ разсмѣялся своей остротѣ. — А ты? Въ отпуску?

— Я тоже — на льготѣ.

— Да что ты!.. Проштрафился что-ли?.. Или имѣніе получать пріѣхалъ?.. Ну, пойдемъ, тебя надо ввести въ наше станичное общество, а гдѣ-же это лучше сдѣлаешь, какъ не на брехалкѣ?

На Кольцова оборачивались, смотрѣли на него во всѣ

глаза. Новый, откуда онъ и кто? Но вотъ уже кто-то узналъ, кажется, это адъютантъ окружнаго атамана сказалъ, что это хорунжій Н-скаго полка Кольцовъ.

— Такъ вѣдь это-же нашъ, — сказалъ, тяжело подымаясь со скамьи, старый отставной войсковой старшина. — Онъ, надо быть, тѣхъ самыхъ Кольцовыхъ, что въ 1-мъ полку служили... Генераловъ Кольцовыхъ...

Онъ пошелъ знакомиться съ Кольцовымъ, и вотъ уже Кольцовъ окруженъ какими-то старыми и молодыми, больше отставными офицерами.

— Какъ-же это возможно, пятый день въ станицѣ и никому визитовъ не нанесли?.. Да вы, батенька, что-же?.. Больны что-ли были?.. Ну, идемте.

И вотъ сразу, и пяти минутъ не прошло, а уже вся брехалка вокругъ новичка. Сениговъ вьется въ роли импрессаріо знаменитости. Кадеты и юнкера особенно тщательно отдаютъ честь — столичный гусь, не сталъ-бы подтягивать, не сказалъ-бы чего про корпусъ или про училище? Знай нашихъ!.. Не хуже вашихъ «николаевскихъ»... «моншеровъ»!..

Мимо шумной рѣкой течетъ «брехалка». Голова у Кольцова кружится отъ смѣны лицъ, костюмовъ, отъ говора, отъ вопросовъ, на которые не поспѣваетъ отвѣчать. Барышни проходятъ мимо, косятъ глазами, толкаютъ своихъ кавалеровъ, посылаютъ узнать, кто — это, откуда и надолго-ли?

— Да пойдите вы, милый человѣкъ, какъ сами-то не догадаетесь, что надо сдѣлать? Россомаха какая то, а не кадетъ! Какой несносный! И еще кавалеромъ называетесь!

И вдругъ въ этой толпѣ Кольцовъ увидалъ такую совершенную красавицу, что его сердце дрогнуло. Точно яркое солнце въ непогожій день проглянуло черезъ тучи, такъ эта дѣвушка, что шла, окруженная роемъ молодежи, будто и точно свѣтилась особеннымъ свѣтомъ, такъ что сразу и одна выдѣлялась и была видна въ толпѣ. По бульвару, въ группѣ гимназистовъ, офицеровъ и барышень шла высокая, яркая брюнетка. Она подавалась къ Кольцову очень медленно, потому что постоянно останавливалась, задержанная кѣмъ нибудь, сорвавшимся со скамейки и со снятой фу-

ражкой въ рукѣ спѣшившимъ къ ней. Вся толпа сбивалась въ кругъ, центромъ котораго была она, изъ круга слышался смѣхъ и свѣжій голосъ, мелодично растягивавшій слова. Потомъ кругъ раздвигался, образуя нѣкоторую линію, цѣпь, во всю ширину бульвара и эта цѣпь шла медленно, волнуясь, нѣсколько шаговъ и опять останавливалась.

Кольцовъ оказался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ красавицы и не могъ оторвать глазъ отъ нея. Съ боку стоялъ Сениговъ и говорилъ, задыхаясь.

— Смотри... Восхищайся... Вотъ тебѣ настоящій типъ низовой казачки, Черкасской дѣвушки! Что можетъ быть красивѣе? Высока, стройна, какъ молодая рапна, а между тѣмъ, посмотри — все, что полагается у ней на мѣстѣ.

И точно — высокая, развитая, упругая грудь была красиво очерчена желтоватымъ шелкомъ легкой блузки. Англійская суконная юбка цвѣта пыли легко облегала стройныя длинныя ноги. Рука — не маленькая, но поразительной красоты, играла зонтикомъ, вертя его на плечѣ. Совершенно черные громадные глаза, въ нихъ темно-коричневый агатовый раекъ сливался съ чернымъ глубокимъ зрачкомъ, въ темномъ обводѣ смуглыхъ трепещущихъ вѣкъ съ длинными густыми рѣсницами, подъ широкимъ размахомъ черныхъ бровей, смотрѣли глубоко и каждое мгновеніе мѣняли выраженіе, всегда оставаясь прекрасными. То уйдутъ они въ себя, покроются тонкой пленкой раздумья, слушаетъ она собесѣдника и вдругъ точно зажгутся въ нихъ какіе то колдовскіе огни, засмѣются глаза, обдадутъ такой лаской, что затрепещетъ говорящій и смутится въ восторгѣ, что вызвалъ смѣхъ этой красавицы, а она улыбается, смуглыя щеки обнаружили глубокія ямочки у рта, подъ краснымъ бархатомъ губъ засквозили яркіе, ровные, бѣлые зубы и слышенъ ея томный голосъ, растягивающій слова:

— Ну что-о-о вы?.. Да не мо-ожетъ этого быть?

— Кто это?.. Кто это?.. — еле сдерживая волненіе, спросилъ у Сенигова Кольцовъ.

— Это — Наталлъ!..

Слово прозвучало торжественно, въ немъ было что-то

схожее съ «металлъ». Кольцову показалось, что и точно красавица будто пропитана металлическимъ блескомъ, точно изваяна изъ золотой бронзы и голосъ ея звучитъ, какъ серебряный колоколъ.

— Наталья Борисовна Гульдина... Первая красавица станицы, да и почитай — всего Тихаго Дона... Дочь вонъ того старика, что стоитъ у акаціи, старика съ бакенбардами временъ Александра II, бывшаго нашего почетнаго мирового судьи. Это наша звѣзда, наше солнышко, та, въ кого всѣ такъ влюблены, что и ревновать не приходится, ибо, понимаешь — в с ѣ ! Подлинная, настоящая красота... Безъ поддѣлки...

— Да-а, протянулъ Кольцовъ.

— Идемъ... Я тебя ей представлю.

Наталлъ подалась ближе и остановилась. Сениговъ крикнулъ:

— Реальная Сила!..

Гимназистъ-реалистъ, высокій, грубоватый, видно-великовозрастный, толстомордый, крѣпкій, какъ молодой бычекъ, отдѣлился отъ свиты Наталлъ и подошелъ къ Сенигову.

— Вотъ, Жоржъ, рекомендую — это наша Реальная Сила. Реальная — потому, что реальнаго училища — и Сениговъ показалъ на желтую бляху на черномъ ремнѣ, гдѣ были вырѣзаны буквы: «К.Р.У.», а Сила...

Реальная Сила, снисходительно улыбаясь въ сознаніи своей мощи, согнулъ руку въ локтѣ и напружилъ плечевой мускулъ. Оба офицера почтительно потрогали громадный комокъ, заигравшій подъ рубашкой.

— Чугунъ, — сказалъ Кольцовъ.

— Сталь, — глубокимъ низкимъ баритономъ сказалъ Реальная Сила, улыбнулся и опустилъ руку.

— Танцы-ли гдѣ, пѣсни, балалаечный оркестръ, катанье на лодкѣ, рыбалить-ли, виноградъ-ли убирать, вино давить — безъ Реальной Силы мы въ станицѣ никакъ не обойдемся.

— И швецъ, и жнецъ и на дудѣ игрецъ, — тѣмъ-же пріі-

ятнымъ, мягкимъ пѣвучимъ баритономъ сказалъ Реальная Сила.

— А теперь, Реальная Сила, вотъ въ чемъ дѣло: пойди и доложи Наталлъ, что вновь прибывшій подданный ея королевства проситъ разрѣшить представиться своей королевѣ.

V

Наталлъ внимательно и ласково посмотрѣла прямо въ глаза Кольцову. Тепло и уютно стало Кольцову отъ ея взгляда.

— Очень ра-ада... Вы надо-олго къ на-амъ?.. Вы въ отпуску?

И, такъ какъ растерявшійся подъ ея взглядомъ Кольцовъ молчалъ, за него отвѣтилъ Сениговъ:

— Онъ на льготѣ, Наталья Борисовна.

— На льго-отѣ... Вотъ какъ... Въ на-ашей ста-аницѣ. Зна-ачитъ, будемъ видѣться.

— Если позволите, Наталья Борисовна.

Она качнула корпусомъ, намѣреваясь продолжать идти, толпа разступилась передъ нею.

— Заходите къ намъ. Папа бу-удетъ о-очень ра-адъ... Вы у Чекомасовой? Это-же со-овсѣмъ-ря-ядомъ. Со-осѣди.

Кольцова уже оттерли отъ Наталлъ. Высокій офицеръ, котораго въ первый день замѣтилъ Кольцовъ, тотъ, кто позировалъ на Печорина, онъ и теперь, хотя было тепло и даже жарко, былъ въ шинели въ накидку, подошелъ къ дѣвушкѣ и, ощеривая гнилые зубы, спросилъ:

— Ну, какъ, Наталлъ, со спектаклемъ? Устроили?

— Не со-овсѣмъ, Александръ Васильевичъ... Не могу перваго любовника найдти.

— А я?.. Не гожусь развѣ?

Наталлъ опять остановилась и толпа сгрудилась вокругъ нея. Она внимательно осмотрѣла офицера.

— Вы-ы?.. Нѣ-ѣтъ, не годитесь... Вы?.. Въ штатскомъ?.. Умора... Нѣтъ... Георгій Александровичъ.

Кольцовъ протискался къ Наталлъ. Реальная Сила покровительственно взялъ его подъ локоть.

— Георгій Александровичъ, ска-ажите?.. Вы игра-аете?

— Да. На роялѣ.

— Нѣтъ... На теа-атрѣ?

— Никогда не пробовалъ.

— Ми-илый, это не молодое вино, чтобы пробовать. Вотъ, Александръ Васильевичъ, его и попросимъ быть первымъ любовникомъ.

— Я никогда не игралъ, — смущенно сказалъ Кольцовъ.

— Ахъ, ну это такъ просто. И пьеса самая пустая. Вамъ помогутъ. Научатъ васъ. — Она еще разъ внимательно осмотрѣла Кольцова. — Вамъ штатское пойдетъ, ужа-асно какъ пойдетъ... Сѣрую тройку вамъ закажемъ. Пла-аточекъ въ кармашекъ... Пре-елесть!.. Совсѣмъ будете, какъ Пеетипа.

Она опять пошла и дошла, уже не останавливаясь, до перекрестка у будокъ.

— Ба-атюшки, какъ поздно, — пропѣла она. — Седьмой ча-асъ на исходѣ... Прощайте, господа.

Наталлъ свернула съ бульвара и пошла въ сопровожденіи подруги и Реальной Силы вдоль палисадниковъ.

Кольцовъ въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ за ними. Онъ вернулся домой.

«Что? Что со мною», — спрашивалъ онъ самъ себя. — «Что случилось такого, что все перемѣнилось вокругъ меня, что эта самая станица вдругъ стала совершенно иною? Да, что я влюбленъ? Да развѣ можно вотъ такъ съ перваго взгляда и влюбиться?.. Кто она такая? Почему ея голосъ неотступно звучитъ въ моихъ ушахъ, почему точно весь я прожженъ взглядомъ этихъ ласковыхъ манящихъ глазъ. Она ничего мнѣ не сказала, я, кажется, дуракомъ молчалъ все время, а между тѣмъ, точно какая то завѣса упала съ неба, точно вѣтеръ разогналъ тучи и вотъ сверкаетъ ясное солнце и хочется пѣть, говорить стихами, быть смѣлымъ, творить что то необычайное, совершать подвиги... Какъ все тутъ прекрасно, и какъ отрадно думать, что она — божественная,

подлинная, настоящая богиня, здѣсь совсѣмъ подлѣ — сосѣдка... Какъ прекрасна эта засыпающая въ тиши станица... И она тамъ... О чемъ она думаетъ въ своей горенкѣ?.. Думаетъ-ли обо мнѣ? — Онъ прислушался: гдѣ то надъ Дономъ мычали возвращавшіяся съ толоки коровы. Слышны были дѣтскіе голоса. Кольцовъ подошелъ къ окну. Въ розовомъ небѣ дрожали листья тополей. Бульваръ былъ пустъ. Газетчикъ закрывалъ свой кіоскъ. Какая радость была разлита въ вечернемъ воздухѣ, гдѣ пахло черноземной пылью поднятой стадами, какъ распирало грудь Кольцова дыханіемъ степи. Онъ вспомнилъ про полкъ. «Что-же полкъ?.. Это очень хорошо — полкъ!.. Но, Наталлъ! Развѣ Наталлъ не могла бы быть въ полку?...».

...«Садится ужинать. Она... Ея подруга... Реальная Сила... Ну это еще мальчикъ. Какъ красива ея подруга — эта милая Евстратова... А вотъ подлѣ Наталлъ она ничто... Какой блескъ въ ея глазахъ... Подлинный металлъ, благородный металлъ... Золото, эта милая Наталлъ. Это безуміе такъ влюбиться съ одного взгляда... Неужели и точно я бабникъ?.. Нѣтъ... Въ нее всѣ влюблены. Это такъ полагается. Съ нею играть на театрѣ? Она научитъ... Боже, какъ хорошо!.. Какъ хорошъ міръ»!..

Онъ ѣлъ за ужиномъ, не видя, что ему подкладывала Чекомасова, радуя генеральшу своимъ необычнымъ аппетитомъ, потомъ до поздней ночи игралъ на роялѣ, а Софья Павловна раскладывала пасьянсъ, слушала и вздыхала:

— Охъ, Георгій Александровичъ, золотыми ушами и руками надѣлилъ васъ Господь. Я Рубинштейна когда-то слушала, такъ ей Богу, ему не уступите... И какъ много на память... Не сгорите въ нашей станичной сутолокѣ. Она затягиваетъ станица то наша... Хорошо въ ней... Только житьто вамъ надо съ вашими талантами по иному...

VI

Кольцовъ «нанесъ визитъ» почетному мировому судьѣ Гульдину. Его встрѣтила Наталлъ со своею неизмѣнною

подругою Татьяной Петровной Евстратовой. Старый Гульдинъ отдыхалъ послѣ завтрака и его не будили. Домъ Гульдина, какъ двѣ капли воды походилъ на домъ Чекомасовой. Быть можетъ былъ онъ немного поменьше. Такой-же, какъ у генеральши, былъ передъ домомъ густо разросшійся палисадникъ, гдѣ сирени, жимолость, бузина, калина и кротекусъ совсѣмъ закрывали снаружи домъ. Сбоку крылечка была большая овальная клумба, полная пестрыхъ вербенъ. Пряный ароматъ шелъ отъ нихъ. Залъ былъ въ два окна и такъже, какъ у Чекомасовой узорныя тюлевыя гардины висѣли на окнахъ. Подъ окнами, въ горшкахъ и кадкахъ были финиковая пальма и пальма «муза», филодендронъ съ большими разрѣзными листьями, стройная, холеная елочка-араукарія и нѣсколько цвѣтущихъ розъ. Отъ растеній воздухъ въ залѣ былъ душистъ, какъ въ оранжереѣ. Вмѣсто рояля стояла пьянола, а вмѣсто преміи «Нивы» «русалки» висѣла въ тяжелой золотой рамѣ картина, вѣроятно, мѣстнаго художника «подъ Дубовского»; она изображала степь, горы вдали и бѣлыхъ воловъ въ ярмѣ на первомъ планѣ, эти-то волы и выдавали неграмотность художника, они походили на собакъ.

Дѣвушка въ бѣломъ передникѣ и наколкѣ, но босая, принесла сейчасъ-же «пробовать» вино.

— Сами и да-авили, — смѣясь, говорила Наталлъ, разливая по хрустальнымъ стаканчикамъ розоватое вино. — Попробуйте ужъ... Па-апѣ не понравилось. Онъ всегда на-асъ критикуетъ.

— Не вѣритъ онъ нашему умѣнью, — сказала Татьяна Петровна, и Кольцовъ вдругъ замѣтилъ, какъ прекрасна Евстратова. Она дополняла подругу нѣжною и немного лѣнивою граціей своей красоты.

Вино было мутное и отзывало скверномъ уксусомъ. Но Кольцову казалось оно прекраснымъ.

За мирнымъ питіемъ вина ихъ засталъ папаша Гульдинъ. Онъ вышелъ въ разстегнутомъ бѣломъ китель поверхъ пикейнаго жилета, въ длинныхъ черныхъ, буфами ложившихся на башмаки штанахъ, свѣже-умытый, съ горящими

отъ холодной воды щеками и еще мокрыми бакенбардами.

— Безстыдницы, — закричалъ онъ. — Что выдумали!.. Какою гадостью угощаете дорогого гостя.

— Вѣдь за то сами давили, Борисъ Аполлоновичъ, — сказала Татьяна Петровна.

— Сами давили! Кому это нужно было виноградъ портить. Наташенька, душенька, распорядись бутылочку ладаннаго, изъ погреба. Восьмого года, холодненькаго.

Да — это было вино!..

Въ хрустальныя рюмки янтарная жидкость лилась густая, какъ масло.

— Ар-роматъ!.. Георгій Александровичъ, вы, голубчикъ, понюхайте, вы на свѣтъ посмотрите... Гдѣ такое вино найдете?.. Нигдѣ, только у меня, да, пожалуй, у полковника Бондарева найдете нѣчто подобное... Это и заграницѣ такія вина не снились. Вѣчная память атаману Платову... Его затѣя изъ Франціи привезти лозы лучшихъ сортовъ. Я батюшку вашего хорошо зналъ. Не одну сотню верстъ съ нимъ по степямъ на охотахъ измочалилъ. И съ борзыми собачками и съ ружьишкомъ за куропатями. Вотъ душевный былъ человѣкъ и толкъ въ винѣ понималъ...

Душистое вино согрѣвало тѣло и какъ будто и въ душу что то ложилось родное, близкое, свое. Первый разъ въ домѣ, а какъ будто съ дѣтства знакомъ. Барышни не пили, а только пригубливали изъ рюмочекъ съ янтарнымъ виномъ. Въ открытыя окна лилась отрада тихаго осенняго дня и запахъ пшеницы, полей и земли смѣшивался съ медовымъ ароматомъ розъ. Скрипя колесами проѣхала по улицѣ арба, груженая хлѣбомъ. Дремотно мычали, точно бредили сквозь сонъ бѣлые волы.

И такъ просто уговорили Кольцова играть съ Наталлъ въ Общественномъ Клубѣ. Гутъ-же за столомъ, уставленнымъ рюмками и роль прочитали.

— Да у васъ — дикція!.. И голосъ!.. Знаете, чарующій голосъ!.. Пре-е-лесть... Совсѣмъ Петипа или Вальбель... Папа займется вашимъ костюмомъ. Надо-же во всемъ стиль. Штатскій долженъ быть — душка... Роль, какъ видите, пу-

стая. Но очень смѣшная. Только, когда цѣловаться, не вздумайте по всамдѣлишному. Этого нельзя... Берите пьесу, списывайте роль, учите ее на зубокъ. Мы хотимъ безъ суфлера... Вотъ кончится молотьба, съ виноградомъ покончимъ, пойдутъ дожди, холода... Тутъ мы и спектакль въ пользу нашего дѣтскаго пріюта. Батюшка, отецъ Афанасій такъ просилъ поддержать его. Надо помочь... На-адо... Святое дѣло... Реальная Сила вашъ партнеръ. Ну и дивертиссементъ поставимъ съ танцами. Танюша будетъ танцовать «польку-крендель» съ фигурами... Пре-елесть.

Ну, какъ тутъ было не согласиться ,не взять тетрадку съ пьесой, не пообѣщать все, что говорила ему Наталлъ? Агатовые глаза прожигали лаской насквозь, алыя губы то скрывали блескъ молодыхъ зубовъ, то открывали ихъ въ полномъ великолѣпіи, чистое дыханіе волновало Кольцова, золотое вино кружило голову, все казалось удивительно прекраснымъ въ зальцѣ, пронизанномъ яркими солнечными лучами, гдѣ пахло розами, вербенами, душистымъ виномъ и неуловимо тонкимъ ароматомъ милыхъ, чистыхъ дѣвушекъ.

Какой прекрасной, родной и милой казалась ему уютная донская станица!

VII

И понеслись, полетѣли удивительные, прекрасные дни.

Послѣ завтрака — у Наталлъ. Съ ролью въ рукахъ, необходимо посовѣтоваться, какъ вести вотъ это мѣсто. На столѣ бутылка «кислятины» — «сами давили», за столомъ Наталлъ и Татьяна Петровна.

— Какъ думаете, вотъ тутъ?.. Я встану, отойду въ уголъ и начну говорить...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Да, ничего подобнаго. Нельзя такъ. Вѣдь это сцена! тутъ надо играть, а не говорить. Вы просто вынете портъ-сигаръ и закурите папиросу. Вотъ такъ — небрежно... Постойте!.. Нѣтъ вы не такъ сѣли. Штатскіе никогда такъ не сидятъ, протянувъ впередъ ноги, это чисто военная манера. Положите ногу на ногу, вотъ такъ... Мунд-

штукомъ папиросы постучите о портъ-сигаръ. Откиньте руку... Да вы та-алантъ, пре-елесть. На сценѣ, знаете, иногда... просто взглядъ, вотъ такъ посмотрѣть... да, лучше словъ...

Наталлъ посмотрѣла на Кольцова, «какъ надо» и у того замерло и остановилось сердце, онъ схватился за спасительную рюмку «кислятины», чтобы не выдать своего волненія.

Но еще лучше были репетиціи.

Въ октябрѣ налетѣли холодные дожди, какъ то быстро, вдругъ въ одну ночь пожелтѣли раины на перекресткѣ и бурыми стали листья акацій. Потомъ была холодная съ дождемъ и вѣтромъ ночь и утромъ точно сквознымъ чернымъ кружевомъ голыхъ вѣтвей была накрыта аллея бульвара и холодный вѣтеръ гналъ по ней стаями бурые листья и морщилъ темныя, длинныя лужи. Земля, какъ то сразу раскисла и стала налипать на подошвы. Брехалка опустѣла. Въ природѣ шла озабоченная работа. Точно послѣ осеннихъ свадебныхъ праздниковъ урожая прибиралась она и прятала дорогіе пестрые уборы. Все стало сѣро, черно и уныло. По степи не стало возможности гулять, желтая стерня побурѣла, иглами молодой поросли зазеленѣли озимыя. Потомъ еще и еще налетѣла одна, другая буря, уныло гудѣли въ домѣ печи и пѣла скучную тоскливую осеннюю пѣсню заслонка, хлопали оторванныя ставни, и вѣтеръ качалъ обнаженныя раины и все стало голо, пусто, точно и не было никогда веселой зелени кустовъ и деревьевъ.

Пошли утренніе заморозки. Лужи покрылись темнымъ стекломъ льда. Мальчишки объ одномъ конькѣ, привязанномъ къ сапогу катались по нимъ. Стали звонки по утрамъ голоса. Софья Павловна вставила вторыя рамы и въ домѣ запахло терпкимъ дымомъ соломенныхъ кизековъ.

Молодежь вмѣсто брехалки стала собираться у Гульдиныхъ. Въ залъ приносили большой обѣденный столъ, раздвигали его на три доски, накрывали бѣлою скатертью, приносили тарелки съ бурсачками, со сладкими коржиками, съ медовыми и вяземскими печатными пряниками, если распоряжался Борисъ Аполлоновичъ, то ставили темныя, почти

черныя бутылки душистаго стараго Цымлянскаго, если онъ былъ въ клубѣ — то была все та же «кислятина», что «сами давили». На тарелкахъ навалены грудами орѣхи и поджаренныя тыквенныя сѣмечки, всѣ участники спектакля усаживались съ тетрадками ролей вокругъ стола. За режиссера былъ Александръ Васильевичъ. Онъ дѣлалъ поправки, читалъ за тѣхъ, кто не пришелъ. Въ антрактахъ молодо спорили. Кто-то видалъ Станиславскаго, другая вспоминала, какъ Коммиссаржевская сказала вотъ эту фразу, третья показывала какая игра была на лицѣ Савиной.

Одни щипцами, а больше молодыми крѣпкими зубами щелкали орѣхи и пили вино.

Потомъ играла пьянола. Дѣвушка и Реальная Сила уносили столъ. Въ залѣ танцовали.

— Боже, ка-акъ вы та-анцуете!.. Одно упоенье!..

Горячее дыханье касалось лица, локоны непокорныхъ черныхъ волосъ щекотали рѣсницы, Кольцовъ крѣпче прижималъ къ себѣ прелестную Наталлъ. Вальсъ «На сопкахъ Манчжуріи» напоминалъ что-то больное, недавнее, но уже ушедшее въ далекое прошлое. Сильно и пріятно билось сердце.

А на другой день утромъ Кольцовъ читалъ Гомера, читалъ про лотофаговъ, забывшихъ родину и краска заливала его лицо. Неужели и онъ?.. Онъ старался думать о полкѣ, но въ ушахъ назойливо звенѣла пьянола, вальсъ «На сопкахъ Манчжуріи» вспоминался ему, и упругость груди, прижимавшейся къ его груди и жаркое дыханіе прелестныхъ губъ и ароматъ густыхъ волосъ.

Такъ хорошо и сильно было горѣніе этой молодой и крѣпкой любви, что воспоминаніе прошлаго не могло залить и загасить его.

VIII

И еще сильнѣе разгорѣлся этотъ пожаръ въ сердцѣ Кольцова, когда пошли послѣднія репетиціи, уже на сценѣ, въ костюмахъ и гримѣ, въ Общественномъ Клубѣ.

Въ маленькихъ тѣсныхъ уборныхъ, раздѣленныхъ узкимъ коридорчикомъ было душно. Приторно, волнующе, по театральному пахло духами, пудрой, горѣлой бумагой и каленными щипцами для завивки волосъ.

То и дѣло слышались взволнованные, раздраженные дѣвичьи голоса:

— Сюда нельзя... Ну что это въ самомъ дѣлѣ... Мы не одѣты...

Въ узкомъ коридорѣ Татьяна Петровна съ высокимъ «мореходомъ» отщелкивала подошвами «польку-крендель». Въ крайней уборной звенѣла гитара и Реальная Сила мягкимъ баритономъ съ неутолимой печалью уныло пѣлъ:

— Ямщикъ, не гони лошадей,
Мнѣ некуда больше спѣшить!..

Что это были за сладкіе миги. Хотѣлось сказать, воскликнуть: «остановись время, не двигайся дальше. Такъ хорошо теперь. Не надо будущаго».

За тонкою дощатою перегородкой, оклеенной обоями, казалось, были совсѣмъ особыя существа. Оттуда слышался шопотъ, сдержанный смѣхъ, тамъ были небожительницы, которыхъ не смѣешь любить...

Наталлъ, на сценѣ, въ свѣтѣ рампы, съ подведенными глазами, съ румянами на щекахъ была другою, таинственною, великолѣпною и... любимою. Такъ было и по роли. Ея голосъ звучалъ изъ какихъ то невѣдомыхъ глубинъ и слова любви, шли точно отъ чистаго сердца. На репетиціяхъ они не цѣловались.

— Тутъ мы цѣлуемся, — прерывая роль, кричала со смѣхомъ Наталлъ. — И довольно... Продолжайте играть...

За недѣлю до спектакля, на круглой будкѣ и кое гдѣ по самой станицѣ, по заборамъ были наклеены розовыя и желтыя афиши и Кольцовъ съ трепетнымъ волненіемъ читалъ большія печатныя строки: «Наталья Борисовна Гульдина... Георгій Александровичъ Кольцовъ». Ихъ имена стали вдругъ достояніемъ всей станицы, всего Округа!..

Штатскій костюмъ, сшитый станичнымъ портнымъ сидѣлъ безупречно. Борисъ Аполлоновичъ, онъ, когда-то въ Москвѣ былъ модникомъ львомъ — замучилъ закройщика Пятницкова.

— Тутъ надо убрать... А тутъ подхвати... И складку, братецъ, на штанахъ такъ выутюжи, чтобы хлѣбъ можно было ею рѣзать. Такъ теперь носятъ.

Наталлъ подбирала шелковый платочекъ въ тонъ костюму, она наклонялась къ самому лицу Кольцова и особеннымъ образомъ закладывала платочекъ въ кармашекъ. Платокъ долженъ былъ быть и въ тонъ ея платью.

— Татьяна, какъ думаешь, этотъ хорошъ, пятна не будетъ?..

Отъ платочковъ пахло ея сашэ, ея духами и у Кольцова крѣпко кружилась голова отъ близости Наталлъ.

Вся станица, — изъ окрестныхъ хуторовъ и имѣній съѣхались зрители, — собралась на спектакль. Улица Общественнаго Клуба была заставлена тройками и парами, колясками и дрожками, дрендулетами и просто бѣгунками. Подъ лѣстницей стояли приготовленныя для подношенія артисткамъ корзины бѣлыхъ и пестрыхъ хризантемъ. Реальная Сила ѣздилъ за ними лошадьми за шестьдесятъ верстъ въ Новочеркасскъ.

Спектакль начался съ опозданіемъ и шелъ прекрасно. Въ залѣ стояла благоговѣйная тишина. Наталлъ играла безупречно. Ея пѣвучій, съ растяжкой голосъ подходилъ къ роли. Старики вспоминали Савину.

— Марья Гавриловна такая была въ молодости...

На апплодисменты не скупились. Крики браво стономъ стояли въ театрѣ.

Когда настало время цѣловаться — Кольцовъ ощутилъ сначала на щекѣ, потомъ на губахъ горячія влажныя губы Наталлъ. Онъ затрепеталъ и подалъ свою реплику съ такимъ неподдѣльнымъ волненіемъ, что по первымъ рядамъ, гдѣ сидѣли настоящіе цѣнители искусства, легкимъ шорохомъ пронеслось:

— Браво!.. браво!.. браво!..

— Какъ вѣдь играютъ!.. Хотя-бы и въ самомъ Черкасскѣ!..

Послѣ каждаго акта были безконечные вызовы. Каждому и каждой хотѣлось посмотрѣть Наталочку въ костюмѣ и гримѣ.

— Как-кая она... Вотъ не думали... Ну и Наталлъ!..

Спектакль съ дивертиссементомъ затянулся до часа ночи.

Наталлъ съ Кольцовымъ, съ Татьяной Петровной и Реальной Силой сѣли въ чью-то чужую коляску и съ корзинами цвѣтовъ, со смѣхомъ и радостнымъ говоромъ, со звономъ бубенцовъ на ожерелкахъ по замерзшей мостовой грохоча колесами, мигомъ домчались до Гульдинскаго дома.

И въ залѣ, и въ столовой ярко горѣло электричество, все было полно гостей. Барышни изъ прихожей побѣжали корридоромъ переодѣться и смыть гримъ, а гости подъ предводительствомъ Бориса Аполлоновича пошли на приступъ закусочнаго стола. Станичныя дамы перемѣшались съ кавалерами. Батюшка въ блестящей атласной рясѣ съ большимъ наперстнымъ крестомъ благословилъ «явства сіи», сотворилъ краткую молитву и вотъ уже красиво заиграли цвѣтныя водки въ рюмкахъ и стопочкахъ.

— Великое, доброе дѣло, — говорилъ батюшка, серебряной ложкой накладывая икру на тарелочку, — своимъ талантомъ, отъ Господа даннымъ утирать слезы казачьимъ сиротамъ. Говорили — пять слишкомъ тысячъ нашему пріюту очистилось.

Реальная Сила съ расплесканной по пальцамъ рюмкой водки бѣгалъ между гостей и поджуживалъ ихъ:

— Слышьте, глядѣть на меня!.. Какъ начну — вы разомъ!.. Зайкинъ, пусти октаву, шмелемъ чтобы гудѣла...

И вотъ открылись двери и освѣженныя, раскраснѣвшіяся, съ глазами горящими счастьемъ, появились Наталлъ и Татьяна Петровна — обѣ въ одинаковыхъ бѣлыхъ вечернихъ платьяхъ.

Реальная Сила поднялъ надъ головой вилку съ наса-

женнымъ на концѣ кускомъ янтарной тарани и красивымъ баритономъ запѣлъ:

— А вотъ она, вотъ она-а!..

Нельзя сказать, чтобы стройный, хоръ подхватилъ:

— Наталія Борисовна,
Вотъ и рѣчка,
Вотъ и мостъ
Вотъ на рѣчкѣ перевозъ...
Кто-бы намъ поднесъ,
Мы-бы выпи-и-ли...

Александръ Васильевичъ — онъ былъ въ длинномъ темно-синемъ чекменѣ, перехваченномъ въ таліи въ рюмочку, изгибаясь тонкимъ станомъ, понесъ на серебряномъ блюдцѣ рюмку темной вишневки Наталлъ и та, высоко поднявъ рюмку, поднесла ее къ губамъ и, мило морщась, выпила до дна. Она пошла было къ закусочному столу, но хоръ преградилъ ей дорогу. Нестройно, но за то очень громко и даже какъ бы грозно запѣли.

— По первой не закусываютъ,
Не закусываютъ,
Не закусываю-ютъ...

Пришлось выпить вторую.

— Ну, что вы, господа, да я совсѣмъ пьяненькой буду, — смѣясь и растягивая слова, говорила Наталлъ.

Какою красавицей, какою недостижимо прелестной казалась она въ эти минуты Кольцову. Ея поцѣлуи точно еще горѣли на его щекѣ и будто ощущалъ онъ ихъ всѣмъ нутромъ своимъ. Его посадили рядомъ съ Наталлъ. Все было поставлено на столъ и каждый бралъ, что хотѣлъ и угощалъ сосѣдей.

— Батюшка, господа, — кричалъ счастливый Гульдинъ: — индѣйку особенно рекомендую... Вотъ и виноградъ соленый свѣжей солки!..

И вотъ уже дѣвушка, не особенно хорошо себя чувствовавшая въ башмакахъ и Александръ Васильевичъ по-

несли и стали разливать по бокаламъ донское игристое и Окружный Атаманъ поднялся и постучалъ вилкой о тарелку, приглашая ко вниманію.

— Культурное и эстетическое удовольствіе являются рѣдкими гостями въ нашей заброшенной за Тихій Донъ станицѣ, — началъ онъ. — Тѣмъ болѣе мы должны быть всѣ особенно признательны и благодарны счастливой иниціативѣ нашего молодого драматическаго кружка, выросшаго подъ гостепріимнымъ кровомъ нашего почетнаго мирового судьи Бориса Аполлоновича и его богоданной дочки Наталіи Борисовны. А когда это эстетическое удовольствіе сочетается съ благороднымъ порывомъ помочь нашей казачьей дѣтворѣ, то мнѣ, какъ атаману округа, остается только низко кланяться и благодарить Бориса Аполлоновича и всю театральную труппу во главѣ съ Наталіей Борисовной, этимъ истиннымъ діамантомъ драматическаго искусства. Пью за здоровье Бориса Аполлоновича и Наталіи Борисовны и въ ихъ лицахъ за всю труппу, доставившую намъ столько радостныхъ часовъ.

И только смолкли крики «ура» и шарканье ногъ вокругъ стола — гости ходили чокаться съ Гульдинымъ, Натальей Борисовной и Атаманомъ, какъ Реальная Сила, онъ былъ уже, что называется «на второмъ взводѣ», порядочно выпившій, зашикалъ, замахалъ салфеткой, призывая къ молчанію и низкимъ баритономъ, погасивъ до предѣловъ возможнаго могучій свой голосъ, красиво и задушевно запѣлъ:

— Какъ цвѣтокъ душистый
Ароматъ разноситъ,
Такъ бокалъ налитый
Тостъ заздравный проситъ...

Блестящіе глаза Реальной Силы метнулись вдоль стола, и гости, барышни и кавалеры, на этотъ разъ стройно и дружно подхватили:

— Выпьемъ мы за Нату,
Нату дорогую,

И пока не выпьемъ,
Не нальемъ другую...

Дѣвушка, Александръ Васильевичъ и какіе то гимназисты проворно разливали по бокаламъ шипучее вино и какъ тѣни скользили за спинами гостей. Наталлъ нерѣшительно взялась за свой. Реальная Сила самъ себя превосходилъ въ глубинѣ чувства и нѣжности голоса:

— Еще разъ мы проснмъ,
И бокалъ подносимъ,
Чтобы безъ отказу,
Выпивала сразу...

Хоръ еще красивѣе и дружнѣе грянулъ:

— Выпьемъ мы за Нату,
Нату дорогую,
И пока не выпьемъ,
Не нальемъ другую...

— Уррра, — выпучивъ большіе черные глаза крикнулъ толстый адъютантъ Окружнаго Атамана.

— Ур-р-рра! — подхватили гости.

— Гор-р-ько! — съ отчаяніемъ завопилъ Реальная Сила.

— Горько!.. Горько! — гремѣли голоса кругомъ.

Какая-то барышня съ недоумѣніемъ спросила:

— Да развѣ уже объявлено?..

Наталлъ оглянулась. Подлѣ нея стоялъ Кольцовъ съ бокаломъ въ рукѣ. Одну секунду, меньше секунды, было что-то, словно толкало ихъ одинъ къ другому, бокалъ дрогнулъ въ рукѣ Кольцова и вино расплескалось. Наталлъ сейчасъ же справилась.

— Ну, полно-о-оте, господа, — сказала она, блистая темными глазами, легко обошла кругомъ стола, подошла къ своему отцу, обняла того обнаженной выше локтя рукою и горячо поцѣловала.

— Горько!.. Горько!.. Ай-да Наталлъ!.. Прелесть Наталлъ! — кричали гости.

IX

Въ «Донской Рѣчи», въ отдѣлѣ «Театръ и Музыка» появилась замѣтка: «Въ Н-ской станицѣ, въ Общественномъ Клубѣ, состоялся спектакль». Неизвѣстный корреспондентъ, укрывшійся подъ буквами «Ж. К.» — давалъ восторженный отзывъ объ игрѣ «подлинной артистки, самороднаго таланта госпожи Натальи Борисовны Гульдиной». Полтора столбца воспѣвали ея красоту, «сценическую наружность», умѣнье держаться на сценѣ, прекрасную читку, перевоплощеніе въ роль, декламацію, словомъ, было написано все, что полагается писать, когда рѣшено особенно похвалить и превознести артистку.

Всѣ номера въ кіоскѣ были раскуплены въ полчаса и хозяинъ звонилъ въ редакцію по телефону и просилъ о присылкѣ новой партіи.

Наталлъ получила номеръ, особо отпечатанный на веленевой бумагѣ, перевязанный голубой лентой и прикрѣпленный къ коробкѣ конфетъ.

Она, конечно, знала, кто писалъ замѣтку. И такова сила печатнаго слова и магія буквъ своего имени появившихся въ газетѣ, что точно нѣчто особенное вдругъ связало ихъ до сихъ поръ такъ мало знавшихъ другъ про друга.

Кольцовъ теперь бывалъ каждый день у Гульдиныхъ. Тамъ весь театральный кружокъ кипѣлъ и бурлилъ, ободренный успѣхомъ. Искали новую пьесу, спорили объ искусстве, мечтали поѣхать на Рождество всѣмъ кружкомъ въ Москву, чтобы учиться въ Московскомъ Художественномъ театрѣ и сыграть потомъ, Великимъ Постомъ «Три сестры» такъ, какъ играютъ въ Москвѣ — по Станисловскому...

А природа продолжала свою работу. Наступилъ Рождественскій постъ, съ нимъ налетѣла на станицу вьюга, Донъ, какъ то быстро и незамѣтно сталъ, накаталась зимняя дорога по степи и Кольцову пора было думать о поѣздкѣ къ дядямъ. Ссылаться на бездорожье больше нельзя было. Въ душѣ своей — рѣшилъ — поѣхать на нѣсколько дней, отбыть скучный номеръ, заявиться дядямъ, позна-

комиться съ учеными, вѣроятно очень скучными кузинами и опять въ станицу къ Гульдинымъ продолжать театральную работу. Онъ сговорился съ казакомъ, который брался доставить его и оставалось только указать день и часъ отъѣзда.

Съ зимою большія перемѣны произошли въ станицѣ, точно съ морозами самый нравъ ея обитателей перемѣнился. Куда дѣвалось дружелюбное, всегда веселое, готовое придти на помощь другому настроеніе Реальной Силы. Мрачный и озабоченный ходилъ по станицѣ Реальная Сила и избѣгалъ встрѣчаться съ Наталлъ и Кольцовымъ. А, когда Татьянѣ Петровнѣ удастся затащить его на чтеніе новыхъ пьесъ, сядетъ Реальная Сила въ углу гостиной подъ большими фикусами на низкомъ пуфѣ, совсѣмъ исчезнетъ за висячими толстыми листьями и только слышно, какъ рокочутъ струны его гитары и какъ онъ мрачно поетъ въ полъ-голоса:

— Ямщикъ не гони лошадей!..

Переберутъ пѣвучими аккордами струны, послышится вздохъ, тяжелый, печальный, такъ несвойственный Реальной Силѣ и съ неожиданной тоскою пропоетъ Реальная Сила:

— Мнѣ некуда больше спѣшить,
Мнѣ некого больше любить...

Наталлъ хорошѣла съ каждымъ днемъ и часомъ. Каждый день новая блузка, каждый день новая лента въ волосахъ. Или явится въ выписномъ изъ Москвы «Тайерѣ», гдѣ вся она видна со всѣми своими дѣвичьими прелестями. Войдетъ въ гостиную, скажетъ: «ахъ», шутливо нѣжно кинетъ Реальной Силѣ:

— Ну что вы тамъ ноете!..

И промолчитъ весь вечеръ.

Реальная Сила бренчитъ на гитарѣ и съ надрывомъ поетъ:

— Не для меня придетъ весна,
Не для меня Донъ разольется,

И сердце радостью забьется
Въ день Пасхи, нѣтъ... не для меня!..

По вечерамъ Кольцовъ провожаетъ Евстратову. Они идутъ по деревянной панели, посыпанной пескомъ. Мягко позваниваютъ шпоры, поскрипываютъ ботики Татьяны Петровны. Легкій морозъ пріятенъ и душистъ. Отъ домовъ, отъ садовъ въ инеѣ, отъ недальней степи сладко пахнетъ дымкомъ и ладаномъ. Луна виситъ въ небѣ и въ ея свѣтѣ все стало нарядным и прекраснымъ. Скромные станичные домики съ мезонинами стоятъ, какъ дворцы. Лавочные ряды кажутся мавританскими колоннадами. Легко дышется и легко идется.

Евстратова — ангелъ доброты и нелицемѣрная подруга Наталлъ — кажется такимъ близкимъ, довѣреннымъ другомъ, которому хочется все сказать и повѣдать тайну той большой любви, которая совсѣмъ овладѣла Кольцовымъ.

Евстратова подскользнулась, Кольцовъ взялъ ее подъ руку.

— Осторожнѣе, Татьяна Петровна, тутъ гололедка...

Тихо говоритъ Евстратова:

— Вы знаете, — Наталочка одна дочь у отца. И какая любимица!.. Все ей оставляетъ Борисъ Аполлоновичъ... Видали домъ — это лучшій домъ въ станицѣ... Съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ мраморной ванной и водопроводомъ. А сады по Дону!.. Такихъ виноградныхъ лозъ, какъ у Гульдиныхъ ни у кого нѣтъ. Шесть десятинъ по Дону. Вы не видали?.. Это поглядѣть надо... У него шампанское — лучше французскаго. Когда Наказной атаманъ пріѣзжаетъ, всегда у Гульдина берутъ вино. Онъ его не продаетъ, только подаритъ развѣ кому, кого полюбитъ. Къ паевой землѣ пріарендованъ кусокъ — триста двѣ десятины — и все подъ пшеничкой. И мельница паровая — тоже его. Первая невѣста въ станицѣ наша Наталочка... Про красу ея не говорю — вамъ лучше моего извѣстно. Такъ развѣ кто изъ станичныхъ ей женихи?.. Ей надо настоящаго жениха...

Татьяна Петровна не договариваетъ, но Кольцовъ по-

нимаетъ, что дальше должно слѣдовать: «такого, какъ вы»...

Они стоятъ у дома Евстратовой. Домъ почти на окраинѣ станицы, въ низу узкой балки, весь въ густомъ саду, серебряномъ отъ инея.

— Спасибо, что проводили. Да я и одна не боюсь. У насъ ночью тихо, никто не обидитъ. Хорошіе у насъ въ станицѣ казаки. Такъ, до свиданія... До завтра у Наталочки. Любите ее крѣпко, крѣпко, она достойна любви, вѣрьте мнѣ, какая она съ виду, такая и душа у нея...

Ночью не спится Кольцову.

«Вотъ она страшная сила «дома»... Сила собственности, уюта, семьи... Ея домъ лучшій въ станицѣ съ электричествомъ, съ водопроводомъ... Виноградники... Вино... «Пшеничка»...

Особенно «пшеничка» его поразила... Паровая мельница... А тамъ, онъ уже видалъ тихій уютъ ея спальни... «У насъ хорошіе казаки, никто не обидитъ»... Тишина... Боже мой, какая тишина тутъ!.. И тамъ — глубокая спальня, божница въ углу и передъ иконой Донской Божіей Матери въ жемчугахъ, синяя дремлетъ, чуть мигая, лампада. Ея постель широкая, низкая, должно быть теплая, мягкая...».

И она!.. Въ батистовой рубашкѣ съ прошивками съ продернутыми ленточками... Реальная Сила сказалъ при первомъ знакомствѣ: «все у нея на мѣстѣ».

Кольцовъ такъ зажмурилъ глаза, что у него искры посыпались изъ нихъ.

«Да вѣдь это и есть та самая «домашнесть», за которую онъ такъ осуждалъ казаковъ. Домъ... Жена... Жена...».

Онъ нарочно вслухъ повторилъ это слово, стараясь уяснить весь его смыслъ.

— Жена... Наталлъ — жена... Моя жена...

Постепенно отпустилъ зажатыя вѣки, широко открылъ глаза и точно въ мягкомъ полусвѣтѣ спальни, освѣщенной только лампадкой подъ образами увидалъ:

...Холодный дождь, сѣрыя глинистыя Красносельскія поля и грязныя дороги съ длинными черными лужами, покрытыми рябью отъ набѣгающаго вихревого вѣтра... Дали

въ косой сѣткѣ унылаго дождя. Все безотрадно, все печально печалью сѣверной осени... Кольцовъ часто все это вспоминалъ и часто ему казалось, что ничего этого и не было, что все это когда-то ему приснилось... Такъ величественно, такъ трогательно было чувство, охватившее Кольцова, когда въ этой обстановкѣ онъ увидалъ, какъ бѣлою рѣкою по черной дорогѣ текли фуражки кавалергардовъ, какъ чмокали по глинистой грязи копыта лошадей и сизымъ паромъ курилось надъ полкомъ. Такъ умилительны были звуки Кавалергардскаго марша:

— «Prenez garde!.. Prenez garde!
Chevaliers, chevaliers de la garde!..»

вдругъ слившіеся съ ихъ бодрымъ полковымъ маршемъ, такъ велико было охватившее его весьма сложное чувство товарищества съ этими прекрасными людьми, что при воспоминаніи объ этомъ духъ захватывало и слезы проступали на глазахъ. Онъ и разобраться то въ немъ не могъ, какъ слѣдуетъ, тутъ было сознаніе какого-то священнаго долга, связавшаго ихъ всѣхъ въ одну воинскую семью, какой то точно изъ какихъ-то далекихъ, историческихъ глубинъ, отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ идущій призывъ служить до гробовой доски Родинѣ и Государю, и нѣжная и сильная все забывающая любовь къ Россіи и ея людямъ...

Какъ могъ онъ все это вдругъ позабыть здѣсь, въ этой станичной тишинѣ? Наталлъ красавица, прелесть Наталлъ, но развѣ въ ней то, что онъ, Кольцовъ долженъ дѣлать?.. Вся жизнь его Родинѣ, черезъ полкъ, черезъ вотъ эту службу, черезъ маневренныя, а Богъ повелитъ, и походныя скитанія съ полкомъ, черезъ то, чтобы мокнуть подъ дождемъ преодолѣвать усталость маневровъ, безъ ропота, не видѣть въ этомъ никакой заслуги и наслаждаться самыми неудобствами, самыми невзгодами маневренной осенней жизни, какъ потомъ радоваться ранамъ, и съ улыбкой счастья встрѣтить самую смерть — за Родину!..

Томила тишина комнаты у генеральши Чекомасовой,

чѣмъ то преступнымъ казались тепло и уютъ ея стѣнъ, оконъ закрытыхъ глухими ставнями, мягкая постель и съ нею мечты о прелестной дѣвушкѣ, которая тутъ подлѣ и — стоитъ только захотѣть — будетъ его женой!

X

Софья Павловна со всѣмъ своимъ служебнымъ штатомъ — кухаркой и дѣвушкой говѣла и пріобщалась два раза въ годъ — въ Рождественскій и Великій посты. Эту недѣлю она ходила въ церковь ко всенощной и къ обѣднѣ, и домъ въ часы церковныхъ службъ оставался пустымъ.

Кольцовъ у себя занялся подготовкой по русскому языку. Гора книгъ — классиковъ — лежала на столѣ, на стульяхъ подлѣ стола и даже на полу. Все должно было быть у него подъ рукой.

Только что кончили трезвонить ко всенощной. Станица и домъ погрузились въ зимнюю, дремотную тишину. Кольцовъ всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ свое одиночество и ему было грустно.

Вдругъ звякнулъ звонокъ входной двери. Кольцовъ пошелъ отворить. Вся станица знала, что генеральша говѣетъ, могъ придти кто нибудь только къ Кольцову. Въ корридорѣ тускло и чадно горѣла стѣнная лампа. Кольцовъ поправилъ ея кривой фитилекъ и, не спѣша, открылъ обшитую войлокомъ наружную дверь. Въ бѣлесомъ зимнемъ сумракѣ показались заиндевѣвшія деревья бульвара. Чернѣла расчищенная по доскамъ дорожка къ калиткѣ. На крыльцѣ, освѣщенная луннымъ сумеречнымъ свѣтомъ, какая то совсѣмъ необычайная, она и не она, въ мягкой, сѣренькой съ краснотою бѣличьей, мѣхомъ вверхъ шубкѣ, съ пуховымъ вязанымъ платкомъ на головѣ, въ однихъ туфелькахъ, по домашнему, по сосѣдству, — стояла Наталлъ.

— Софьи Павловны нѣтъ дома?..

Кольцову показалось, что голосъ Наталлъ дрожалъ.

— Она въ церкви.

— Какъ, уже ушла?.. Я хотѣла на ми-нуточку. Спро-

сить рецептъ мятныхъ пряниковъ, какъ она ихъ дѣлаетъ... У нея они всегда такіе лу-ухлые.

Она стояла на крыльцѣ, переминаясь съ ноги на ногу. Ея ногамъ было, должно быть, холодно.

Кольцовъ взялъ ее за обѣ руки.

— Какія у васъ горячія руки, — сказала она, дрожа.

— Войдите, Наталлъ. Вамъ холодно... Морозъ-то какой!

— Ну, что вы!.. Софьи Павловны нѣтъ до-ома.

Она торопливо и безпокойно оглянулась на улицу. Улица была пуста.

Кольцовъ за обѣ руки потянулъ Наталлъ къ себѣ. Она легко подалась за нимъ, входя въ корридоръ.

— Совсѣмъ замерзли у сѣренькой бѣлочки ея лапки, — сказалъ онъ.

— Да, вѣтеръ ужасно холодный. Я забыла надѣть перчатки.

Она шла за нимъ по корридору.

— Ну, кто увидитъ?.. Не хорошо, — шепнула она.

— Никого-же въ домѣ нѣтъ, — такъ-же тихо сказалъ онъ. Оставилъ ее на мгновеніе и пошелъ, заложилъ входную дверь крюкомъ.

— Зайдите ко мнѣ, вы не видали, какъ я живу.

— Ахъ, что-о вы!.. Ра-азвѣ мо-ожно, — тянула она и, грѣя свои руки въ рукахъ Кольцова, покорно шла по широкому корридору.

На письменномъ столѣ, подъ голубымъ стекляннымъ абажуромъ весело горѣла лампа. Подъ нею лежала раскрытая книга.

— У васъ уютно... Тепло...

Наталлъ подошла къ столу и, стоя, сбросила на стулъ шубку.

— Что это вы чи-итаете?..

— «Горе отъ ума»...

— Ахъ вотъ что-о... Я очень лю-юблю эту пьесу... Во-отъ ее-бы поставить.

Наталлъ посмотрѣла на Кольцова, она замѣтила, что

рука Кольцова, опирающаяся на стулъ дрожитъ, что Кольцовъ покраснѣлъ и не смотритъ на нее. На мгновеніе ей стало жутко.

— Вамъ холодно, — сказала она. — Вы дрожите... Сядьте сюда... Читайте мнѣ «Горе отъ ума», я послуша-аю... Читайте сначала, я буду подавать реплику... Я всю наизусть ее знаю...

Кольцовъ развернулъ книгу.

— Тамъ... Лиза, — дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Ну что-же, Лиза?..

— Монологъ Лизы... Лиза спитъ среди комнаты, свѣсившись съ креселъ, просыпается и говоритъ...

— Ну, что-же она говоритъ? Читайте монологъ Лизы, я послу-уша-аю.

Неслышно и легко ступая, Наталлъ подошла къ кушеткѣ и мягко опустилась на нее. Сладкіе мураши бѣжали по ея тѣлу. Невѣдомая истома охватила ее. Она, какъ въ туманѣ видѣла лицо Кольцова, освѣщенное синеватымъ свѣтомъ лампы. Кольцовъ началъ дрожащимъ голосомъ:

— Свѣтаетъ... Ахъ, какъ скоро ночь минула...
Вчера просилась спать — отказъ:
Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ...
Не спи, покудова не скатишься со стула...

Голосъ Кольцова дрожалъ все сильнѣе. Буквы прыгали передъ его глазами. Страстное возбужденіе охватило его. Ночные сны сбывались на-яву. Онъ смотрѣлъ въ книгу, боясь поднять глаза на Наталлъ. Тишина пустого дома томила. Онъ читалъ и самъ не слышалъ своего голоса. Голосъ казался ему глухимъ и чужимъ:

— Ну, гость неприглашенный,
Быть можетъ, батюшка войдетъ...
Прошу служить у барышни влюбленной...
Да расходитесь. — Утро. — Что-съ?..

Отъ кушетки послышался голосъ Наталлъ: «который часъ?..» — она подала за Софью реплику.

И точно въ голосѣ этомъ, такомъ знакомомъ, дорогомъ и миломъ прозвучала истома цѣлой ночи, проведенной въ любовныхъ утѣхахъ, въ игрѣ и поцѣлуяхъ... Онъ былъ сонный и въ тоже время въ немъ слышался нѣжный призывъ. Каждая нота звучала приглушенною страстью.

Кольцовъ положилъ книгу, всталъ и подошелъ нерѣшительно къ Наталлъ. Она не перемѣнила позы. Какъ лежала на кушеткѣ, заложивъ руки за шею, такъ и осталась. Дорогая англійская, какого-то рубчатаго сукна юбка съ большими прямоугольными блестящими, фарфоровыми пуговицами приподнялась и показала упругія ноги, туго обтянутыя шелковыми чулками. Наталлъ, прищуривъ глаза, смотрѣла на Кольцова и плавно покачивала ногой. Маленькая туфелька еле держалась на носкѣ. Въ этомъ покачиваніи ноги, въ прищуренныхъ глазахъ былъ нѣмой призывъ и Кольцовъ понялъ его. Онъ опустился на коверъ подлѣ ногъ Наталлъ, снялъ съ ея ноги туфельку и, крѣпко охвативъ носокъ рукою, поцѣловалъ чулокъ въ подъемѣ ноги. Послышался томный вздохъ.

— Ну что-о вы это?.. — придушеннымъ голосомъ проговорила Наталлъ. — Оставьте... Щекочете... Не-ельзя же такъ... Глу-упости какія при-иду-умали.

Кольцовъ не оставилъ ноги. Онъ цѣловалъ ее выше и знойною рукою пытался спустить чулокъ съ колѣна. Наталлъ лѣнивымъ, небрежнымъ, незамѣтнымъ движеніемъ отстегнула пряжку подвязки.

— Ну... Полно... Оста-авьте, пожалуйста... — простонала она, опуская голову на спинку кушетки.

Розоватое, прохладное колѣно показалось передъ глазами Кольцова. Онъ почти его не видалъ. Дрожащій, волнующій туманъ застилалъ его глаза. Въ немъ исчезло время, пространство, въ немъ не стало ни прошлаго, ни будущаго, въ немъ было только настоящее, да и то плыло въ какихъ-то колеблющихся волнахъ. Онъ покрывалъ поцѣлуями колѣно и не соображалъ ничего.

Потомъ, вспоминая эти удивительнѣйшія ощущенія, бывшія у него тогда, въ трезвомъ умѣ переживая все пе-

режитое тогда, Кольцовъ думалъ и не могъ понять, да что-же было въ этомъ колѣнѣ? Чѣмъ отличалось оно хотя бы отъ его колѣна? Оно было гладкое, нѣжное, отъ него пахло духами и пудрой, какъ вообще пахло отъ всей Наталлъ, подъ колѣномъ, подъ рукой Кольцова, чуть подрагивалъ играющій подъ ладонью руки мускулъ ея ноги. И было въ тѣ минуты во всемъ этомъ нѣчто неизъяснимо прекрасное, волнующее, заставляющее забыть все... Нѣчто дороже самой жизни.

Наталлъ рукою ворошила волосы Кольцова.

— Какіе мягкіе у васъ волосы, — дрожащимъ голосомъ говорила она. Вы, должно быть, до-обрый.

Душистая ладонь прикрыла глаза Кольцова, оторвала губы отъ колѣна и губы прижались къ ладони. Сладкое обаяніе стало еще сильнѣе. Началась легкая борьба за овладѣніе снова ногою.

— Ну, полноте... Не на-адо...

Ея рука безсильно упала внизъ. Горячая щека Кольцова скользнула выше колѣна въ душистую тьму. Въ этой тьмѣ глазъ едва видѣлъ бѣлизну нѣжныхъ кружевъ и Кольцовъ ощутилъ губами мягкую влажность.

— Оставьте... Вы съума сошли... Вы щекочете меня... Я не могу... не мо-огу. Что вы со мною дѣлаете...

Ладони снова схватили его голову, борьба стала упорнѣе. Наконецъ, Наталлъ безсильно вздохнула.

— Я не могу больше... Какъ хотите, — слезы послышались въ ея голосѣ. — Ну я прошу васъ, милый... Лучше, послѣ... Это-же нечестно... Умоляю васъ потомъ... послѣ...

Тогда въ эти сумасшедшіе миги страстнаго волненія каждое самое пустое слово, каждый вздохъ воспринимались какъ то особенно. Они понимали другъ друга безъ словъ. Пустое было слово — «послѣ», но оно вдругъ точно отрезвило Кольцова, прояснило его мозги, все стало понятно.

Кольцовъ вдругъ оторвался отъ прелести ея ногъ, медленно поднялся съ пола, провелъ руками по вспотѣвшему лбу и спутаннымъ волосамъ.

— Я съума сошелъ..., — тихо произнесъ онъ. — Про-

стите меня, Наталлъ. Я никакъ и никогда не хотѣлъ обидѣть васъ... Конечно... Это будетъ... послѣ...

Онъ сказалъ это, еще не вполнѣ сознавая смысла своихъ словъ. Потомъ понялъ, когда она уже ушла, что въ нихъ было скрытое предложеніе стать его женою... Теперь одного не понималъ, какъ могъ онъ совладать со своею страстью — вѣдь въ ея словахъ тоже было скрытое предложеніе себя сейчасъ...

Она приподнялась съ кушетки и, казалось, съ недоумѣніемъ и досадой смотрѣла на Кольцова. Шерстяной платокъ сползъ съ ея головы и растрепалъ ея вьющіеся волосы. Въ ея глубокихъ глазахъ странный догоралъ огонь.

— Какія мы дѣти, — сказала она съ тяжелымъ вздохомъ. Встала и подошла къ зеркалу, обѣими руками поправляя волосы и поднимая сбившійся на спину платокъ.

— Простите меня, — тихо сказалъ Кольцовъ.

Она ничего не отвѣтила, только еще разъ глубоко вздохнула. Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ было тихо. Было слышно, какъ Наталлъ неровно и тяжело дышала.

— Скажите?.. Уже поздно?.. Сейчасъ можетъ Софья Павловна вернуться... Какъ все это вышло глупо...

— Еще не звонили къ «Хвалите».

— Тутъ развѣ слышно?..

— Да.

— Двойныя рамы.

— Очень слышно.

— Вы увѣрены?

Она сама надѣвала шубку. Онъ не догадался ей помочь.

— Я приду къ вамъ завтра, — тихо и значительно сказалъ Кольцовъ.

— Зачѣмъ? — съ искреннимъ удивленіемъ сказала Наталлъ. — За-ачѣмъ?.. Ахъ, Георгій Александровичъ, увѣряю васъ — не надо... Совсѣмъ не надо... Ничего не было... Такъ только показалось...

— Я приду къ вашему отцу, — настойчиво повторилъ Кольцовъ.

Она была совсѣмъ готова уходить. Она остановилась

въ дверяхъ и сказала серьезно съ легкою, едва уловимою грустью:

— Нѣтъ, не приходите... Не надо... Ничего не надо... И знаете что... Вѣдь вы собирались уѣзжать къ вашимъ дядямъ, такъ и уѣзжайте къ нимъ. Потомъ, когда я справлюсь, я напишу вамъ. Мнѣ кажется, мы оба ошиблись. Пусть это перегорить. Вы не поняли меня... Я не поняла васъ...

Она шла по корридору. Ея шаги были неувѣренны и шатки. Голова была опущена. Казалось — она была обижена чѣмъ-то. Она сама отложила тяжелый крюкъ входной двери.

— Не высовывайтесь.. Ну, кто увидитъ?!.

Не прощаясь выбѣжала на крыльцо.

Кольцовъ издали увидалъ пустую улицу и какъ пошла она по ней торопливой неспокойной походкой.

Въ станичной церкви ударилъ колоколъ одинъ разъ, другой, третій, къ нему пристали малые колокола. Трезвонили къ «Хвалите»...

XI

Кольцовъ за ночь все передумалъ. Конечно, — теперь это его долгъ — завтра надѣть парадный мундиръ, — такъ, кажется это дѣлается — и пойдти къ Борису Аполлоновичу просить руки и сердца его дочери Натальи Борисовны. Это — долгъ!.. Женятся по разнымъ поводамъ: иныя женятся изъ разсчета, желая сдѣлать блестящую партію, разбогатѣть, другіе женятся по любви, женятся и по долгу, изъ-за неосторожно сказаннаго слова, необдуманнаго поступка. Кольцовъ, продумывая свое положеніе считалъ, что у него на лицо все, чтобы жениться: Наталлъ была во всѣхъ отношеніяхъ блестящей партіей — она была въ полномъ смыслѣ этого слова красавица, хорошей семьи, богата, и, наконецъ, все таки, хотя, по совѣсти, вчера ничего не было, но съ барышнями такъ не поступаютъ, какъ поступилъ онъ.

Утромъ, открывая сундукъ и доставая изъ него мундиръ Кольцовъ раздумывалъ, любитъ-ли онъ Наталлъ?

Когда думаютъ объ этомъ — значитъ — не любитъ, во всякомъ случаѣ не такъ любитъ, какъ надо любить, какъ онъ любитъ, напримѣръ... хотя-бы Лелю?..

И вотъ тутъ-то въ эту самую минуту раздумья и, развѣ въ этомъ не было какого то предопредѣленія, какого-то напоминанія свыше, Леля и напомнила ему о себѣ. Кольцову подали заказное письмо изъ Петербурга. Надо было расписаться въ книгѣ, мундиръ былъ отложенъ, Кольцовъ распечаталъ большой пакетъ съ косымъ Лелинымъ почеркомъ написаннымъ адресомъ. Въ пакетѣ, въ тонкой папиросной бумагѣ былъ завернутъ большой портретъ, больше кабинетнаго формата. Кольцовъ развернулъ его.

Да, конечно, — вотъ кого онъ любилъ, любитъ и будетъ вѣчно, вѣчно любить.

На розово-коричневомъ фонѣ карточки — и это было такъ очаровательно, значительно и заманчиво — была изображена бѣлымъ лира подъ Императорской короной и надпись по перекрученной въ три зигзага лентѣ славянскими буквами: «Фотографія Императорскихъ театровъ». Точно шло отъ этой надписи волнующее дыханіе театра, со всѣми его магическими ощущеніями, запахами, радостями и восторгами.

Передъ Кольцовымъ, какъ живая, во всемъ обаяніи сцены, была Леля. Но она была не такая, какою онъ её зналъ, а новая и въ новизнѣ своей еще болѣе прекрасная. Въ свѣтломъ парикѣ, съ ниспадающими волнами на плечи волосами, съ большой сѣрой шляпой въ опущенной рукѣ, съ мандолиной на широкой лентѣ подъ другою рукою, въ бѣломъ затѣйливомъ кафтанѣ, въ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ — она была таинственно, недосягаемо прелестная.

И, самъ не замѣчая этого, Кольцовъ напѣлъ изъ «Снѣгурочки»:

— «Лель, мой Лель, Лоли — лялли Лель»!..

По низу портрета шла чернымъ чернилomъ написанная смѣлая косая надпись: «Жоржу Кольцову — Прохожій»...

Это все было очаровательно. Это совсѣмъ, совсѣмъ заслоняло страстью напоенный образъ Наталлъ.

При портретѣ было обстоятельное большое письмо Лели. Тутъ былъ полный отчетъ о спектаклѣ, успѣхомъ котораго, — Леля сама въ томъ признавалась, она была обязана Кольцову, а дальше было описаніе полковой жизни... Да, какъ онъ могъ хотя-бы на минуту забыть полкъ?..

...«Прохожій» прошелъ прекрасно», — писала Леля. — «Смотрите, какъ вышло: «Прохожій» прошелъ»... Какъ будто и не ловко?.. Ну, все равно — Вы не учитель словесности... Какъ Вы мнѣ и совѣтовали, я начала свою арію еще за сценой и начала mezzo voce. Мнѣ говорили — иллюзія полная — будто откуда-то издалека несется пѣніе — Прохожій приближается. А я все усиляла голосъ и, наконецъ, появилась, дѣлая видъ, что играю на мандолинѣ. Божественно за меня аккомпанировалъ Степановъ. Я подмигнула ему въ оркестръ и замедлила, какъ вы мнѣ совѣтовали слова... Онъ меня понялъ. Капельмейстеръ, конечно, не Направникъ (Фуй — Направникъ — онъ остановилъ-бы оркестръ, онъ сдѣлалъ-бы скандалъ) дирижировалъ Ивановъ, покачалъ головою, но сдержалъ оркестръ. Какое это удивительное чувство сознавать свою силу надъ столькими людьми... И вышло, знаете, — мнѣ говорили, — прекрасно... Весь полкъ, кромѣ женатыхъ — у-у!.. эти мнѣ женатые!.. былъ на спектаклѣ... И результатъ поразительный, какъ это говорится у васъ—«съ-ногъ-сшибательный» результатъ. Никогда не угадаете, что случилось потомъ, а напишу, такъ и то не повѣрите... Скажете — мама?.. Нѣтъ — мама... мамочка... милая — она у меня, и точно какая-то допотопная, какой то диллювіальной формаціи, — ее ничѣмъ не прошибешь — она плакала въ уборной и все говорила: «замужъ тебѣ пора, а не актеркой быть»... Вотъ какая у меня мамулечка!.. Ихтіозавръ!.. Нѣтъ, — дядя!.. Дядя!.. Подумайте — только — дядя — полковникъ Акимовъ — размякъ, растаялъ и разрѣшилъ мнѣ ѣздить верхомъ на его «Горцѣ»!.. Я ѣзжу съ Тапиромъ... Тапирушка такой трогательный... Кромѣ того, когда я сказала дядѣ, что я только теперь, когда поѣздила

на чистокровной лошади поняла всю прелесть верховой ѣзды, дядя обѣщалъ мнѣ купить лошадь у графа Потоцкаго, спеціально для меня... Вотъ что значитъ изъ племянницы стать артисткой!.. Вотъ какова власть сцены!.. Это-же потрясающій успѣхъ!..

«Чувствуете? — Жоржъ! — возьмите подъ козырекъ! — ваша Леля владѣтельница чистокровной!.. Леля на собственной и, конечно, рыжей лошади!..

«Ну-те-съ, продолжаю. Вашего «Доріанъ-Грея» Тапиръ готовитъ на Concours въ Михайловскомъ манежѣ. Вчера прыгнулъ 2 аршина съ вершкомъ. Митенька хотѣлъ подбивать, но дядя сказалъ, что не надо. Прыгали на снѣгу, а въ манежѣ, на пескѣ дастъ много больше... На масляницѣ у насъ будетъ свой полковой Concours — препятствія, рубка, уколы пикой, джигитовка и джимкана!.. У большого флигеля строятъ трибуны... Джимкана!.. Это же надо придумать!.. Всепьянѣйшая коллегія съ адъютантомъ — вашимъ кумиромъ — во главѣ все это выдумала. Съ бутылкой шампанскаго и бокаломъ проскакать по манежу, взять шесть барьеровъ, на скаку открыть бутылку — представьте: «буммъ!..». Лошадь хвоститъ, поддаетъ задомъ, шампанское бьетъ ключомъ... А надо налить бокалъ и поднести той дамѣ, которая протянетъ руку... Только не я!.. Благодарю покорно... Быть облитой липкимъ шампанскимъ, испортить мѣхъ своей шубки... И сколько вина даромъ прольютъ... Ваша пассія, адъютантъ Сергѣевъ, вздыхаетъ: — «лучше», — говоритъ, — «спокойно, въ столовой съ поджареннымъ миндалемъ съ солью выпить»... Хар-рошій человѣкъ, а сознайтесь, васъ портилъ и потому васъ услали далеко отъ меня и я по васъ скучаю, или какъ это вы всѣ говорите — «за вами соскучилась»...

«Ну, какъ вы въ станицѣ?.. Знаю, не напишете — не грамотны для этого... Не увлекаетесь, какъ сказалъ Тапиръ про васъ, «чернопяточками»?.. Охъ — вы! — быть бычку на веревочкѣ!.. Ну, храни Васъ Господь и отъ чернопяточекъ и отъ веревочки... Бувайте здоровеньки...

«Хожу по нашей гостиной, мечтая о веснѣ и пою:

— «Порадуйся, малютка,
Чуднымъ апрѣльскимъ днямъ...
Ужъ солнца свѣтъ...»

«Бррр!.. никакого солнца! Встаемъ съ электричествомъ, въ два часа такъ темно, что вотъ пишу вамъ при свѣтѣ лампы... А у васъ, что горитъ?.. Тапиръ говоритъ — масляная лампа, а я думаю, не лучина-ли?..

«Искренно уважающая васъ Елена Можайская».

Кольцовъ читалъ это письмо стоя и ноги дрожали у него отъ восторга... Да вотъ онъ полкъ!.. Вотъ его д о м ъ !.. Concours... Какъ тамъ все весело и ярко, несмотря на то, что въ два часа надо зажигать огни. И... Леля!.. Лель мой Лель, Лоли — лялли Лель!..

Сквозь тюлевыя гардины молодое утреннее солнце лило золотой свѣтъ, чеканило узоры на столѣ, на полу, на креслахъ. Къ синему небу бѣлыми лисьими хвостами вились дымы кизечныхъ топокъ. Былъ слышенъ хрустъ шаговъ по мерзлому снѣгу и торжественно и призывно гудѣли колокола станичнаго собора.

А какъ-же — вчера?.. Бѣжать надо отъ этого «вчера»... Ничего не было... Хорошъ бы я былъ, если-бы такое письмо... Такія слова, — Кольцовъ къ губамъ прижималъ письмо и карточку Лели, — «если-бы все это позналъ и прочувствовалъ — п о с л ѣ ... Когда безповоротно связалъ бы себя словомъ съ прелестной, но какой чужой — Наталлъ!.. Когда сказали-бы: «съ законнымъ бракомъ васъ, Георгій Александровичъ» и кричали бы, по настоящему кричали-бы: «горько!».

Кольцовъ сердечно и просто — какъ безупречно вела себя Наталлъ, какую выдержку она показала! — простился съ Наталлъ и Евстратовой, получилъ отъ Бориса Аполлоновича на дорогу бутылку какого то особеннаго вина и на другой день на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ станицы въ имѣніе своихъ дядей — свое родовое гнѣздо..

Часть третья

ПЕРЕДОВЫЯ БАРЫШНИ

I

Прямо передъ глазами всходило солнце. Оно слѣпило. Небо было чистое, высокое и прозрачное. Ровный снѣгъ блестѣлъ, какъ серебряное блюдо. Лошади бойко бѣжали по тонкому насту и сани шумѣли совсѣмъ такъ, какъ шумитъ парусная лодка, гонимая легкимъ вѣтромъ по спокойному морю.

Степь была, какъ море. Нигдѣ ни предмета. Ровная пелена снѣга, и по ней играютъ краски. Залило розовымъ, вдругъ покраснѣло полосами на мгновеніе и стало блѣднѣть. Кольцовъ закрылъ глаза, задремалъ и, когда очнулся, — все было залито яркимъ жидкимъ золотомъ. Нигдѣ ни шеста, ни столба, ни чертополоха — могильника. Золото померкло, степь ударила въ синь, а еще немного позже все стало бѣло, нестерпимо бѣло кругомъ, — въ саванъ одѣлась земля.

Казакъ возжами подергиваетъ, лошади ровно бѣгутъ по степи, бросаютъ золотую ископыть въ холщевые отводы. Нигдѣ не видно дороги, нигдѣ нѣтъ никакого слѣда, ни людского, ни конскаго. Позади таже равнина, тотъ же снѣгъ, и по нему ровный струится и синѣетъ санный слѣдъ. Точно и правда ѣдутъ по морю. Но въ морѣ ходятъ по компасу, а какой уже тутъ компасъ! Грубо слаженный, поскрипываетъ дощечками передокъ саней, а за нимъ вмѣсто рулевого — казакъ въ шапченкѣ бараньяго мѣха съ розоватымъ вер-

хомъ. У казака темно-бурое лицо, узкіе, безцвѣтные глаза, въ углу рта изжеванная кручонка, свѣтлые усы и жидкая бородка. Казакъ поглядываетъ на солнце, похлопываетъ рукою въ вязаной луховой перчаткѣ по передку саней и молчитъ.

— Станица, куда-же мы ѣдемъ?..

Казакъ повернулся лицомъ къ сѣдоку, рукавомъ утеръ носъ и посмотрѣлъ на офицера.

— Чево-й-та?..

— Да, гдѣ-же дорога?..

— Дорога?.. А вонъ оно, о чемъ вы безпокоитесь... А на что вамъ сдалась эта дорога?.. Мы на простяка тутъ спрямимъ. Я прямо на Крыловъ хуторъ держу.

— Ишь ты — прямо, а не заблудимся мы тутъ въ степи?..

Казакъ засмѣялся.

— Ну!.. Зачѣмъ?.. Сказали тоже. Заблукаемъ... Зачѣмъ оно блукать-то? Не первый разъ ѣду... Все надь Кагальникомъ — вотъ оно и дороги не надо.

Казакъ показалъ кнутомъ вправо, гдѣ долженъ былъ быть какой-то Кагальникъ, но гдѣ ровно ничего не было, была все таже ровная, блестящая на солнцѣ степь.

Тишина степи нарушалась шелестомъ саней, да изрѣдка покрикивалъ на лошадей казакъ.

Морозъ былъ небольшой, но офицерское пальто мало грѣло и Кольцовъ сталъ ежиться и похлопывать себя по груди руками.

— Что... Холодно?..

Казакъ кинулъ изъ подъ себя баранью шубу.

— А вы вотъ накройтесь... Да вы насчетъ дороги не сумлѣвайтесь. Ишь вотъ они и Кухтачевскіе лѣтники показались — вотъ вамъ и полдороги.

Кольцовъ думалъ, что все равно, сомнѣвается онъ въ дорогѣ или нѣтъ — дѣлу не поможешь, онъ дороги не зналъ, онъ довѣрился казаку и надо ему вѣрить, но все таки обрадовался, когда наѣхали на свѣжій санный слѣдъ и поѣхали по нему. Казакъ строилъ догадки, кто-бы могъ это ѣхать.

— Должно, кто съ Араканцева ѣхалъ... Не иначе, какъ самъ хуторской атаманъ...

Лошади то дружно бѣжали спорою рысью, то, притомившись, переходили на шагъ. Угрѣвшійся подъ шубой Кольцовъ думалъ, что онъ ѣдетъ по невѣдомому морю, что шумитъ кругомъ волна, ему казалось, что онъ слышитъ даже плескъ воды и его укачивало, какъ укачиваетъ на лодкѣ. А сердце понемногу врачевалось, точно съ каждымъ шагомъ продвиженія по степи уходили вдаль и всѣ его станичныя заботы. Позади оставалась Наталлъ, такая обаятельно прекрасная и такая опасная, и чувство свободы, освобожденія отъ чего то, пожалуй, и ненужнаго, его охватывало. Тогда думалъ о полкѣ, о Лелѣ, о томъ, что все таки жизнь прекрасна, что всюду можно хорошо жить, что какъ нибудь надо перетерпѣть эти годы льготы, что Богъ спасетъ и дальше отъ непоправимыхъ ошибокъ. Что-то ныло, что-то осталось все таки недоговоренное съ Наталлъ, какъ будтобы не совсѣмъ былъ онъ свободенъ, но ровное движеніе по степи, сознаніе, что кладется нѣкая преграда между нимъ и Наталлъ притупляло эту ноющую боль и заставляло ее забывать. Уже было за полдень и хотѣлось по молодому ѣсть, хотѣлось пріѣхать куда нибудь, гдѣ не слѣпилъ-бы этотъ снѣгъ, хотѣлось приткнуться куда нибудь, гдѣ можно было-бы лечь и какъ слѣдуетъ отдохнуть.

Какъ то вдругъ, совсѣмъ неожиданно показались голыя раины, накинувшія голубую сѣть тѣни на бѣлыя мазанки подъ соломенными, запорошенными снѣгомъ крышами, кудрявые дымы, темныя огорожи плетней и — вотъ онъ — узкими кривыми улочками, проходами между плетней, клунь, амбаровъ, колодцевъ и хатъ развернулся передъ Кольцовымъ хуторъ Крыловъ.

— Я васъ прямо къ Сетракову предоставлю, у него и заночуете. Онъ вамъ и лошадей завтра подастъ. Атаманъ наврядъ-ли и дома. Санями-то не онъ-ли въ Араканцевъ уѣхалъ, некому больше.

Въ этой пустой, зимней степи, гдѣ было только го-

лубое небо и бѣлый снѣгъ, казакъ читалъ, какъ въ раскрытой книгѣ.

II

Въ степи нѣтъ, нѣтъ полкъ и напомнитъ о себѣ. Только расположился Кольцовъ на послѣдній ночлегъ въ станицѣ Федосѣевской, какъ къ нему пришли въ гости казаки, прежде служившіе въ полку.

— Какъ-же прослышаны, въ наши края?.. Здравія желаемъ, ваше благородіе.

Они ушли изъ полка четыре года тому назадъ и Кольцовъ ихъ не зналъ и они не знали Кольцова, но она знали всѣхъ старыхъ офицеровъ полка. Они пришли въ форменныхъ полковыхъ фуражкахъ и въ сѣрыхъ теплушкахъ на ватѣ. Они съ интересомъ распрашивали Кольцова о жизни въ полку.

— Лунченокъ-то на третью сверх-срочную остался... Дѣла!

Кольцову послышалось осужденіе въ ихъ голосѣ.

— Отчего-же ему не остаться, развѣ худое дѣло? — спросилъ Кольцовъ.

— Да что, ваше благородіе... Ить онъ богатый, справный казакъ, зачѣмъ ему это?.. Для чего ему такъ стараться?.. Жилъ-бы да жилъ...

— Какъ для чего?.. Служить Государю и Родинѣ — это-же честь!.. Въ нашемъ полку!

— Это оно, конечно, точно, это, что и говорить вѣрно, а только.

— Мы, офицеры служимъ-же... Всю жизнь.

— На то воля ваша...

— Почему-же Лунченкову не служить?..

— Положеніе, ваше благородіе, не то. Вы служите — вы обязаны служить... Вамъ за то земли какія дадены... А ему зачѣмъ?.. Думаете легко ему нашего брата тянуть... Лунченокъ то со мною былъ. Изъ за какой корысти человѣкъ остался?.. Супротивъ отца съ матерью пошелъ... Про-

тивъ всей станицы... Вахмистръ... Что ему?.. Мы его здѣсь избрали-бы, просили-бы атаманить.

Казаки говорили смѣло, не смущаясь офицера, говорили, какъ съ равнымъ. Они совсѣмъ не походили на тѣхъ казаковъ, изъ которыхъ на «словесности» трудно было вытягивать отвѣты. Они были д о м а.

— Служба, ваше благородіе, это точно, кто что скажетъ супротивъ этого. Каждый казакъ служить обязанъ, мы это совершенно понимаемъ. Потому что кто-то должонъ порядокъ въ государствѣ держать. Безъ этого развалится государство. Ну только вотъ гутарятъ и такъ, что опять таки и такой порядокъ можно установить, что и служба окажется безъ надобности.

— Ну, а война?..

— Вотъ пишуть, что и войнъ не должно быть.

— Ну что вы, братцы, говорите, чего не понимаете, какой-же это порядокъ, кто его установитъ?

— Вотъ, говорятъ — всеобчее поравненіе, ни тебѣ богатыхъ, ни бѣдныхъ. Всѣ въ достаткѣ и потому, значитъ, безо всякой зависти. У насъ на Дону свой выборный атаманъ, ну и чтобы не гоняли насъ, какъ въ пятомъ году на усмиреніе. Коли Москва бунтуетъ, пусть «Ваньки» *) ее и смиряютъ.

— Всеобчая грамотность... Ниверситеты повсюду... Всѣ одинаково образованные... Нѣтъ того, чтобы одинъ кичился своимъ образованіемъ передъ другимъ.

— Кто-же это все вамъ говорилъ?.. Кто вамъ внушалъ это? Такъ нигдѣ не бываетъ и не можетъ быть.

— Говорили намъ люди, которые знающіе. Свои люди говорили, которые нужды наши казачьи превзошли и понимаютъ, чего нужно казаку... А что бываетъ это, или нѣтъ, такъ сказывали, что въ Америкѣ такъ.

Казакъ внушительно посмотрѣлъ на Кольцова.

---

*) «Ваньки» — презрительное названіе солдатъ, вообще мужиковъ.

— Въ Америкѣ, — сказалъ Кольцовъ. — Нѣтъ и въ Америкѣ того нѣтъ.

Трудно было Кольцову. Онъ чувствовалъ, что онъ совсѣмъ не подготовленъ къ такому «вольному» разговору съ казаками. Онъ не зналъ Америки, но онъ чувствовалъ, что и въ Америкѣ этого «всеобчаго поравненія» нѣтъ. Болѣе того чувствовалъ, что именно въ Америкѣ царитъ жуткое неравенство между людьми и нигдѣ такъ не порабощенъ человѣкъ, какъ въ Америкѣ. Кольцовъ читалъ романы Синклера, но то были романы, а тутъ, чтобы переубѣдить этихъ людей нужны были факты, а не романы. Казакамъ извѣстны факты, что нищій мальчишка становится милліонеромъ — вотъ какая имъ извѣстна Америка...

— Чѣмъ вы-то недовольны? — хмуря дѣтскія брови, спросилъ Кольцовъ.

— Мы всѣмъ довольны, ваше благородіе... А только...

— Ну что, только?..

— Земли у насъ мало...

— Какая у насъ земля — одинъ песокъ!

— Только красноталъ и растетъ. Корзины что-ли намъ изъ него плесть?

— Лѣтомъ, какъ понесетъ съ востока пескомъ, кажется все, и насъ самихъ занесетъ.

— Однако, живете.

— Какая наша жизня!.. Съ эдакой то жизни подавай коня, да справу — въ полтысячи рублей. Гдѣ ихъ возьмешь? А у кого сыновей много — справь ихъ всѣхъ на службу — вотъ и разореніе.

— На югѣ, въ Задоньи наши степи, кровью дѣдовъ нашихъ политыя почемъ зря конно-заводчикамъ отданы... Вотъ чего мы хотимъ, чтобы атаманъ о казачьихъ нуждахъ болѣлъ, а не о Государскихъ.

— Ваше благородіе, вы только чего зря не подумайте. Мы отъ чистаго сердца. Что люди — то и мы. Люди ложь — ну и мы то-жъ... Намъ такъ объясняли, что разъ есть народъ, то, чтобы народу и править.

— Кто-же это править будетъ?.. Ты, Безхлѣбновъ, или ты, Безмолитвенновъ?..

— Зачѣмъ я?.. Зачѣмъ мы? Да Боже упаси. Люди такіе найдутся.

— Нюжли на Дону людей не стало, что изъ Россіи присылаютъ нами править.

— Да вы-то не Русскіе?..

— Мы — казаки.

Они сидѣли долго. Они не жалѣли «газа», то есть керосина, въ лампѣ, пили кисловатое вино, выставленное имъ Кольцовымъ, и говорили о чемъ-то смутномъ, чего, видимо, и сами не понимали и что не удавалось Кольцову имъ объяснить и что опровергнуть. Кольцовъ сталъ разсказывать имъ исторію Войска Донского, какъ наполнялась Донская степь пришлыми Русскими людьми. Они слушали охотно, временами увлекались, но чувствовалъ это Кольцовъ — они не вѣрили ему... Кто-то имъ другое разсказалъ и это другое ихъ увлекло и имъ понравилось болѣе.

— Такъ-то оно такъ, ваше благородіе, а только намъ сказывали все это по иному.

— Кто вамъ говорилъ?..

— Знающіе люди.

— Настоящіе люди.

— Что-же я, по вашему, не знаю исторіи?..

— Мы такъ ваше благородіе не говоримъ. Зачѣмъ зря говорить. А только вы обязаны такъ говорить... Потому вы, какъ офицеръ... Намъ вотъ сказывали, было тутъ свое какъ-бы вольное царство, во всемъ преизобильное и царилъ въ немъ и правилъ имъ выборный изъ казаковъ атаманъ и кругъ войсковой, и было то государство не русское, но особое, казачье.

— Ахъ, какой вздоръ!.. Сами смотрите, ты кто — Безхлѣбновъ, безъ хлѣба ты былъ на Руси и пришелъ на Донъ за хлѣбомъ — ты Русскій, Русскій!.. Понялъ. А ты — безъ молитвы, безъ священника былъ, твоихъ дѣдовъ за то гнали съ Руси — вотъ и пришелъ ты Безмолитвеннымъ.

Кольцову казалось — какая неотразимая логика была

въ его словахъ! Нельзя было ей не повѣрить. Ему не повѣрили.

— Такъ, ваше благородіе... Очень просто вы толкуете... А намъ между прочимъ весьма даже обидно, что вы насъ съ «ванькàми» равняете. Съ мужиками. Вотъ завтра, къ себѣ домой пріѣдете, увидите въ слободѣ, какъ мужики живутъ — тады поймете, гдѣ правда.

Разговоръ становился непріятнымъ и Кольцовъ, чтобы прекратить его наполнилъ стаканы виномъ.

— Ну вотъ, что, братцы, будетъ о пустякахъ говорить. За нашъ славный, доблестный полкъ!..

Казаки встали и подняли стаканы.

— За полкъ...

— За полкъ!..

Всѣ разомъ осушили стаканы. Казаки стали прощаться.

— Вы, ваше благородіе, не подумайте только чего. Какъ мы пропитаны казачьимъ духомъ, такъ и говоримъ на своемъ, на казачьемъ языкѣ, опять таки вѣру къ вамъ имѣемъ, какъ вы нашего полка и нашего казачьяго рода и мы вамъ должны быть понятны.

Нѣтъ они не были понятны Кольцову. Онъ вспоминалъ уроки корпуснаго батюшки, законоучителя и какъ толковалъ онъ о заповѣдяхъ Господнихъ, какъ говорилъ, что не напрасно на Моисеевыхъ скрижаляхъ послѣднею, десятою заповѣдью поставлена заповѣдь о зависти. «Отъ зависти», — говорилъ законоучитель, — «происходятъ всѣ прочіе грѣхи, и воровство, и убійство, и прелюбодѣяніе, и непочитаніе родителей, все отъ зависти, самаго страшнаго изъ бѣсовъ, овладѣвающихъ человѣкомъ»... И думалъ Кольцовъ, глядя, какъ казачка хозяйка прибирала со стола, какъ вытирала пролитое вино, собирала обломки сухарей, какъ тихо и ловко ходила по тѣсной горницѣ хаты, думалъ о томъ, кто-же вмѣсто смиренія передъ своей судьбой, вмѣсто терпѣливой работы, пріобрѣтенія постепеннымъ, честнымъ трудомъ благосостоянія, служенія Родинѣ, какъ служили дѣды и отцы, вселилъ въ казаковъ зависть, стремленіе даромъ получить непринадлежащее имъ, подѣлить какія то земли,

что-то отобрать, чтобы было «всеобчее поравненіе», чтобы какая то особая справедливость была, чтобы было, «какъ въ Америкѣ»?.. Кто училъ ихъ этому?.. Кто сбивалъ уроки полка, уроки ихъ, офицеровъ, какими то другими уроками, манившими легкою жизнью?.. Кто?..

Хозяйка, высокая, красивая, лѣтъ сорока, смотрѣла на Кольцова хитро и загадочно.

— Съ одного полка вы, ваше благородіе, — говорила она, поглядывая недобрымъ взглядомъ на Кольцова. — Всю то жизню казаки по полкамъ служатъ. Вотъ и мово прошлымъ январемъ въ 15-й полкъ угнали. И не пишетъ ничего. Живъ-ли, здоровъ ничегошеньки не знаю? Далеко, на самой австрицкой границѣ. Я уже васъ попрошу, какъ вы къ енараламъ ѣдете, попросите, чтобы енеральша Нина Михайловна отписали запросикъ о сыночкѣ моемъ Степанѣ Кошлаковѣ. Онѣ уже знаютъ... Не забудете?.. Очень васъ о томъ прошу.

Она постелила Кольцову постель, поправила лампаду подъ образами и сказала:

— Лампу можетъ, задуть?.. Газу много выходитъ, а газу-то на станицѣ не всегда и достанешь, а вы вздремнули-бы. Ить поздно — десятый часъ пошелъ.

И, не дожидаясь отвѣта Кольцова, казачка задула лампу и оставила постояльца при свѣтѣ мерцающей подъ образами лампады.

Кольцовъ легъ въ постель и долго не могъ заснуть: — все думалъ онъ, кто-же?.. Кто внушаетъ казакамъ это страшное чувство зависти?.. Кто желчнымъ бѣсомъ бродитъ по пустыннымъ степямъ Донскимъ и мутитъ казаковъ? Кажется, встрѣтилъ бы Кольцовъ этого бѣса, своими руками задушилъ-бы его...

III

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Кольцовъ къ имѣнію дядей, тѣмъ больше про нихъ слышалъ отъ казаковъ.

— Неабнокновенные люди...

— На всемъ, на Дону такихъ поискать.

— Старики, а крѣпкіе. Ничто ихъ не беретъ.

— Да что спрашиваете, вотъ и сами увидите.

— Тамъ такое повидаете, въ нечистую силу увѣруете.

— Ну зачѣмъ такъ говорите... Въ храмѣ молятся... Посты соблюдаютъ. Ну точно — чудеса. Ажъ страшно станетъ, какъ разсказываютъ.

— Можетъ и брешутъ. Мало-ли чего люди не придумаютъ. Енаральща Нина Михайловна для слободы, что Ангелъ небесный.

— Съ себя сниметъ, отдастъ, нищаго прикроетъ.

— Я однова, въ щелку подглядалъ—самъ видалъ—столы по воздуху летаютъ, ажъ подъ самый, подъ потолокъ... Кто-же ихъ такъ бросаетъ?.. Жутко смотрѣть... Нечистая сила, не иначе...

Все это возбуждало любопытство Кольцова, заставляло спѣшить, а тутъ вьюга продержала его почти всю ночь въ какомъ-то поселкѣ и вотъ раннимъ утромъ, еще не начинало свѣтать Кольцовъ подъѣзжалъ къ родовому имѣнію. Волненіе охватило его. Онъ оперся о грядки саней и все всматривался въ постепенно раскрывавшійся передъ нимъ зимній, печальный видъ. Въ мутномъ, призрачномъ свѣтѣ разсвѣта какъ то неожиданно въ голой степи показались постройки.

Прямо, фронтономъ на степь, на узкую степную рѣчку, въ крутыхъ берегахъ, на просторъ пустыни — широкимъ фасадомъ стоялъ большой бѣлый каменный домъ Александровскаго стиля. Посерединѣ, надъ высокимъ крыльцомъ — колонны, по сторонамъ главнаго флигеля двумя крыльями боковые флигеля. Передъ домомъ шпалеры кустовъ запорошенныхъ снѣгомъ и деревянная рѣшотка съ промежуточными каменными столбами. Все было громадно и вмѣстѣ съ тѣмъ стройно, красиво, прямолинейно и строго. Напоминало казенныя постройки Петербурга. Все это казалось такимъ страннымъ въ пустынѣ снѣговой степи. Правѣе дома, отдѣленная отъ него широкимъ проспектомъ, стояла большая церковь объ одномъ куполѣ, съ высокой колокольней

позади. Все было бѣло отъ снѣга, все казалось въ свѣтѣ нарождающагося дня, подъ сѣрымъ безрадостнымъ небомъ какимъ-то призракомъ, миражомъ, появившимся въ степи.

По жидкому мосту, съ кривыми перилами, переѣхали рѣчку, свернули на занесенный снѣгомъ проспектъ вдоль рѣшетки, въѣхали въ повалившіяся ворота и подъѣхали къ каменному крыльцу.

На длинныхъ деревянныхъ ступеняхъ мягкими бѣлыми половиками лежалъ ровный голубоватый снѣгъ. Ни чьего слѣда не было на немъ.

Казакъ, онъ, видимо, зналъ порядки дома, поднялся на крыльцо и позвонилъ у высокой, бѣлой, точно дворцовой двери. За дверью звонкій залился колокольчикъ. Казакъ снесъ между тѣмъ сундукъ и узелъ съ вещами Кольцова и положилъ на крыльцо.

— Рано еще, — сказалъ Кольцовъ, — пожалуй всѣ спятъ.

— Енаралы съ первыми кочетами встаютъ... Навѣрно, давно уже встамши... А только тутъ къ гостямъ непривычны, а кто изъ слобожанъ ходитъ, такъ съ задняго крыльца, черезъ дворъ.

Прошло минутъ пять. Наконецъ, за дверью завозились, дверь подалась не сразу, мѣшалъ снѣгъ. Онъ съ шуршаніемъ отодвигался толстой полосой. Въ сумеречномъ утреннемъ свѣтѣ показался очень высокій, длинный во всю ширину дома вестибюль, съ колоннадами по обѣимъ сторонамъ, съ плитнымъ каменнымъ поломъ. Въ глубинѣ были большія окна, свѣтившіяся бѣлесымъ утреннимъ свѣтомъ. За ними — заиндевѣвшія деревья большого сада. Въ вестибюлѣ въ безпорядкѣ была наставлена лѣтняя мебель, соломенныя кресла, кушетки, камышевые столы. Стылый холодъ вестибюля показался Кольцову суровѣе холода утра въ степи.

Дѣвушка, съ черными, небрежно укрученными косами, въ шерстяномъ платкѣ на плечахъ, съ босыми ногами, съ удивленіемъ смотрѣла то на Кольцова, то на казака, вносившаго вещи въ домъ.

— Къ вамъ гости, — сказалъ казакъ. — Проводите его благородіе.

— А-а-афицеръ, — какъ-то испуганно протянула дѣвушка, точно въ первый разъ въ жизни увидала офицера. Потомъ улыбнулась, побѣжала къ очень высокой, торжественной какой-то, двери надъ мраморными ступенями и открыла ее.

— Пожалуйте, тамъ енаралы, — сказала она.

Передъ Кольцовымъ былъ громадный, какъ сарай, залъ, напоенный мутнымъ сѣрымъ свѣтомъ, шедшимъ изъ верхнихъ квадратныхъ оконъ, расположенныхъ по обѣимъ стѣнамъ его. На противоположной отъ Кольцова стѣнѣ, почти во всю ея четырехъ-саженную вышину былъ вылѣпленъ барельефомъ изъ гипса большой Кольцовскій гербъ, съ дѣтства знакомый Кольцову. Онъ былъ когда-то раскрашенъ. Теперь краски слиняли, мѣстами сошли совсѣмъ, мѣстами и самая штукатурка обвалилась и недоставало украшеній. Странными показались Кольцову послѣ пустыни зимней степи и ночного бурана рыцарскіе шлемы, страусовыя перья, подтокъ изъ горностая, малиновые подборы и складки, золото щита, темныя украшенія, пушки и мечи. Кольцовъ вошелъ въ залъ и тотчасъ-же оглянулся. Сбоку двери, какъ разъ противъ герба висѣлъ портретъ, изображавшій въ натуральную величину генерала въ казачьей формѣ временъ Императора Александра I. Генералъ былъ изображенъ скачущимъ на ворономъ конѣ. Картина, писанная хорошимъ художникомъ, была оправлена въ широкую дубовую раму. Всадникъ казался живымъ.

Паркетный полъ давно не натирался, кое гдѣ въ немъ не доставало шашекъ. Сборная мебель — низкія кресла стиля Ампиръ, съ просиженными, порванными шелковыми сидѣніями, съ выгнутыми спинками и ножками краснаго дерева хорошей рѣзной работы, такіе же диваны, стояли въ перемежку съ тяжелыми дубовыми стульями, крытыми бархатомъ съ шерстяными, по канвѣ, пестрыми вышивками. Въ залѣ были еще стеклянныя ширмы — трельяжемъ съ искусственными виноградными листьями, скамейки для ногъ. На

восьмиугольномъ причудливомъ столикѣ въ концѣ зала голубымъ языкомъ мигало пламя спиртовой лампочки, горѣвшей подъ стариннымъ турецкимъ, красной мѣди кофейникомъ.

Кое гдѣ по полу лежали въ безпорядкѣ пестрые, старые, истоптанные, истлѣвшіе ковры и волчьи шкуры.

Залъ былъ такъ громаденъ, что хотя мебели въ немъ было много — онъ казался пустымъ.

Прямо противъ Кольцова, удаляясь отъ него, мѣрными неслышными шагами шли три человѣка. Они всѣ одинаково заложили руки за спину, откинувъ полы своихъ одеждъ. Кольцовъ сразу догадался, что это и были его дяди — «генералы»...

Всѣ они были худощавые, сухіе. Справа шелъ, должно быть, средній по возрасту дядя Андрей Михайловичъ. Онъ былъ очень высокаго роста. Красная лысина была обрамлена вѣнкомъ бѣлыхъ волосъ. По сторонамъ развѣвались концы сѣдыхъ бакенбардъ. На немъ были длинныя генеральскія чакчиры съ тройнымъ алымъ лампасомъ, маленькіе стоптанные мягкіе полсапожки съ неслышными бронзовыми шпорами, на плечахъ былъ длинный черный штатскій сюртукъ. Кольцовъ зналъ про Андрея Михайловича, что тотъ былъ гордость рода — генералъ отъ кавалеріи въ отставкѣ, старый холостякъ, на покоѣ доживавшій свой вѣкъ. Рядомъ съ нимъ шелъ человѣкъ тоже не малаго роста, однако, подлѣ Андрея Михайловича онъ казался небольшимъ. Съ затылка на шею падали слегка вьющіяся пряди волосъ. Черный сюртукъ спускался на сѣрые, клѣтчатые штатскіе штаны — это былъ, какъ догадался Кольцовъ, старшій дядя — тайный совѣтникъ, профессоръ Осипъ Михайловичъ, бездѣтный вдовецъ и, наконецъ, лѣвѣе его шелъ нѣсколько болѣе полный, невысокаго роста человѣкъ въ фантастической помѣщичьей разстегнутой сѣрой венгеркѣ съ зелеными шнурами, въ сѣрыхъ штанахъ и высокихъ мягкихъ кавказскихъ чувякахъ — теперешній хозяинъ Кольцовки, самый младшій изъ братьевъ — младше его былъ только отецъ Кольцова, покойный Александръ Михайловичъ — это былъ вдовецъ, отецъ

четырехъ взрослыхъ, незамужнихъ дочерей — Михаилъ Михайловичъ.

Своихъ дядей Кольцовъ никогда раньше не видалъ, но всѣхъ сразу распозналъ по фотографіямъ семейнаго альбома и по разсказамъ про нихъ.

Они точно не слышали, или нарочно не обратили вниманія на шумъ отворявшейся двери и продолжали уходить отъ Кольцова, ведя свой разговоръ.

Дойдя до стѣны, они разомъ, какъ по командѣ, повернулись и пошли прямо на Кольцова, какъ на пустое мѣсто. Кольцовъ могъ теперь ихъ всѣхъ хорошо разглядѣть.

Три эпохи, три періода времени, три прожитыя жизни приближались къ нему.

Андрею Михайловичу было за шестьдесятъ. Отъ его холенаго лица со тщательно пробритымъ подбородкомъ, отъ распущенныхъ сѣдыхъ, «подъ Скобелева» бакенбардъ вѣяло временемъ великихъ Александровскихъ реформъ, — уничтоженія крѣпостного права, всеобщей воинской повинности, Милютинскихъ реформъ въ Военномъ Вѣдомствѣ. Эпоха освобожденія славянъ, Забалканскій походъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ парадные разводы въ Михайловскомъ манежѣ, выправка стараго кадета Николаевскихъ временъ, привычка быть подтянутымъ и элегантнымъ — все отразилось въ этомъ генералѣ на покоѣ.

У Осипа Михайловича была сѣдая козлиная бородка, подъ Императора Наполеона III. Длинные волосы, легкая сутулость, широкіе клѣтчатые брюки, небрежно повязанный, надъ палевымъ жилетомъ пестрый шарфъ, сухое, желтое, точно не русское лицо — напоминало времена Гарибальди, второй Имперіи, завоеванія Алжира, Франко-Прусской войны и революціи. Осипу Михайловичу было подъ семьдесятъ.

У Михаила Михайловича были грубые, рыжіе солдатскіе подстриженные усы, на буромъ, помятомъ лицѣ ясно и прямо смотрѣли небольшіе синіе сонные глаза. Кольцовъ зналъ про него, что онъ послѣ короткой службы, почему

то вышелъ въ отставку и безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Ему было за пятьдесятъ.

Дяди подходили къ племяннику, не прибавляя шагу и не мѣняя темы разговора. Говорилъ Андрей Михайловичъ и, какъ могъ догадаться по отрывочнымъ, долетавшимъ до него словамъ Кольцовъ, говорилъ о русскомъ богоискательствѣ.

Дяди были уже въ пяти шагахъ отъ Кольцова и все точно не замѣчали его. Кольцовъ рѣшилъ, что ему надо самому представиться имъ. Кому?.. Старшимъ былъ Осипъ Михайловичъ, но онъ былъ — штатскій, то есть для Кольцова онъ не имѣлъ той цѣны, какую имѣлъ генералъ отъ кавалеріи и «кавалеръ» Андрей Михайловичъ; хозяиномъ, къ кому собственно и пріѣхалъ Кольцовъ, былъ Михаилъ Михайловичъ. Кому-же представляться?..

Кольцовъ сдѣлалъ шагъ впередъ, вытянулся передъ Андреемъ Михайловичемъ и отрапортовалъ:

— Ваше высокопревосходительство, Хорунжій Н-ского полка Кольцовъ является по случаю пріѣзда на побывку...

Андрей Михайловичъ расцѣпилъ пальцы, опустилъ руки по швамъ и выпрямился, оффиціально принявъ рапортъ.

— Жоржъ, конечно?.. — сказалъ онъ. — Молодецъ!.. А, молодецъ!.. На побывку?.. Видать — Кольцовскую породу... Давно, братъ, пора посмотрѣть родныя Палестины и навѣстить своихъ дядей.

Онъ обнялъ Жоржа. Мягкія, пахнущія крѣпкимъ одеколономъ бакенбарды обвились около горячихъ съ мороза щекъ Жоржа. Пахнуло еще сигарнымъ дымомъ и запахомъ табака. Андрей Михайловичъ расцѣловалъ Жоржа и толкнулъ его къ Осипу Михайловичу.

— Совсѣмъ, какъ Фаина, — сказалъ Осипъ Михайловичъ, обнимая Кольцова. Отъ этого дяди пахло дорогими англійскими духами.

— Нѣтъ, — принимая въ свои объятія, сказалъ Михаилъ Михайловичъ — глаза-то... Глаза-то наши — Кольцовскіе!.. Да и весь самъ вылитый Кольцовъ, дѣдушка Михаилъ Ивановичъ.

Отъ Михаила Михайловича шелъ сложный и нельзя сказать, чтобы вовсе непріятный запахъ — пахло отъ него мышами и еще какъ будто нафталиномъ, а отъ усовъ опредѣленно крѣпкимъ махорочнымъ духомъ.

Дяди обступили племянника и осматривали его, какъ цыгане лошадь.

— Уши Фанечкины и подбородокъ ея... Очень хороша собою была твоя мама, — сказалъ Андрей Михайловичъ.

— И ямочки на щекахъ, какъ у нея, — подтвердилъ Михаилъ Михайловичъ.

— Выправка наша — старая — кадетская, — сказалъ Андрей Михайловичъ. — Я, братъ, тебя нарочно такъ выдерживалъ... Полкъ — твоя семья... Кадетская закваска — это, братъ, лучше всего. Святое товарищество... Ты въ отпуску?..

— Нѣтъ... На льготѣ.

— А вотъ, какъ!.. Да, слыхалъ... Акимовъ хотѣлъ, чтобы ты казачьимъ духомъ напитался... Не тотъ теперь духъ у казаковъ... Ну, да поживешь, самъ увидишь... Вамъ въ полкахъ надо теперь очень много работать. Боюсь трудно тебѣ покажется въ нашемъ женскомъ монастырѣ.

— Ну, что, — примирительно заговорилъ Михаилъ Михайловичъ, — что пугаешь его, братецъ Андрей Михайловичъ, — онъ и точно что подумаетъ... Женскій монастырь... Дочки мои, конечно, со странностями. Такъ и то сказать, кого онѣ въ степи видятъ?..

— Устроить гостя надо, — строго сказалъ Андрей Михайловичъ.

— Да, да, да, — заторопился Михаилъ Михайловичъ. — Даша, — крикнулъ онъ дѣвушкѣ, которая, какъ внесла вещи Жоржа въ залъ, такъ и осталась стоять подлѣ нихъ. — Даша, которая барышня сегодня дежурная?..

— Нина Михайловна-съ, — отвѣтила Даша.

— Такъ вотъ, какъ встанутъ, доложи ей, что гость пріѣхалъ... Племянникъ нашъ... Такъ тамъ комнату протопить... Накормить ихъ надо... Ты ужъ имъ все скажи, чтобы аккуратно...

— Что-же, сядемъ... Тебѣ, Жоржъ, нашего кофея не полагается. Тебя ожидаетъ чай и утренній завтракъ, но это, когда Нина Михайловна пожалуютъ, а пока сиди, вздремни, если хочешь... Хочешь слушай, что говорить будемъ... И тебѣ полезно, немножко философіи...

Онъ дрожащей рукой розлилъ крѣпкій черный густой кофе по маленькимъ чашечкамъ, сдѣлалъ глотокъ и продолжалъ прерванный пріѣздомъ Жоржа разговоръ...

IV

— Русское богоискательство,—произнесъ медленно, выговаривая каждый слогъ, Андрей Михайловичъ, отхлебнулъ чернаго кофе, разгладилъ пожелтѣвшіе на концахъ отъ табака усы и продолжалъ: — кто, кто у насъ Бога не ищетъ?.. Отъ такихъ, почти святыхъ, проникновенныхъ людей, аристократовъ плоти и духа, какъ философъ Соловьевъ, какъ епископъ Игнатій Брянчаниновъ и до... нашего Кольцовскаго пастуха Мотьки Сѣроштана. Епископъ Игнатій пишетъ: «я рѣшилъ оставить міръ, жизнь земную посвятить для познанія Христа, для усвоенія Христу».

— Благороднѣйшая цѣль, Андрей Михайловичъ, — жизнь посвятить исканію Христа... Увидѣть Бога, — воскликнулъ Михаилъ Михайловичъ и даже руками взмахнулъ. Андрей Михайловичъ точно не слышалъ восклицанія брата.

— Осенью иду въ степь, гдѣ готовили эти... какъ ихъ... ну словомъ табачныя ванны, купать овецъ, а Мотька Сѣроштанъ смотритъ на меня, чешетъ всею пятерней косматую грудь и говорить: «панъ, а что панъ, чи можно, чи нѣтъ Господа видѣть?..». Я посмотрѣлъ на него, а онъ: «бачилиже чоловікі... Авраамъ, гуторятъ, видалъ и съ Господомъ говорилъ. Моисей... Я усе писаніе насквозь знаю... Я хочу дознать, идѣ правда... Я до самого Господа Бога дойду... Потому зря теперь люди толкуютъ и такъ и эдакъ, а Господняго гласа не слышно... Я спрошу, прямо, въ упоръ спрошу, что есть смерть и что есть воскресеніе?.. Потому нынѣ такого люди брешутъ, что страшно ажъ слухать»...

— Экой какой, — сказалъ Михаилъ Михайловичъ, — надо отцу Николаю сказать пусть наставитъ его.

— Зачѣмъ, Михаилъ Михайловичъ, пусть себѣ ищетъ... А потомъ всѣ эти художники отъ эпохи Возрожденія и до нашихъ дней, ну развѣ не богоискатели?.. Джованни Беллини, Фра-Анжелико, Тинторетти, Вероччіо и наши нынѣшніе Ге, Васнецовъ, развѣ они не ищутъ Бога?.. Христосъ, — говорятъ они, — человѣкъ, — онъ страдалъ, онъ измученъ, онъ обезсилѣлъ — онъ... трупъ... Рисуютъ Господа съ человѣческими чертами, съ человѣческимъ страданіемъ, съ человѣческимъ тѣломъ... Откуда это?.. Пишутъ — іудей!.. Да скажите вы Мотькѣ Сѣроштану, да что ему! — казакамъ на хуторѣ скажите, что Христосъ — жидъ — камнями побьютъ... А, если, не дай Богъ, выслушаютъ васъ, вы доказать это съумѣете, ну исторіей тамъ — такъ вѣру поколеблете — не дай Богъ!.. Наша интеллигенція, Бога ненавидящая и съ Богомъ борющаяся это отлично усвоила и вотъ откуда и эти писанія и эти картины такія, ультра реальныя... Смотрите — вотъ вашъ Христосъ — измученный, умершій на крестѣ еврей, а вовсе не сынъ Божій, Спаситель міра!..

— Постой, Андрей Михайловичъ, — сказалъ Осипъ Михайловичъ, — это реализмъ... Это школа такая... Это, наконецъ, исторія.

Андрей Михайловичъ иронически посмотрѣлъ на брата.

— Исторія?.. Хорошо... Пусть будетъ исторія, но подлинная, а не выдуманная интеллигентами для уничтоженія въ людскихъ сердцахъ Бога. Вотъ тебѣ исторія... Императоръ Римскій Тиверій, услыхавъ о Христѣ, приказываетъ списать съ Него портретъ и доставить ему. Проконсулъ Римскій въ Іудеѣ поручаетъ сдѣлать это художнику и тотъ гравируетъ образъ Христа на большомъ изумрудѣ. Камень этотъ хранился въ Константинопольской сокровищницѣ Императора Тиверія и въ 1453-мъ году попалъ въ руки турокъ. Султанъ Баязетъ подарилъ его папѣ Иннокентію VIII.

— Феноменальная память, Андрей Михайловичъ... Что прочтетъ, или услышитъ — какъ на стальной доскѣ цар-

ской водкой вызжетъ. Гравюра на стали, а не память человѣческая, — восторженно сказалъ Михаилъ Михайловичъ.

— Консулъ Римскій въ Іерусалимѣ Лентулъ пишетъ Тиверію, препровождая камею: «Христосъ воскрешаетъ мертвыхъ, исцѣляетъ больныхъ. Его лицо», — слышишь Осипъ Михайловичъ, — «красоты необычайной»... Необычайной... то есть не человѣческой... не земной... не тѣлесной, но необычайной... Понялъ — такой, какой не бываетъ у людей... «оно полно нѣжности и вмѣстѣ съ тѣмъ величія. Его обожаютъ и Его боятся — такъ онъ необычаенъ»... Опять — необычаенъ!.. Не еврей, не человѣкъ, даже, а нѣкто — необычайный... И дальше: ...«нѣжно розовое лицо, обрамленное бородой, слегка раздваивающейся посерединѣ, такъ несказанно красиво, что никто не можетъ долго смотрѣть на Него. Глаза голубые, волосы пепельно-русые, Онъ походитъ лицомъ на свою Мать, самую красивую и поэтичную женщину этихъ мѣстъ. Его рѣчь коротка, сильна и нельзя съ Нимъ спорить. Въ своихъ умозаключеніяхъ Онъ превосходитъ самыхъ ученыхъ людей своего времени. Когда Онъ укоряетъ, срамитъ — Онъ величественъ. Онъ ходитъ съ босыми ногами и обнаженною головой. Онъ примѣтенъ издали, а тѣ, кто подходитъ къ Нему — трепещутъ. Никто не видалъ Его смѣющимся, но какъ часто Его видали плачущимъ». Вотъ исторія, вотъ протокольное, такъ сказать, полицейское донесеніе консула Лентула. Вотъ, почему искали Его убить. Онъ не походилъ на людей. Развѣ люди могутъ потерпѣть въ своей средѣ совершенство? У насъ вездѣ — во всемъ мірѣ — если геній — то пьяница, если талантъ — то уродъ, если красавецъ, Аполлонъ Бельведерскій, то дуракъ... Человѣчество не можетъ терпѣть въ своей средѣ совершенство, оно снисходительно къ преступникамъ, уродамъ, идіотамъ и безпощадно къ геніямъ... И, когда явился міру Богъ — надо было убить Бога. Человѣчество ищетъ непремѣнно пятенъ на солнцѣ, грязи на геніѣ. Ахъ, чѣмъ-бы запятнать сильнаго, талантливаго человѣка!.. Пушкинъ — геній?.. Да... но... въ картишки игралъ... долгами обремененъ... невозможный ха-

рактеръ... Въ молодые годы какая то связишка съ крѣпостной крестьянкой. Метался отъ Императора Николая Павловича къ декабристамъ... и т. д. О языкъ человѣческій! Скобелевъ?.. Кажется, всѣ мы знаемъ его... Военный геній — Суворову равный... А послушайте... Бравада... Халатниковъ билъ, какая заслуга?.. И пойдутъ разсказывать небылицы... Ужасъ... Левъ Толстой... Лицемѣръ... И съ женою какъ поступаетъ... О каждомъ... о каждомъ... если только онъ имѣетъ несчастіе выдѣляться надъ толпою.

— Ну, а святые, — тихо сказалъ Михаилъ Михайловичъ.

— Святые?.. Оставь, пожалуйста, святыхъ въ покоѣ. Ну, какой интеллигентъ, какой студентъ... Да далеко не нужно и ходить, твои дочери, въ святыхъ вѣрятъ?.. Для нихъ — святые — юродивые, о которыхъ имъ смѣшно говорить. Они ихъ презираютъ... А если такіе святые, какъ святая Ольга, святой Александръ Невскій — такъ, скажутъ онѣ, какая его святость — просто людское подхалимство. Повѣрь мнѣ — они и въ Христѣ искали пятенъ. И, если бы нашли, то не искали-бы его убить. Но пятенъ на Христѣ не было. Онъ былъ совершенъ, какъ Богъ. Тогда они прокляли Его. Съ какимъ восторгомъ люди уничтожили-бы всѣ четыре евангелія... Не могли... Старались опорочить ихъ... Легенда, апокрифъ, выдумка... А вотъ евангелія то и договариваютъ то, чего не могъ, не рѣшился сказать консулъ Лентулъ. Христосъ не былъ человѣкомъ, но былъ Богомъ. И правъ Игнатій Брянчаниновъ — Бога можно познать только во Христѣ.

— Ты правъ, — сказалъ Осипъ Михайловичъ. — Какъ много разъ люди и даже святые люди старались понять тайну безпорочнаго зачатія Дѣвы Маріи... Нетлѣннаго рожденія Ея Сына... Въ евангеліи сколько разъ мы читаемъ, какъ Христа, говорившаго въ толпѣ іудеевъ, большой толпѣ, когда помянуто пять тысячъ, когда семь тысячъ, книжники и фарисеи пытались схватить, чтобы предать и убить и Христосъ, невидимый ими, проходитъ сквозь ихъ толпы и оказывается невредимымъ на другомъ концѣ города. Богъ есть

Духъ, и Христосъ тоже Духъ прежде всего. Онъ можетъ мгновенно воплотиться и такъ-же мгновенно исчезнуть. Христосъ могъ пройдти сквозь каменныя стѣны, такъ-же точно Христосъ могъ появиться во чревѣ Маріи и безъ истлѣнія пройдти на свѣтъ для спасенія людей, чтобы появиться въ міръ понятнымъ людямъ образомъ. Богу нужно было естественное, оправданное въ глазахъ людей появленіе Спасителя міра — вотъ и была избрана святая Дѣва — тайна рожденія Бога...

— Вѣрно, вѣрно, Осипъ Михайловичъ... По воскресеніи Христосъ является апостоламъ и женамъ мvроносицамъ, мы читаемъ объ этихъ явленіяхъ и мы не можемъ понять, кто являлся — подлинный — воскресшій плотію Христосъ съ тѣломъ, нарушеннымъ стигматами гвоздей, или Призракъ, Духъ, принявшій образъ Христа. Христа не сразу узнавали даже тѣ, кто были близки къ Нему, кто обожали Его. Его боялись... Христосъ вознесся на небо, какъ плоть, или какъ Духъ?.. Чудо?.. Но вся жизнь Христа есть — чудо, а вотъ этого то чуда большинство богоискателей ни признать, ни понять не хотятъ!.. А между тѣмъ...

Андрей Михайловичъ замолчалъ.

Сквозь верхнія квадратныя окна мутный свѣтъ пасмурнаго зимняго дня постепенно входилъ въ обширный залъ. Изъ дубовой рамы прямо на Жоржа скакалъ его предокъ на ворономъ конѣ и блистали большіе, восторженно-выпученные его глаза. Во все болѣе заливавшемъ залѣ свѣтѣ Жоржъ разсмотрѣлъ подъ портретомъ старинный дубовый ларецъ — вѣроятно — съ семейными реликвіями.

V

— Гдѣ-же искать Бога, какъ не у Христа, какъ не черезъ Христа, — послѣ долгаго молчанія сказалъ Андрей Михайловичъ. — Христосъ — Сынъ Божій и кто-же знаетъ Отца, какъ не Сынъ?.. Христосъ прямо сказалъ: Богъ есть Духъ... Но что такое — Духъ?.. Вотъ гдѣ страшная тайна. На картинахъ рисуютъ — бѣлый призракъ — человѣкопо-

добное существо. Духъ... Въ темнотѣ вспыхнетъ синеватый огонекъ, что-то щелкнетъ... Духъ... Твои дочери, Михаилъ Михайловичъ, а мои племянницы, спиритизмомъ увлекаются, съ «духами» шалятъ, «духи» имъ фокусъ-покусы показываютъ, что-же это и подлинно духи?.. То есть Богъ?.. Да вѣдь это все отъ діавола, который тоже духъ... Все это бѣсы, и твои дочери — въ данномъ случаѣ подобны бѣсноватымъ... Ты запретилъ-бы имъ этимъ заниматься, что бѣса тѣшить, развѣ это хорошо?.. Авторитетомъ отцовскимъ повліялъ-бы на нихъ...

— Авторитетъ... Какой тамъ авторитетъ, — какъ-то жалобно прошамкалъ Михаилъ Михайловичъ. — Ну развѣ отцы имѣютъ теперь авторитетъ у дѣтей?.. Спасибо, что терпятъ, изъ дома не выгоняютъ... А запретить, развѣ могу я что нибудь имъ запретить?.. Вотъ уже день насталъ, дорогой гость, кузенъ ихъ, сидитъ голодный, неприкаянный, а онѣ почиваютъ... Ну что я могу подѣлать?

— Бѣсъ сидитъ въ твоей Нинѣ, вотъ тотъ самый бѣсъ, какихъ Христосъ изгонялъ изъ людей... А ты глядишь и не помолишься, чтобы онъ оставилъ твою дочь.

— Ну полно... Да и какой тамъ бѣсъ?.. Она въ церковь ходитъ... Сколько добра въ слободѣ дѣлаетъ... Былъ-бы бѣсъ, ну такая развѣ она была?.. Скажешь тоже, Андрей Михайловичъ, а Жоржъ и нивѣсть что подумаетъ.

— Постой... Но если и не бѣсъ, то въ ней несознательно сидитъ богоборчество.

— Ну зачѣмъ?..

— Христосъ есть Богъ. Онъ есть Духъ и значитъ ему подвластны всѣ силы природы. Христосъ идетъ по волнамъ морскимъ, какъ по сушѣ... Петръ захотѣлъ тоже идти. «Если вѣруешь — пойдешь»... Значитъ Духъ можетъ передавать свои силы людямъ... Въ Духѣ таинственная сила. Вспомни кровоточивую женщину, прикоснулась къ одеждѣ Христа и Христосъ тотчасъ почувствовалъ, какъ изошла изъ Него нѣкая сила. Значитъ въ Духѣ есть какая то сила, которой нѣтъ въ человѣкѣ.

— Какія познанія — ни къ кому не обращаясь проговорилъ Михалъ Михайловичъ.

— Христосъ отвѣчаетъ на вопросы, не къ Нему обращенные. Физическими, человѣческими ушами онъ ихъ слышать не можетъ. Христосъ знаетъ мысли людей и отвѣчаетъ на то, о чемъ человѣкъ думаетъ, Христосъ знаетъ прошлое людей, знаетъ и ихъ будущее. Вотъ такъ-то со ступеньки на ступеньку прекраснымъ, благоуханнымъ, евангельскимъ путемъ вѣры и нѣжнаго послѣдованія за Христомъ по Его земному пути мы и подойдемъ къ Богопознанію черезъ Христа. Богъ есть Духъ, а Духъ вездѣ. Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ не было-бы Бога, гдѣ Онъ невидимо не присутствовалъ-бы и не только видѣлъ и зналъ, что мы дѣлаемъ, но читалъ-бы и самыя сокровенныя наши мысли.

— Какой это ужасъ!.. — вырвалось у Жоржа. — Богъ читаетъ всѣ наши сокровенныя мысли... Богъ всегда тутъ подлѣ... Онъ все слышитъ.

Андрей Михайловичъ остро посмотрѣлъ на Жоржа, но ничего ему не сказалъ и продолжалъ свою рѣчь.

— Твои дочери, Михаилъ Михайловичъ, а мои племянницы въ это не вѣрятъ. Въ Москвѣ на курсахъ, среди студентовъ и... поэтовъ, новыхъ, современныхъ поэтовъ, которые сами себя считаютъ подобными богамъ онѣ отреклись отъ простыхъ евангельскихъ истинъ, онѣ стали отрицать самую возможность чуда и стараются все доказать и объяснить научнымъ путемъ... Самымъ опаснымъ путемъ, ибо на немъ ихъ и караулитъ діаволъ. Христосъ ходилъ по волнамъ, — говорятъ онѣ, но, какое же тутъ чудо, это просто — «левитація», то есть способность человѣка терять свой вѣсъ. Это и мы на своихъ сеансахъ можемъ показать. Христосъ исцѣлялъ больныхъ — Онъ дѣйствовалъ гипнозомъ... И воля твоя, Михаилъ Михайловичъ — это ведетъ къ гордынѣ, ко злу... Надо быть, чтобы познавать Бога, какъ дѣти, немудрыми и не лукавыми. Въ твоей Нинѣ сидитъ бѣсъ и твой авторитетъ...

— Ахъ, авторитетъ отцовъ!.. Что-же мнѣ не съ уголь-

ка-же ее опрыскивать святой водой?.. Она считаетъ себя умнѣе насъ всѣхъ...

— Въ этомъ-то и бѣда... Не глупа, что и говорить... Кольцова до мозга костей. Притомъ еще и казачка. Пропитана насквозь дерзкимъ духомъ казачьей вольницы... И... несомнѣнно — бѣсноватая.

И какъ разъ въ этотъ моментъ бѣлая высокая дверь подлѣ портрета предка растворилась и въ нее вошла высокая стройная дѣвушка. Жоржъ сразу догадался, что это и есть его кузина Нина Михайловна. Бѣсноватая...

VI

Дѣвушка легкими, неслышными быстрыми шагами прошла громадный залъ, направляясь къ дядямъ. Она была высокая, очень тонкая, стройная, точно горная черкешенка. Еще замѣтилъ Жоржъ, когда она здоровалась съ дядями, цѣлуя имъ руки, что у нея большіе свѣтло-голубые глаза цвѣта аквамарина, что она очень миловидная, съ острымъ, худощавымъ, какъ-бы лисьимъ лицомъ, съ тонкимъ, красиваго рисунка носомъ. Темно каштановые волосы ея были небрежно закручены и лежали на затылкѣ тяжелымъ узломъ. Она была одѣта какъ то странно, такъ одѣвались дѣвушки въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Узкая, очень стянутая въ таліи, вѣроятно, она была затянута въ корсетъ, темно-коричневая блузка какъ-то незамѣтно переходила въ юбку, расшитую воланами и оканчивавшуюся широкимъ колоколомъ у щиколодки. Сзади дѣвушки, точно пришитый къ ней, помахивая хвостомъ и поднявъ голову, шелъ прекрасный, холеный, большой черный Сенъ-Бернаръ. Онъ шелъ, равнодушный ко всему, онъ не посмотрѣлъ на «чужого», не глядѣлъ и на своихъ — дядей, но слѣдилъ все время за Ниной Михайловной.

Поздоровавшись съ отцемъ и дядями дѣвушка подошла къ Жоржу. Ея глаза были строги и серьезны и было нѣчто, что заставило Жоржа вспомнить, что кузина — «бѣсноватая». Они притягивали къ себѣ взглядъ Жоржа.

— Здравствуйте, кузенъ, — сказала она. — Комната вамъ готова, печка затоплена, ваши вещи внесены. Хотите пойдти помыться, хотите идемъ прямо въ столовую, чай и утренній завтракъ васъ ожидаютъ.

— Это моя старшая — Нина, — сказалъ Михаилъ Михайловичъ. — А это, Нина, Жоржъ... Помнишь я вамъ разсказывалъ...

Нина Михайловна остро взглянула въ глаза Жоржа и сейчасъ-же въ свѣтлыхъ глазахъ ея запрыгали, заиграли, заплясали какіе то веселые, ироническіе огни.

— Гордость и упованіе рода Кольцовыхъ!.. Слыхала... Позади — громадный умственный стажъ: жеребячій пансіонъ и лошадиное училище... Сейчасъ — царскій опричникъ...

Она подала маленькую тонкую руку Жоржу, тотъ хотѣлъ ее поцѣловать, но Нина Михайловна выдернула руку, слегка отвѣтивъ на пожатіе Жоржа.

— Ну, что ты Нина, — смутился за дочь Михаилъ Михайловичъ. — Что ты его такъ сразу?.. Ты, Жоржъ, на нее не обижайся... Узнаешь, полюбишь. Это она такъ только.

Жоржъ растерялся отъ такого пріема. Онъ хотѣлъ погладить собаку, чтобы скрыть, какъ онъ покраснѣлъ, не найдясь, что отвѣтить, но едва онъ протянулъ руку къ Сенъ-Бернару, какъ дяди въ три голоса испуганно закричали:

— Не трогайте собаку.

— Не трогайте Неро.

— Нельзя трогать собаку Нины.

— Что она кусается? — спросилъ Жоржъ, невольно отдергивая руку.

— Нѣтъ, — внушительно и строго сказалъ Андрей Михайловичъ, — собака то не кусается... А вотъ Нина... У насъ, милый Жоржъ, такое суровое положеніе, что собаку Нины никто, кромѣ хозяйки не можетъ ни трогать, ни ласкать.

— Вотъ, какъ? — сказалъ Жоржъ и подумалъ про себя, «пожалуй, и точно — бѣсноватая»...

Дяди встали изъ за столика, заложили руки за спины и, не обращая больше вниманія ни на Жоржа, ни на Нину пошли всѣ три въ рядъ изъ зала.

Въ столовой, на длинномъ столѣ, накрытомъ простой грубой холщевой скатертью кипѣлъ, пуская кудрявыя струи пара, большой полведерный самоваръ. Въ голландской, оштукатуренной известкой печи ярко горѣли соломенные кизеки. Пахло степною гарью, свѣжимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, парнымъ молокомъ и какими-то ароматическими сухими травами, пахло уютомъ степной деревни.

За столомъ сидѣли сестры Нины. Всѣ онѣ были въ такихъ-же платьяхъ, какъ и Нина, точно это была ихъ форма. Жоржу казалось, что и точно попалъ онъ не то въ монастырь, не то въ какой то дѣвичій пансіонъ. «Мамзель Нитушъ», — подумалъ онъ и улыбнулся, когда Нина Михайловна представляла его сестрамъ. Всѣ онѣ были высокія, такія же стройныя, какъ и Нина, тонкія, какъ горныя козы, всѣ миловидныя.

— Неужели, кузенъ, васъ какъ то особенно надо представлять, — говорила Нина. — Давно о васъ прослышаны... Дяди уши намъ протрещали о васъ. Слѣдимъ за вашими успѣхами. Это моя старшая — Вѣра... Тамара... Агнія... Ну... Знакомы... Садитесь...

— Кузенъ, вамъ крѣпкій, или слабый? — спросила Агнія, разливавшая за самоваромъ чай.

— Со сливками?..

— Я вамъ намажу хлѣбъ масломъ, — предложила Тамара.

Вѣра уткнулась въ газету, Нина стала прорѣзать книгу толстаго ежемѣсячника столовымъ ножомъ.

— Какъ запоздала почта, — сказала Нина.

— Изъ-за вчерашней пурги, — отозвалась Вѣра.

— А какъ вы во время вьюги, гдѣ пережидали? — спросила Агнія.

— Да вы прожуйте раньше, — насмѣшлива сказала Тамара.

— Я пережидалъ вьюгу съ казакомъ въ копнѣ сѣна.

— Въ стогу, — поправила Нина и занялась журналомъ.

Неро лежалъ у ея ногъ. Маленькія ноги Нины зарылись въ его волнистую шерсть.

— Вѣра, — сказала Нина. — Опять есть разсказъ Максима Горькаго.

— А!.. А нашего Ѳедора Дмитрича Крюкова ничего нѣтъ?..

— Нѣтъ... Вѣрно въ «Знаніи» будетъ...

На Жоржа никто больше не обращалъ вниманія.

День прояснивалъ. Въ большое и широкое окно, по низу и по угламъ разрисованное морозными узорами былъ виденъ садъ. Аллея пирамидальныхъ тополей, густо облѣпленныхъ снѣгомъ, высокой бѣлой колоннадой мягко спускалась въ неглубокую балку. По ней, удаляясь отъ дома, заложивъ руки за спины, шли три дяди. Распахнутая длинная шуба дяди Михаила Михайловича волчьимъ мѣхомъ волочилась по снѣгу. Должно быть они продолжали говорить о Богѣ.

Въ столовой была тишина. Вѣра шуршала газетой. Порывисто и нервно Нина рвала ножомъ листы книги. Самоваръ напѣвалъ пѣсню покоя, а, можетъ быть, и скуки. Агнія неслышно перемывала чашки и вытирала ихъ грубымъ полотенцемъ. Тамара поглядывала искоса на Жоржа и иногда про себя усмѣхалась.

«Ну, кажется, попалъ я въ переплетъ», — думалъ Жоржъ. — «Дѣвичье царство. Мамзель Нитушъ!.. А кто-же тутъ «госпожа наша начальница»?.. Вѣра, или Нина?.. Навѣрно, Нина... А мамзель Нитушъ?.. Господи, да не я ли буду въ этой роли выступать?.. Вотъ описать все это Лелѣ... То-то посмѣялась-бы... «Ку-зи-ны, воображаю»... И какая встрѣча!.. Жеребячій пансіонъ... Лошадиное училище... Откуда это? Я какъ будто гдѣ-то это читалъ. У кого?.. Помню, у адъютанта ночевалъ, на ночь взялъ книгу

и тамъ — «апельсинщикъ... Лошадиное училище»... Гдѣ это?.. У кого?..

— У Терпигорева... Сергѣя Атавы, — внезапно сказала Нина.

Жоржъ вздрогнулъ. Кузина Нина читали его мысли. Дѣйствительно это было у Терпигорева. Жоржъ посмотрѣлъ на кузину. Точно и не она это сказала. Она сидѣла, опустивъ голову, и жадно читала журналъ. Точно все это только показалось.

За окномъ блѣдно-желтое солнце, смотрѣть на него было можно, тихо поднималось надъ засеребрившимися раинами сада.

И вся эта картина восхода солнца надъ заснѣженнымъ садомъ, пѣсня самовара, тихія движенія Агніи показались Жоржу жуткими, непонятными, точно не отъ здѣшняго міра. Будто остановилась съ разлета его жизнь и онъ очутился въ какомъ-то потустороннемъ мірѣ.

VII

Когда ночью Жоржъ улегся на мягкомъ пуховикѣ, истома охватила его тѣло. Никогда еще онъ не имѣлъ такой постели. Все тѣло погрузилось въ нѣгу, въ сладкую нирвану, никогда имъ еще не испытанную. Сладенькая мыслишка — однако, противъ седьмой заповѣди! затаилась, закопошилась въ Жоржѣ... Сюда-бы, да инфернальную женщину, въ эту постель, въ этотъ женскій монастырь. Сюда-бы бурныя ласки Людмилы Васильевны — вотъ это былъ бы номеръ!.. Это былъ-бы настоящій бѣсъ!

Жоржъ задулъ свѣчу. Такая была тишина, что только спать и спать. И усталъ онъ послѣ дороги, послѣ вчерашней вьюги въ степи. Но спать не могъ. Тишина не успокаивала, но томила и раздражала. Окно, прикрытое плоской, холщевой шторой ярко выдѣлилось. Лунная, свѣтлая была ночь.

Какой странный былъ день. Какая все таки оригинальная кузина Нина. Она днемъ водила его по саду и дому.

— Крѣпостное право, — сказала она низкимъ груднымъ голосомъ.

Она шла рядомъ съ Жоржемъ, тѣмъ-же движеніемъ, какъ и ея отецъ и дяди, заложивъ руки за спину и сцѣпивъ пальцы. Шубка на сѣромъ заячьемъ мѣху была распахнута, грудь выдавалась впередъ и соблазнительно намѣтились подъ скромной блузкой юныя, красивыя груди.

— Вы думаете, крѣпостное право отмѣнено?.. — продолжала она. — Оно стало только хуже, злѣе и безпощаднѣе. Старый, прежній помѣщикъ жалѣлъ крѣпостныхъ, потому что они были его люди, какъ онъ жалѣлъ своихъ лошадей, свой скотъ. Теперешніе люди — это извощичьи, наемныя клячи. Дуй, бѣлку въ хвостъ и гриву! Не моя... Околѣвай, если это тебѣ такъ угодно. Сегодня... Вы подумайте только — едва стихла вьюга, а была еще ночь, когда нагнали изъ слободы дѣвушекъ, чтобы расчистить проспектъ въ саду. Дядямъ чтобы гулять и разсуждать о Богѣ, о добротолюбіи и справедливости...

— Но имъ за это заплатятъ...

— Заплатятъ, конечно. Очень щедро заплатятъ. Въ этомъ и крѣпостное право. Сила капитала. Власть неравенства классовъ. Отсюда злоба, ненависть и... зависть... Какая лютая зависть къ тому, кто имѣетъ, кто можетъ... Бѣдность, нищета, голодъ вѣдь все это сильнѣе бичей надсмотрщиковъ былыхъ старостъ и бурмистровъ. Впрочемъ здѣсь были и бичи...

Боковымъ ходомъ мимо брошенной и разоренной оранжереи Нина провела Жоржа въ домъ, по узкой каменной лѣстницѣ спустилась въ громадный подвалъ, шедшій подъ всѣмъ домомъ. Низкіе каменные своды были надъ ихъ головами. Стылый, сырой морозъ спиралъ дыханіе. Толстые каменные столбы длинной чередой уходили въ темную даль. Сквозь узкія окна въ подвалъ проникалъ неясный свѣтъ. Земля пола замерзла и было скользко идти.

На одномъ изъ столбовъ висѣли длинныя желѣзныя цѣпи. Нина подвела къ этому столбу Жоржа.

— Этими цѣпями, — мрачнымъ голосомъ сказала она,

— нашъ прапрадѣдъ приковывалъ непокорныхъ рабовъ и ихъ тутъ хлестали кнутами... Я по ночамъ сквозь потолки и полы слышу ихъ стоны. Нашъ прапрадѣдъ, тотъ самый, кто скачетъ на ворономъ конѣ тамъ въ залѣ... Какъ живой... Тотъ, кто былъ въ Парижѣ и изъ Франціи и изъ Италіи привезъ въ нашу Кольцовскую церковь мраморъ и икону Божіей Матери кисти знаменитѣйшаго итальянскаго художника. Предки любили красоту и... не гнушались плетей и цѣпей. Одно съ другимъ прекрасно уживалось... Здѣсь казаки творили расправу съ крестьянами и созидали красоту дворянскихъ, старшинскихъ гнѣздъ...

— Неправда...

— Неправда?.. Нина взяла за конецъ цѣпь и побренчала ея кольцами. — Эхъ вы!... Опричникъ!..

Жоржъ не нашелся, что отвѣтить Нинѣ. Нѣсколько секундъ стояло тяжелое молчаніе. Холодная сырость пронизывала Жоржа. Ему было не по себѣ.

— Нашъ прапрадѣдъ получилъ крѣпостныхъ рабовъ на выводъ изъ Харьковщины, онъ пригналъ ихъ, какъ скотъ въ эти пустыни — вотъ воздвиглись эти стѣны, толстыя, какъ крѣпостныя... Колонны Дорическаго чистаго стиля — онъ это понималъ. Французы рисовали его дикимъ скифомъ, а онъ, развалясь во Флорентинскомъ креслѣ, привезенномъ изъ Италіи, въ палаткѣ, въ степи, смаковалъ чертежи и подбиралъ стиль... Александровскій съ Дорическими колоннами вдоль фронтона. Онъ везъ за тысячи верстъ на волахъ мраморъ для храма... Вы увидите — въ глухой степной церкви бѣлый, какъ сахаръ, Каррарскій мраморъ. Что-же это — не Хеопсовы пирамиды? Не сфинксъ пустыни, гдѣ то за Ниломъ, а тутъ за Дономъ? Онъ созидалъ... И вотъ пошелъ отъ него нашъ утонченный родъ Кольцовыхъ — и мои и ваши дядя — гуманисты, годами толкующіе о Богѣ и мы, сотканныя изъ нервовъ... Духовидицы...

Она медленно и какъ бы торжественно пошла изъ подвала. Она поднялась въ вестибюль и остановилась у открытой двери.

Степь широко разстилалась передъ ними, и нестерпимо блистали въ солнечныхъ лучахъ ровные снѣга. Все кругомъ, сколько глазъ хваталъ — было бѣло. Узкій слѣдъ саней терялся въ снѣговыхъ просторахъ... У балки чернѣли кривые столбики перилъ горбатаго моста. На нихъ сидѣли вороны. Только онѣ и нарушали однообразіе пейзажа.

— Какова сторонка, — сказала Нина. — Сюда никто и не ѣздитъ... Такъ вотъ вамъ исторія, никѣмъ не написанная нашего... Да и не только нашего, но тысячи дворянскихъ родовъ россійскихъ!.. Носители европейской культуры... и кнута... Это вамъ не Карамзинская исторія, о которой поэтъ сказалъ:

— «Въ его «Исторіи» изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута»...

— Кто это сказалъ?..

— Вашему уху опричника непріятно это слышать. Это сказалъ — Пушкинъ.

— Простите — я такого Пушкина не знаю.

— Очень жаль. Какого-же Пушкина вы знаете?..

— Пушкина «Бородина»...

Блѣдныя глаза Нины потемнѣли, въ нихъ, какъ утромъ, запрыгали, заплясали насмѣшливые огни.

— «Бородина», — протянула она. — Какого такого «Бородина»? Поучите меня.

— Никогда не слыхали?.. А этого: «Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ».

— Такъ по вашему — это Пушкина?.. Ха-ха-ха...

Ея смѣхъ понесся и зазвенѣлъ по степи.

— Ха-ха-ха... И это говоритъ воспитанникъ Лошадинаго училища... Прелестно!.. Вѣдь это-же... Это написалъ вашъ однокашникъ... Или, какъ вы это мило... Ха-ха-ха... По свински говорите про себя — однокорытникъ вашъ, Лермонтовъ!.. Или вы не слыхали про такого славнаго юн-

кера Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ Лермонтовѣ...

Жоржу стало сразу жарко, такъ онъ покраснѣлъ.

— Я спуталъ... Я хотѣлъ сказать — «Полтава»...

— Спутали, милый кузенъ, понимаю, что спутали... Итакъ вы, вѣроятно, исторіи Карамзина не читали... не читали...

Жоржъ оправился.

— У насъ, кузина, по уставу нашей славной гвардейской школы не полагается:

Никакихъ исторій, кромѣ скандальныхъ,

Никакихъ картъ, кромѣ игральныхъ,

Никакихъ языковъ, кромѣ колченыхъ,

Никакихъ тѣлъ, кромѣ...

Кузина Нина его перебила:

— Пожалуйста, пожалуйста, — закричала она. — Не договаривайте вашихъ юнкерскихъ пошлостей... Итакъ, вы даже Пушкина не знаете... Отлично... Гордость Кольцовскаго рода!.. А вашъ то предокъ, сидя въ кибиткѣ въ голой степи, думалъ какія колонны лучше пойдутъ къ Александровскому прямому стилю Дорическія, или, можетъ быть, Коринфскія пустить съ акантомъ на капители?.. Онъ думалъ мои потомки все поймутъ и все оцѣнятъ, а вы... Замѣтили вы какія тутъ колонны?.. «Бородино» Пушкина!.. Садитесь Жоржъ Кольцовъ — ноль балловъ! Ха-ха-ха...

Кузина Нина сдѣлала глубокій придворный реверансъ передъ растерявшимся Жоржемъ, повернулась къ нему спиною и сказала церемонно:

— До свиданія сверхъ образованный кузенъ... Должна идти на кухню задать урокъ рабынямъ... Я вѣдь сегодня по статуту нашего монастыря дежурная. Ха-ха-ха...

Ея смѣхъ звенѣлъ, удаляясь по нижнему корридору.

VIII

Этотъ смѣхъ и сейчасъ въ тишинѣ ночи преслѣдовалъ Жоржа. Какъ могъ онъ такъ опростоволоситься?.. Просто сказалъ, не подумавъ.

Вечеромъ всѣ три кузины напали на Жоржа. Онъ молчалъ. Что могъ онъ имъ возразить, когда онъ просто не понималъ, о чемъ онѣ говорили. Говорилось о народѣ, о «Народѣ» съ большой буквы, которому должна принадлежать власть въ государствѣ. Говорилось о демократіи, о представительномъ образѣ правленія, о конституціи!.. Всѣ эти слова звучали для Жоржа, какъ «жупелъ» для замоскворѣцкой купчихи. Онъ политики не зналъ и питалъ къ ней большое отвращеніе. Онъ чувствовалъ себя передъ напористыми хорошенькими кузинами дуракъ дуракомъ.

Теперь, утонувъ въ нѣжномъ пуху перинъ, накрывшись пахнущимъ свѣжестью и мыломъ пуховымъ одѣяломъ, ощущая пріятную нѣгу послѣ усталости пути и впечатлѣній дня — Жоржъ все не могъ уснуть. Наконецъ забылся, но внезапно проснулся. Точно какая-то костлявая рука постучала въ деревянную дверь его спальни. Онъ прислушался. Все было тихо. Вдругъ надъ самой его головой что-то два раза щелкнуло. Небывалый страхъ охватилъ Жоржа. Онъ лежалъ, не двигаясь, подъ одѣяломъ и чувствовалъ, какъ тѣло его тряслось внутреннею дрожью. Онъ ждалъ, что будетъ дальше. Но все было тихо. Онъ опять началъ засыпать и только сталъ забываться, какъ явственно услышалъ, что кто-то босыми ногами прошелъ мимо него по спальнѣ. Жоржъ въ ужасѣ открылъ глаза. Въ комнатѣ былъ полумракъ. Было томительно тихо. Никого не было въ комнатѣ. Жоржъ сообразилъ, что это вѣроятно прошли наверху и было слышно ему черезъ дощатые потолки. Жоржъ опять закрылъ глаза. Теперь отчетливо услышалъ чей-то смѣшокъ, шаги удалялись по корридору. Жоржъ вскочилъ съ постели и подкрался къ двери. Онъ пріоткрылъ ее. Корридоръ досками некрашенаго пола уходилъ въ обѣ стороны, перерѣ-

занный полосами луннаго свѣта, косо входившаго черезъ ничѣмъ не занавѣшенныя квадратныя окна. Четокъ былъ на полу рисунокъ оконнаго переплета. Корридоръ былъ пустъ. Всѣ двери комнатъ кузинъ были заперты. Но отовсюду слышались шорохи, и внизу подъ лѣстницей послышался сдержанный смѣхъ.

Ступая на носкахъ, безъ свѣчи, въ одной рубашкѣ Жоржъ вышелъ въ корридоръ и, крадучись, пошелъ къ лѣстницѣ. Держась за перила Жоржъ сталъ спускаться. Холодныя каменныя ступени жгли его ноги. Дверь въ залъ была неплотно притворена. Жоржъ прильнулъ глазами къ щели. Въ самомъ углу громаднаго зала, подъ гербомъ мигалъ ночникъ. Онъ ничего не освѣщалъ, но въ его отблескахъ Жоржу почудилось какія то тѣни, склонившіяся надъ столомъ. Жоржъ хотѣлъ разглядѣть, что это были за тѣни, но въ этотъ мигъ, что-то треснуло подъ потолкомъ, что-то загудѣло рядомъ съ Жоржемъ и раздался женскій истерическій вопль и стоны, точно шедшіе изъ подъ пола... Жоржъ въ непостижимомъ страхѣ въ одинъ духъ взлетѣлъ по лѣстницѣ, зарылся въ постель и сейчасъ-же заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Когда онъ проснулся и старался вспомнить все, что было ночью, онъ никакъ не могъ понять — было все это просто кошмарнымъ сномъ, или дѣйствительно онъ ночью спускался по лѣстницѣ, видѣлъ какія то тѣни въ залѣ и слышалъ стоны и грохотъ.

IX

Вчера Жоржъ не подходилъ къ окну своей комнаты, когда пришелъ въ нее, было поздно и спущена была занавѣсь. Теперь поднялъ занавѣсь. Чуть брежжилъ утренній передъразсвѣтный свѣтъ. Лиловое небо низко висѣло надъ садомъ. Во всю ширину расчищенной тополевой аллеи рядомъ шли дяди, они подошли къ садовому крыльцу, первымъ вошелъ въ домъ Осипъ Михайловичъ, потомъ Андрей Михайловичъ и послѣднимъ Михаилъ Михайловичъ —

субординація соблюдалась между братьями. Потомъ прошло нѣсколько минутъ и кто-то выпустилъ въ садъ Неро. Водолазъ съ веселымъ грубоватымъ лаемъ чернымъ клубкомъ вынесся въ аллею, бросился въ сугробъ и сталъ разрывать его мордой. Снѣжные комья летѣли во всѣ стороны и точно куски сахара ложились на снѣговыя перины. Неро игралъ съ ними, хваталъ ихъ зубами. Потомъ поскакалъ, утопая въ снѣгу вглубь сада. Никого изъ людей не было въ саду.

Вчера Тамара — она одна была мила и откровенна съ Жоржемъ, посвятила его въ порядки дома.

— Никогда не ласкайте, Жоржъ, Неро, — сказала она кузену. — Не прикасайтесь къ нему. Неро такъ пріученъ, что онъ знаетъ, слушается и подходитъ только къ одной Нинѣ. Если онъ подойдетъ къ кому нибудь другому — это будетъ такая ревность!.. Я просто не знаю, на что способна Нина изъ за этой собаки.

Теперь, увидавъ этого неприкосновеннаго Неро на свободѣ, одного, гуляющаго по саду, Жоржъ быстро одѣлся и выбѣжалъ въ садъ.

— Неро!.. Неро!.., осторожно подзывалъ онъ собаку.

Та не оглянулась, не посмотрѣла на Жоржа, но пошла стороной къ занесеннымъ снѣгомъ кустамъ. Будто звала Жоржа послѣдовать за нею въ отдаленный уголъ сада.

— Неро!.. Неро!..

Собака обернулась, едва вильнулъ кончикъ ея хвоста, собака поскакала по сугробамъ въ кусты. Жоржъ, проваливаясь въ снѣгъ выше колѣна пошелъ за нею. У плетневаго забора водолазъ ожидалъ Жоржа. Онъ сначала зарычалъ на Жоржа, но сейчасъ-же завилялъ, какъ бы извиняясь, хвостомъ, далъ себя погладить и вдругъ, поджавъ хвостъ, опрометью бросился къ дому.

«Э, милый мой», — думалъ, идя къ дому, Жоржъ. — «Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Ну, ничего это первый урокъ... Кузина Нина — будетъ день, когда Неро подойдетъ не къ вамъ, а ко мнѣ. Спите покрѣпче, а я пріученъ еще въ Жеребячьемъ пансіонѣ рано вставать».

Такъ началась таинственная утренняя дрессировка Не-

ро. Ласка чужого человѣка, припрятанный въ рукавѣ кусокъ сладкаго бурсачка быстро дѣлали свое дѣло. Постепенно между Неро и Жоржемъ устсановились совсѣмъ особыя отношенія. Они стали точно заговорщики. Днемъ, на людяхъ, они не признавали другъ друга и сторонились одинъ другого. За то по утрамъ, наединѣ, въ саду они мальчишески весело играли другъ съ другомъ. Неро приносилъ брошенную ему палку, Неро становился на заднія лапы, клалъ переднія на плечи Жоржу, тотъ скажетъ: «Неро, покажи, какъ ты меня любишь!».

Неро сконфуженно улыбнется черною, широкою пастью и, оскаливъ зубы, лизнетъ въ носъ Жоржа.

«Погодите, кузина Нина, мы съ вами еще посчитаемся!».

А посчитаться было за что.

X

Вечеромъ, до ужина обыкновенно сидѣли въ гостиной. Дядя Осипъ Михайловичъ раскладывалъ пасьянсъ, Андрей Михайловичъ машинкой набивалъ папиросы, Михаилъ Михайловичъ просматривалъ поданные изъ конторы счета.

Барышни за большимъ круглымъ столомъ подъ лампой на высокой ножкѣ шили вещи для слобожанъ.

Жоржъ сѣлъ за рояль. Отъ его покойной матери осталось много старыхъ нотъ и Жоржъ, перебирая ихъ, игралъ то Баха, то Глинку — все была серьезная музыка.

— Вотъ это у Жоржа отъ Фаины, сказалъ Андрей Михайловичъ, откладывая въ сторону мѣдную машинку.

— Техника даже лучше, чѣмъ у Фаины, — отозвался отъ пасьянса Осипъ Михайловичъ.

— Какъ играла твоя мама, — вздыхая, сказалъ Андрей Михайловичъ. — Какъ играла!.. Ей не въ Кольцовкѣ играть, а въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ собраніи, и въ какомъ нибудь концертѣ съ самимъ Рубинштейномъ. Это у тебя отъ нея.

— Атавизмъ, — сказала Тамара.

Замолчали. Нина, стоя у стола, считала рубашки.

— Завтра и понесемъ, — сказала она. — Кузенъ поможетъ мнѣ дотащить корзину съ бѣльемъ до слободы. Пусть познакомится съ настоящимъ народомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, кузина.

Игра прекратилась.

— Васъ надо развивать, кузенъ. Вы не живете — вы прозябаете. Представьте, какъ я ни убѣждала кузена сегодня, какъ ни доказывала — все не признаетъ теоріи происхожденія видовъ Дарвина... А это азбука міропониманія.

— Предоставляю, кузина, господину Дарвину производить свой родъ отъ обезьяны, а, если ему угодно, то хотя отъ паука, или мокрицы, я-же предпочитаю происходить отъ Адама, созданнаго по образу и подобію Божію.

— Браво, — сквозь зубы сказалъ Осипъ Михайловичъ.

— Пр-р-ротивный... Я васъ люблю только тогда, когда вы за роялемъ.

— Извольте-съ...

Жоржъ заигралъ лихой юнкерскій маршъ и запѣлъ:

— По дорожкѣ Красносельской
Ѣдетъ эскадронъ гвардейской
Эскадронъ лихой...

Снѣга бѣлаго бѣлѣе
Блещутъ наши портупеи
Шашки боевой...

Нина рѣзко бросила пачку готовыхъ рубашекъ на диванъ и быстро пошла изъ залы. Проходя мимо Жоржа она взъерошила ему волосы и сказала капризно:

— Пр-р-ротивный!... Опричникъ!..

XI

Въ Кольцовку почта приходила разъ въ двѣ недѣли, — зимою и того рѣже — съ оказіей. Приходъ почты нарушалъ покойное теченіе жизни. Кузины — Вѣра и Нина ли-

хорадочно и нервно разбирали газеты, приходившія цѣлыми пачками, книги и рѣдкія письма. Тамара, Агнія и Даша стояли подлѣ стола, чтобы сейчасъ-же отнести корреспонденцію дядямъ, которые такъ-же нетерпѣливо ожидали наверху. Если можно было недѣлями ждать прибытія почты, — то разъ уже она пришла, — секунды нельзя было потерять, скорѣе ухватиться за чтеніе.

Осипъ Михайловичъ получалъ изъ Москвы «Русское Слово» и два ученыхъ, по археологіи, — журнала, одинъ на нѣмецкомъ, другой на англійскомъ языкѣ. Андрей Михайловичъ по старой памяти выписывалъ «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ», кромѣ того онъ получалъ много религіозныхъ книгъ и все новое, что выходило по философіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. Михаилъ Михайловичъ выписывалъ сельско-хозяйственный журналъ. Нина получала «Ребусъ», Вѣра книжки «Знаніе» и изданія «Посредника», Тамара и Агнія письма отъ институтскихъ подругъ. Жоржъ ничего для себя не ожидалъ: полковые товарищи были лѣнивы писать, Лелѣ было, вѣроятно, некогда, а кто другой могъ ему написать?.. Поэтому онъ одинъ оставался безучастнымъ къ разборкѣ почты и сидѣлъ надъ допитымъ стаканомъ чая на одномъ концѣ стола, когда на другомъ надъ кучей газетъ, писемъ и журналовъ возились кузины.

— «Новое Время» — папѣ — неси, Агнія... «Русскій Инвалидъ», Тамара подбери для дяди Андрея Михайловича. «Ребусъ»... Письмо изъ Новочеркасска — тебѣ, Агнія. Еще тебѣ...

Вѣра повысила голосъ:

— Кузенъ, вамъ письмо!..

Большой «казенный» пакетъ сѣрой бумаги полетѣлъ на столъ и скользнулъ къ стакану Жоржа. Тотъ вскрылъ пакетъ. Короткое предписаніе, написанное рукою адъютанта на бланкѣ Окружнаго Атамана: «Весьма секретно», — «Съ полученіемъ сего вашему благородію отправиться въ Управленіе Окружнаго Атамана Н-скаго Округа и быть въ его распоряженіи»... «Съ полученіемъ сего», конечно, было от-

носительно — бумага была помѣчена 10-го января, а уже было 5-ое февраля... Жоржу можно было не торопиться.

Бумага взволновала Жоржа, онъ всталъ, надо было сказать дядямъ, добывать лошадей — ѣхать...

— Кузенъ, вамъ еще письмо!..

На этотъ разъ это былъ лиловый красивый конвертъ плотной англійской бумаги. Онъ полетѣлъ къ Жоржу, тотъ поймалъ его на лету. «Изъ К-ской станицы». Незнакомый тонкій женскій почеркъ и, несмотря на долгія странствія по сумкамъ въ обществѣ газетъ и посылокъ, — лиловый конвертъ хранилъ ароматъ вдругъ взволновавшихъ Жоржа духовъ. Письмо было отъ Наталлъ.

Жоржъ поднялся къ себѣ. Изъ-за прибытія почты уборка комнаты была остановлена на половинѣ. Въ открытую форточку морозный воздухъ входилъ голубыми клубами. Печь еще не была затоплена, корзина съ кизеками и охапка соломы лежали на полу. Жоржъ закрылъ форточку и, ежась отъ холода, сѣлъ у стола читать письмо.

Три листика плотной сиреневой бумаги съ сильнымъ ароматомъ духовъ Наталлъ легли передъ нимъ. Тонкія буквы косыхъ строкъ низались по листкамъ. Безъ грамматическихъ ошибокъ, изящно и точно было написано письмо. Точно услышалъ Жоржъ тягучій, плавный, красивый голосъ Наталлъ. Въ ушахъ ликующимъ, веселымъ хоромъ зазвучала пѣсня: «выпьемъ мы за Нату, Нату дорогую» и показалась она ему такая, какая была тогда, когда подъ крики гостей: «горько», подошла къ отцу, обняла его обнаженной полной красивой рукой и поцѣловала.

— «Дорогой Георгій Александровичъ», — писала Наталлъ, — «хотѣла вамъ сразу, въ догонку написать, что думала и чувствовала тогда, — и хорошо сдѣлала, что удержалась... Тогда все это было такъ неожиданно, внезапно, такъ горячо и, главное, — совсѣмъ невѣрно... Надо было дать этому перегорѣть, да такъ, чтобы и самый пепелъ остылъ. Надо было все продумать.

«Не думайте обо мнѣ, не безпокойтесь ни о чемъ, главное — не волнуйтесь. Все прошло. Все это была дурь, про-

сто станичная дурь — отъ нашей сытой, праздной жизни, отъ вина, отъ счастья жить, отъ молодости. Вѣдь я — провинціалка — «станичница», а вы столичный гость. Ну и — романы тоже... и пьесы, и стихи, и рояль, и танцы... Такъ были настроены струны моей души, что едва коснулись вы до нихъ — онѣ зазвучали полнымъ аккордомъ. Очень вы мнѣ понравились съ перваго взгляда. Ну, да кого-же я и видала?.. Точно изъ другого какого міра пришли вы и въ другой — столичный міръ могли меня увезти. А вѣдь это-то Чеховское «въ Москву!.. въ Москву» изъ «Трехъ сестеръ», помните?.. Охъ, какъ въѣлось въ наши дѣвичьи, простыя, провинціальныя души. Конечно, не такъ, какъ у тѣхъ — я понимала, у Чехова — большая натяжка съ этимъ — Москва-же такъ легко доступна!.. Но, сознаюсь, мечтала... О какомъ-то... Можетъ быть, — графѣ?.. Князѣ?.. Нѣтъ, видитъ Богъ, далека я была и отъ графовъ и отъ князей — къ чему они мнѣ?.. Я — казачка, дочь вольныхъ степей... Но все таки романическое то приключеніе хотѣлось имѣть.

«А у насъ, въ станицѣ, какое-же романическое приключеніе?.. Александръ Васильевичъ... Помните?.. въ зѣло льяномъ видѣ къ отцу дьякону ночью въ окно влѣзъ и, длинныя дьяконовскіе волосы принявъ за женскіе, сталъ гладить и цѣловать. Вотъ она наша зимняя, глухая, станичная романтика...

«Ну и захотѣлось другого...

«Вы-же такъ тогда играли на сценѣ... А цѣловались!.. Ой-ой-ой и сейчасъ вспомню — мураши по тѣлу... А статья ваша въ газетѣ и милая ея присылка?.. И цвѣты — артисткѣ!.. Что говорить, очень мнѣ это тонкимъ, изящнымъ и милымъ показалось... И вотъ чуть-чуть и закружилась головка... Ну и... Кольцовъ!.. по нашимъ-то степнымъ понятіямъ — это не хуже какого князя выходило... И папѣ вы очень понравились...

«Но только одно... И это правда... Какъ передъ Истиннымъ Богомъ скажу вамъ: я т о г д а не къ вамъ шла, а и правда, къ Софьѣ Павловнѣ. А вотъ, какъ взяли меня за

руки и по темному корридору повели къ себѣ, какъ женихъ невѣсту вокругъ аналоя — вотъ тогда и заколебался полъ подъ моими ногами. Такая минута настала — море по колѣно... Пропадай моя телѣга — всѣ четыре колеса!.. И погибла-бы я... Совсѣмъ — зря.

«Спасибо, милый Георгій Александровичъ, что вы оказались сильнѣе меня и были мужчиной въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не воспользовались минутой моей слабости. А, знаю, милый, трудно вамъ было. Чувствовала я тогда, что очень была вамъ желанною.

«Ну, а случился-бы?.. грѣхъ?.. Или бросили-бы... Да, пожалуй, и не бросили-бы — да вотъ въ эту-то острую минуту я поняла... Нѣтъ, разные мы, все таки, люди. Вамъ — другая нужна. Или, можетъ быть, и никакая...

«Этотъ мѣсяцъ, ну и Рождество тутъ было, святки, рядились мы, на тройкахъ катались — я все передумала, все поняла и простила и себя... и васъ. Себя за то, что, какъ дурочка на огонь полетѣла, васъ за то, что все таки... такъ цѣловать не надо было. Вотъ и сейчасъ вспомню — стыдно. Лицо горитъ... Я вся чистая — а это вотъ все же осталось. Пятнышко маленькое, а никому не покажешь, суженному не скажешь, отцу духовному, и тому, не признаешься... Такъ вотъ забудемъ это, похоронимъ между нами. Было?.. Не было!..

«За этотъ мѣсяцъ я васъ совсѣмъ поняла. По настоящему вы меня не любили. Такъ, чтобы все отдать за меня... Потому... Если-бы любили?.. Трудно такое писать... Не остановились-бы...

«Поставимъ точку... Все позабудемъ, да такъ, чтобы, если и встрѣтимся когда съ вами, то и не вспоминать. Было?.. Нѣтъ, не было... Хорошо?.. Милый, я васъ очень прошу — этого не было... Была Наталлъ — актриса, но не было Наташи, какъ невѣста, шедшей за вами... Это тѣмъ болѣе...

«Тѣмъ болѣе, что я и точно невѣста. Я выхожу замужъ... Никогда не угадаете, за кого?.. Но это такая старая, старая и подлинно не ржавѣющая любовь... И вотъ уже

безкорыстная... Безъ ревности, съ одною преданностью и обожаніемъ. Вотъ уже кто всѣмъ для меня пожертвуетъ и о себѣ никогда не подумаетъ.

«Не угадали, поди?.. Реальная Сила!.. На Рождество его таки за громкое поведеніе и тихіе успѣхи въ наукахъ выперли изъ училища и онъ уже не имѣетъ права именоваться Реальной Силой. Но Силой-то онъ остался. Что за человѣкъ!.. Весною онъ поступаетъ въ Мореходные классы — черезъ два года — шкиперъ дальняго плаванія!..

«Это уже не «въ Москву!.. въ Москву!..» — я объ Индіи мечтаю. Какъ нибудь и поплывемъ съ нимъ на Добровольномъ флотѣ... Чего не бываетъ?.. и я — это уже такъ сказать, въ скобкахъ — учусь англійскому языку, чтобы и Силѣ моему помогать, да и самой лицомъ въ грязь не ударить... Донская казачка! Знай нашихъ — К-скихъ!

«Всего, всего вамъ хорошаго. Все таки теплое у меня чувство къ вамъ — пусть и у васъ ко мнѣ будетъ такое-же. Это не ревность — не увлекайтесь вашими кузинами. Умныя онѣ ,говорятъ, дѣвушки, да только не слишкомъ-ли онѣ умныя?.. Мнѣ показалось, вы простой, хорошій, вамъ такую и надо — простую и хорошую, чтобы пошла съ вами рядомъ, какъ хорошо съѣзженная дышловая пара, а не сѣла-бы на васъ, да не стала васъ по своему, на свой ладъ объѣзжать. Ваши кузины... съ бѣсомъ знаются. Имѣйте всегда съ собою крестное знаменіе. Вѣру имѣйте, хотя въ мысляхъ, Бога имѣйте.

«Письмо, прочитавъ, конечно, сожгите. Дѣвушки кавалерамъ, тѣмъ болѣе, невѣсты другого такихъ писемъ писать не имѣютъ права.

«Ваша (зачеркнуто)... Уважающая васъ Н. Г.».

Жоржъ читалъ и перечитывалъ письмо и не слышалъ, какъ вошла Даша, какъ чиркала она сѣрными спичками о желѣзную дверцу печки, не видѣлъ, какъ блѣдно-желтымъ дымящимъ пламенемъ вспыхнула солома, не слышалъ, какъ загудѣло пламя въ печи и только, когда почувствовалъ острый запахъ соломенной гари и кизековъ обернулся на огонь.

Даша сидѣла на колѣняхъ подлѣ печки и то открывала, то прикрывала печную дверцу. Жоржъ смотрѣлъ на Дашу и точно не видѣлъ ее. Теплое чувство радости и благодарности заливало его сердце сладостною волною. Будто были на немъ какія-то путы и вотъ сняли ихъ и опять свободенъ, какъ вѣтеръ въ полѣ.

Жоржъ еще разъ внимательно перечелъ письмо.

«Какая прелестная дѣвушка — эта Наталлъ», — подумалъ онъ и разорвалъ письмо на мелкіе клочки.

Онъ подошелъ къ печкѣ и сказалъ Дашѣ:

— Открой дверцы.

Онъ бросилъ лиловые лоскутки въ гудящее пламя, потомъ, стоя на корточкахъ подлѣ Даши, слѣдилъ, какъ сгорали они, коробясь, и черными сморщенными птицами порхали надъ гудящимъ пламенемъ.

— Значитъ — такъ, — сказала Даша.

Жоржъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что совсѣмъ забылъ о присутствіи Даши. Онъ вздрогнулъ.

— Чего ты?.

Въ полъ-аршинѣ отъ него было круглое, полное, горячее отъ огня, лупоглазое лицо, озаренное алымъ полымемъ печного пламени. Большіе каріе глаза смѣялись, изъ подъ сухихъ алыхъ губъ блистали ровные, крѣпкіе, крупные зубы. Терпкій запахъ ситца, лука и пота шелъ отъ Даши.

— Значитъ — такъ... И дѣлу, чтобы, значитъ, конецъ, — спокойно повторила Даша.

Простыя были слова и просто были сказаны — а Жоржъ вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и пронзительно посмотрѣлъ на Дашу. Та, не вставая съ колѣнъ, выдержала его взглядъ. Ея глаза смѣялись и румянецъ на щекахъ, то ли отъ разгоравшагося пламени печки, то ли отъ другого внутренняго огня становился все жарче. Жоржъ увидалъ торчавшія изъ подъ юбки голыя, черныя отъ земли пятки.

«Чернопяточка»...

Онъ вдругъ смутился, покраснѣлъ до корня волосъ и отошелъ къ окну.

— Зачѣмъ ты вошла, не постучавъ?..

— Я и стучала, да вы не слышали. Горницу надо прибрать, печь вамъ истопить. Да еще барышня Нина Михайловна вамъ приказали, чтобы вы заразъ внизъ спустились, на слободу чтобы съ ними идти.

— Я иду.

Жоржъ пошелъ къ дверямъ и уже въ корридорѣ услышалъ, какъ Даша, смѣясь, сказала сама себѣ:

— Чисто, какъ телокъ несмышленный!..

Искорки побѣжали по спинѣ Жоржа отъ неясной обиды. Онъ не обернулся и сбѣжалъ съ лѣстницы.

XII

Нина и Тамара ожидали внизу въ вестибюлѣ. Нина была одѣта по крестьянски, въ платочкѣ и короткой до колѣнъ шубкѣ. Она показалась Жоржу ряженой и какъ-то значительно красивой.

— Простите, кузина. Даша только что мнѣ сказала, что вы готовы идти.

— Ничего, кузенъ. Я и сама сейчасъ только спустилась изъ бѣльевой.

Жоржъ торопливо вдѣвалъ руки въ рукава моднаго сѣро-нѣмецкаго легкаго сукна пальто. Тамара подошла ему помочь.

— Шикъ-то какой, — сказала она. — Ты посмотрика, Нина. Каковъ у тебя кавалеръ!.. Слобода съума сойдетъ — такого увидитъ:

— Усики солидные (положимъ не очень)
Глазки миловидные...
Въ холодненькомъ пальтишечкѣ,
На бекрень фуражка...
Ахъ, ка-кой ми-ла-ашка...

Шутливо пропѣла Тамара.

— Не влюбись, Нина, въ кузена...

Яркій солнечный день разгорался. Какъ только про-

шли мимо церковной ограды, и дорога стала полого спускаться въ балку, сотнями бѣлыхъ курчавыхъ дымовъ, шедшихъ изъ низкихъ трубъ надъ соломенными крышами, открылась передъ ними слобода Кольцовка. Широкая слободская улица была, какъ периной прикрыта ровнымъ толстымъ слоемъ снѣга. Узкая, такая, что можно было идти только по одному, тропинка была натоптана вдоль домовъ. Отъ нея тутъ и тамъ шли отвилки къ колодезнымъ журавлямъ. Нигдѣ никого не было видно, точно мертвымъ сномъ уснула въ этотъ прекрасный зимній день слобода.

Яркій свѣтъ слѣпилъ глаза Жоржу. Вдругъ Нина, быстро шедшая въ мягкихъ валеныхъ котахъ, впереди Жоржа такъ неожиданно остановилась, что Жоржъ, шедшій сзади нея съ корзиной съ бѣльемъ натолкнулся на нее и задѣлъ ее краемъ корзины.

— Простите, кузина.

Она точно не слышала. Въ какомъ-то видимомъ волненіи она напряженно смотрѣла вдаль по улицѣ. Ничего особеннаго Жоржъ не примѣтилъ въ слободѣ. Далеко впереди имъ навстрѣчу шелъ человѣкъ, одѣтый, какъ и всѣ здѣсь одѣвались въ сѣрую теплушку. На головѣ была старая казачья темно-синяя фуражка съ алымъ околышемъ безъ кокарды. На ногахъ штаны съ алымъ лампасомъ и высокіе черные сапоги — словомъ шелъ навстрѣчу имъ казакъ. И въ этомъ ничего страннаго не было — слобода была окружена казачьими хуторами, и появленіе на ея улицѣ казака было явленіе обыкновенное. Но Жоржъ сейчасъ-же замѣтилъ, что именно казакъ смутилъ такъ его кузину.

— Григорій Ивановичъ! — крикнула Нина и побѣжала навстрѣчу казаку.

Жоржъ побѣжалъ за нею.

— Ахъ, кузенъ, — съ досадою сказала Нина, оборачиваясь къ Жоржу, — да имѣйте хотя каплю деликатности... Неужели вы не понимаете, что вы тутъ совсѣмъ лишній... Идите, милый, домой и несите корзину, я не могу сегодня заниматься раздачей бѣлья.

Жоржъ пожалъ плечами. Откуда могъ онъ знать, ка-

кое отношеніе имѣло появленіе казака на улицѣ слободы къ раздачѣ бѣлья?.. Но онъ послушался кузины и остановился въ отдаленіи. Нина бѣжала навстрѣчу казаку. Теперь Жоржъ могъ хорошо разсмотрѣть его. Это былъ человѣкъ уже въ лѣтахъ, съ худымъ морщинистымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой свѣтло-русой мочальной бородкой и съ такими же небольшими усами. Ничего ни особеннаго, ни привлекательнаго въ немъ не было — казакъ изъ писарей. Онъ былъ худощавъ, жилистъ и крѣпокъ. Кто это былъ для Нины?.. По виду, вѣрнѣе всего, станичный учитель, урядникъ изъ нестроевыхъ, можетъ быть, даже и офицеръ, запустившій себя и опустившійся на льготѣ.

Нина почувствовала, что Жоржъ стоитъ и наблюдаетъ за нею. Она повернулась къ Жоржу и крикнула:

— Домой!.. домой!.. идите домой!.. Вы здѣсь мнѣ не нужны... Это-же ужасъ одинъ, что тутъ дѣлается...

Все это было странно, загадочно и непріятно Жоржу. Если это ужасъ, то не долженъ-ли онъ помочь Нинѣ снести этотъ ужасъ? Но ужаса никакого не было видно. Нина подошла къ казаку и сейчасъ-же, не здороваясь быстро заговорила съ нимъ. Они пошли дальше по слободѣ.

Жоржъ постоялъ нѣсколько мгновеній, потомъ пошелъ тихими шагами къ дому. Но, дойдя до церковной ограды, гдѣ начинался подъемъ изъ балки, онъ остановился и рѣшилъ остаться здѣсь, наблюдая за слободой и если Нинѣ будетъ угрожать какой-то «ужасъ» спѣшить ей на помощь.

Жоржъ стоялъ въ снѣгу у ограды и мерзъ въ своемъ легкомъ пальто. «Какое глупое положеніе», — думалъ онъ. — «Точно сцена изъ «Обрыва» Гончарова... Ну... положимъ, я не Райскій и Нина для меня не Вѣра... Да и казакъ мало походитъ на Марка Волохова... Нѣтъ, это не то. Я въ Нину не влюбленъ... И не любовь на ея лицѣ была, когда она увидала казака, но безумный страхъ и мука... Да и казакъ?.. И онъ не походилъ на влюбленнаго, пришедшаго на свиданіе... Да... бѣсноватая кузина... Нелегко съ вами».

Февральское солнце свѣтило ярко, но грѣло мало и, когда, наконецъ, на слободской улицѣ показалась Нина,

Жоржъ совсѣмъ замерзъ. Нина шла одна. Жоржъ ревнивымъ взглядомъ осмотрѣлъ кузину. Она была печальна и точно чѣмъ-то озабочена и потрясена, но наружно все на ней было въ порядкѣ. Платокъ, какъ былъ на головѣ, такъ и остался въ томъ же положеніи, ни одна прядка волосъ не выбилась изъ подъ него. Костюмъ былъ не помятъ... Нѣтъ тутъ и тѣни не было поцѣлуевъ и объятій, тутъ былъ только разговоръ и, вѣроятно, тяжелый.

— Стыдно, кузенъ, — тихо сказала Нина, подходя къ Жоржу. — Стыдно и пошло. Немногаго я отъ васъ ожидала, но все таки больше порядочности и вѣры въ меня... Ваши подозрѣнія гадки и низки.

Она продолжала идти къ дому. Жоржъ уступилъ ей мѣсто на тропинкѣ, самъ сошелъ въ снѣгъ и пошелъ рядомъ съ нею, утопая въ сугробахъ по колѣно. Онъ точно не слышалъ или не хотѣлъ слышать ея упрековъ.

— Кузина, — задыхаясь, проговорилъ онъ. — Кто этотъ?.. Казакъ?..

Нина рѣзко остановилась.

— Э, полноте, кузенъ... Оставьте вашъ тонъ. Повѣрьте, — она нервно засмѣялась, — только... не любовникъ.

Она смѣло и отчетливо выговорила это слово. Потомъ пошла впередъ.

— Простите меня, кузина... Но, согласитесь...

Нина снова остановилась. Незнакомое выраженіе легло на ея лицо. Оно стало вдругъ мягкимъ и очень красивымъ.

— Жоржъ, — тихо сказала она. — Я сознаю, что вы ничего не понимаете и не можете понять... Ваши міровоззрѣнія не позволяютъ мнѣ даже объяснить вамъ. Но, вѣрьте мнѣ, что эта тайна ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, что вы скверно обо мнѣ думаете... Но... Я васъ очень, очень прошу... Какъ честнаго человѣка, никогда, никому, ни даже моимъ сестрамъ не говорить объ этой встрѣчѣ... Этотъ казакъ... Это большой... Нужный человѣкъ... Но онъ очень несчастный... Ему нужно помочь. Вотъ и все...

— Кто онъ?..

— Разсказывать вамъ, кто онъ и долго, и скучно. Вы

все равно не поймете. Онъ не то, что вы... Но... Скажу вамъ одно, вы, кузенъ — К о л ь ц о в ъ. — Нина съ силой назвала фамилію. — Вы должны, понимаете, должны быть благороднымъ... Вы дайте мнѣ честное слово никогда никому не говорить объ этой встрѣчѣ, я же даю вамъ честное слово, что тутъ ничего пошлаго, любовнаго нѣтъ и не было... Поняли?..

— Вы съ нимъ... сообщники?..

— Увы, кузенъ... Нѣтъ... Это, правда, — горько и постыдно... Но я тоже Кольцова, тоже дворянка... Ветхаго Адама съ себя я совлечь не смогла. Вѣрю и не стыжусь, что произошла отъ обезьяны, а проповѣдывать эту вѣру, силы, что-ли не хватаетъ. Но, оставимъ этотъ разговоръ, кузенъ. Прошу васъ молчать объ этой встрѣчѣ и никогда никому ее не поминать. Вѣрьте мнѣ, такъ надо.

Нина подошла вплотную къ кузену положила ему руки на плечи и крѣпко поцѣловала Жоржа въ губы. Въ ея глазахъ были слезы. Корзина съ бѣльемъ выпала изъ рукъ Жоржа. Онъ совсѣмъ растерялся. Такъ не походила эта нѣжность и ласка на Нину.

— Теперь... видите, — сказала Нина. — Это не шутки... Молчите. Я вѣрю — будете молчать.

Нина медленными шагами, низко опустивъ голову, пошла къ дому. Жоржъ слѣдовалъ за нею поодаль.

XIII

Все въ Кольцовскомъ домѣ казалось Жоржу страннымъ и непонятнымъ. Дяди — родные братья, а называли другъ друга по имени и отчеству. Кузины одѣты точно въ форму, какъ пансіонерки изъ «Мамзель Нитушъ» и по очереди дежурятъ по дому. Онѣ увлекаются спиритизмомъ, читаютъ журналъ «Ребусъ» и въ перепискѣ съ извѣстными спиритами... Подлинно бѣсноватыя... Вѣдь, въ ту первую его ночь въ этомъ домѣ не кошмаръ-то былъ, а было нѣчто и подлинно — потустороннее.

Сегодня эта неожиданная встрѣча и этотъ поцѣлуй.

Нѣтъ — это не былъ сестринъ поцѣлуй. Въ немъ не было и того, что было въ поцѣлуяхъ инфернальной женщины или того, что было въ поцѣлуяхъ Наталлъ. А все таки мужское поднялось въ немъ и Нина представилась ему въ новомъ свѣтѣ своей оригинальной, тонкой красоты. Поцѣлуй на улицѣ, на морозѣ былъ ничтоженъ, а жегъ губы Жоржа и вспоминался ему сладкимъ отголоскомъ.

День Жоржа прошелъ въ хлопотахъ. Въ имѣніи своихъ лошадей не было и для того чтобы отвезти Жоржа въ Окружную станицу надо было посылать къ какому-то Касьяну, а Касьянъ уѣхалъ и тогда нужно было идти къ какому-то Пимену, и Жоржу все это показалось скучнымъ и ненужнымъ.

Вечеромъ послѣ ужина дяди пошли къ себѣ наверхъ и кузины сбились въ углу зала. Жоржъ сыгралъ на рояли Шопеновскій прелюдъ, потомъ величественно мрачный похоронный маршъ. Еще не затихли громы струнъ — Жоржъ подошелъ къ кузинамъ. Нина показалась ему блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно.

Агнія просила ее о чемъ-то.

— Нина, я вижу, ты можешь сегодня... Ну, устроимъ... Милка, устроимъ, какъ тогда.

Нина глазами показала на Жоржа.

— Кузенъ?.. Ну что онъ... Онъ не помѣшаетъ.

Обернувшись къ Жоржу Агнія спросила:

— Кузенъ, вы вѣрите въ спиритизмъ?..

Жоржъ пожалъ плечами.

— Чепуха.

— Вы вѣрующій? — сказала Тамара.

— Ну и что изъ того?..

— Вы читали въ символѣ вѣры: «Творца небу и земли, видимымъ-же всѣмъ и невидимымъ»... Значитъ?..

— Что значитъ?..

— Есть какой-то міръ нами невидимый.

— Да, есть.

— Ну, и?..

— И намъ не дано его видѣть, ибо онъ невидимый. Ясно, какъ шеколадъ.

— Логично, кузенъ, — сказала Вѣра. — Я даже не ожидала отъ васъ. Но хотите поговоримъ серьезно.

— Извольте, кузина Вѣра. — Жоржъ подвинулъ стулъ къ столу, за которымъ сидѣли кузины и сѣлъ. — Я вѣшаю свои уши на гвоздь вниманія.

— Кузенъ, оставимъ шутки. Я вамъ разскажу то, что было, что я сама въ прошломъ году видѣла, когда была въ Москвѣ на курсахъ. Мы съ Ниной вошли въ кружокъ молодежи, которая серьезно занималась изученіемъ міра невидимыхъ. Кружку покровительствовалъ композиторъ Меликовъ, спиритъ убѣжденный. Мы были неофиты, мы сами не знали, вѣримъ мы, или не вѣримъ. Мы искали — свѣтъ. Въ нашемъ кружкѣ былъ поэтъ Валентинъ Усовъ, поэтъ и писатель Пинскій — все имена! Вы навѣрно ихъ читали и знаете.

— Не имѣлъ этой чести, не читалъ и не знаю. Корнетъ ничего не читаетъ, кромѣ уставовъ и приказа по полку.

Нина насмѣшливо пожала плечами. Въ ея глазахъ Жоржъ прочиталъ: «что этого дурака спрашивать?». Вѣра продолжала.

— Все равно, я назвала вамъ эти имена для того, чтобы вы поняли, что, если такіе серьезные, талантливые люди этимъ занимаются — это уже не пустяки, не «чепуха», какъ сказали вы. Усовъ и Пинскій тогда въ спиритизмъ не вѣрили. Они говори: обманъ... Не вѣрилъ и еще одинъ студентъ, который искалъ случая изобличить спиритовъ. И вотъ мы, московская молодежь, при участіи редакторовъ «Ребуса», рѣшили поставить рядъ спиритическихъ сеансовъ и для этого выписать изъ Варшавы извѣстнаго медіума Яна Рыдзика на десять сеансовъ. Ему надо было заплатить его проѣздъ и платить по сто рублей за сеансъ. Насъ собралось тогда человѣкъ тридцать — большинство просто любопытныхъ, сомнѣвающихся, или прямо, какъ тотъ студентъ не вѣрящихъ. Сеансы были назначены въ особнякѣ Бобрикова, на Новинскомъ бульварѣ. Но два слова о Бобриковѣ.

Это былъ человѣкъ высокаго образованія, физикъ и химикъ — онъ имѣлъ свою лабораторію, онъ изслѣдовалъ особые иксъ-лучи, которыми можно дѣйствовать на разстояніи.

— Алхимикъ, — сказалъ Жоржъ насмѣшливо, — не достаетъ только чернаго кота и совы... Самая подходящая обстановка для духовидцевъ.

— Не шутите съ этимъ, строго сказала Тамара.

— Янъ Рыдзикъ пріѣхалъ, какъ обѣщалъ, и заявилъ намъ, что если онъ впадетъ въ трансъ, то будетъ появленіе косматыхъ звѣрей. Въ большой комнатѣ, едва освѣщенной красной лампочкой, тускло мерцавшей въ углу, мы сѣли за длинный столъ. Мы переплели свои ноги, положили руки на столъ, касаясь пальцами рука руки, — словомъ, образовали магическую цѣпь.

— Морозъ по кожѣ, — насмѣшливо сказалъ Жоржъ.

Вѣра не обратила вниманія на его восклицаніе, она увлеклась разсказомъ.

— Итакъ, — продолжала она, — почти полная темнота, тишина. Мы изрѣдка переговариваемся. Прошло около часа. «Нѣтъ, ничего не будетъ», — скажетъ кто-нибудь. — «Подождите»... «Мнѣ кажется»... и опять замолчимъ. Чуть слышно, какъ за окномъ гудитъ Москва. Вдругъ Пинскій громко сказалъ: «прикосновеніе чего-то мохнатаго... еще... еще... О, Боже, какая пощечина!..». Пинскій сидѣлъ рядомъ съ медіумомъ. Онъ вскочилъ и разорвалъ цѣпь. Мы всѣ встали. Включили свѣтъ, всѣ разомъ заговорили. Янъ Рыдзикъ былъ смущенъ. Онъ былъ объ одномъ ботинкѣ, другой валялся подъ стуломъ. На свободной отъ ботинка ногѣ былъ колючій, косматый черный шерстяной чулокъ. Онъ, когда наше вниманіе притупилось, осторожно освобождалъ свою правую руку, замѣняя ее одною лѣвой, снималъ съ себя ботинокъ и, имѣя нарочно особые чулки и будучи акробатически ловкимъ, — правой ногой касался и билъ сосѣдей.

— Какая гадость!.. — сказалъ Жоржъ.

— Кружокъ готовъ былъ распасться. Особенно ликовалъ тотъ студентъ, о которомъ я говорила, что онъ ни-

какъ не вѣрилъ въ спиритизмъ. Этотъ студентъ вернулся домой и легъ спать. Во снѣ онъ увидалъ своего давно умершаго отца. Будто тотъ вошелъ въ комнату студента, сѣлъ къ письменному столу и что-то писалъ... Когда студентъ проснулся — онъ нашелъ на столѣ листокъ бумаги, на которомъ почеркомъ его отца было написано: «жизнь по ту сторону гроба есть. Напрасно сомнѣваешься». Это такъ поразило студента, что онъ вернулся въ кружокъ, если и не увѣровавшимъ, то во всякомъ случаѣ колеблющимся. Въ кружкѣ нашемъ онъ засталъ большое возбужденіе. Одни хотѣли изобличить Рыдзика и со скандаломъ прогнать его, но редакторы «Ребуса» возстали противъ этого. — «Янъ Рыдзикъ», — говорили они, — «приглашенъ за плату, какъ профессіональный медіумъ, и онъ долженъ показать какія-то явленія. Между тѣмъ каждый медіумъ знаетъ, что не въ его власти впасть въ трансъ и вызвать тѣ или иныя явленія. Можетъ пройдти десять и болѣе сеансовъ, а у него ничего не произойдетъ... Конечно, это некрасиво и нечестно прибѣгать къ обману, но... профессія этого иногда требуетъ... Работать такому медіуму профессіоналу приходится среди разныхъ людей, въ большинствѣ просто любопытныхъ, которые вольно, или невольно противодѣйствуютъ цѣпи». Эти редакторы предложили устроить сеансъ въ маленькомъ кружкѣ со слаженною цѣпью, гдѣ была бы исключена всякая возможность обмана. Мы всѣ согласились. Составился маленькій кружокъ изъ редактора «Ребуса», поэта Валентина Усова, меня съ Ниной и того студента, о которомъ я говорила. Мѣстомъ сеанса избрали квартиру въ районѣ Варварки. Янъ Рыдзикъ никогда въ этой квартирѣ не былъ и ея не зналъ. Это была не жилая квартира, а контора нотаріуса, внизу была пріемная, гдѣ помѣщался сторожъ, надъ нею пустая комната. Въ ней, въ углу стояли высокіе часы въ формѣ длиннаго и узкаго шкафа, вышиною почти до потолка. Въ эту комнату принесли столъ и необходимое число стульевъ. Мы собрались, придя съ одною свѣчою, отпустили сторожа, закрыли окна и двери. Янека посадили между студентомъ и Усовымъ. Свѣчу потушили, заявлели Янека

ногами и образовали цѣпь. И вотъ... Полная темнота. Янекъ вздохнулъ и почти сейчасъ-же заснулъ. Мы сидѣли молча. Лишь изрѣдка перемолвимся словомъ, но уже въ словахъ нашихъ не было ни шутокъ, ни сомнѣнія. Мы, какъ потомъ всѣ признались, какъ-то сразу почувствовали, что, что-то должно быть. Вдругъ Нина сказала: «вы видите». Мы сразу, намъ никто ничего не говорилъ, повернули головы къ часамъ. Надъ ними какъ-бы висѣло въ воздухѣ голубоватое, слегка свѣтящееся яблоко. Оно медленно поплыло, сдѣлало кругъ около часовъ, приблизилось къ столу, разсыпалось на нѣсколько маленькихъ огоньковъ и пробѣжало по столу. Одинъ огонекъ прошелъ по моей рукѣ, но я ничего не чувствовала. Насъ было шесть, но въ этотъ моментъ мы совершенно явственно ощутили, что среди насъ есть какое-то седьмое существо. Отчетливо послышались шаги по комнатѣ. Кто то обходилъ насъ. Этотъ кто-то остановился сзади меня, я почувствовала, прикосновеніе чьихъ то рукъ къ моей головѣ, «кто-то» гладилъ меня по волосамъ... Я разорвала цѣпь и запрокинула руки за спину. Сзади меня стоялъ нѣкто, одѣтый въ ниспадающія длинныя одежды. Я вскрикнула: «огня»!.. Сейчасъ же кто-то, кажется, Усовъ, зажегъ свѣчу. Янъ Рыдзикъ продолжалъ спать, его руки были на рукахъ Усова и студента, ноги заплетены. Въ комнатѣ кромѣ насъ никого не было. Цѣпь распалась — сеансъ былъ конченъ. Мы обмѣнялись впечатлѣніями. Всѣ ощущали, что «кто-то» ихъ трогалъ, «кто-то» стоялъ сзади. Что-же вы думаете, кузенъ, я все это на потѣху вамъ сочинила?..

— Нѣтъ я, кузина, вѣрю, что все именно такъ и было, или вѣрнѣе вамъ казалось, что такъ и было, какъ вы разсказываете, но... Все это вамъ только показалось...

Жоржъ сказалъ это безпечнымъ и спокойнымъ голосомъ, но, странно, онъ самъ не узналъ своего голоса, такъ звучалъ онъ чуждо и непохоже на него.

XIV

Разсказъ кузины Вѣры продолжался какихъ-нибудь полчаса, даже и менѣе, а точно полночи прошло за это время и будто все измѣнилось въ громадномъ залѣ. Между тѣмъ такъ-же подъ синимъ, выцвѣтшимъ абажуромъ горѣла керосиновая лампа на высокой ножкѣ и подъ нею сидѣли кузины. Онѣ не работали, всѣ сидѣли задумавшись. Углы залы были въ темнотѣ. Портретъ предка генерала показался Жоржу живымъ и страшнымъ. Глаза предка отблескивали и точно внимательно смотрѣли на Жоржа. Подъ портретомъ стоялъ дубовый ящикъ. Жоржъ зналъ теперь исторію этого ящика и его содержимаго. Ящикъ былъ XV-го вѣка, работанъ во Флоренціи и вывезенъ предкомъ во время Итальянскаго похода Суворова. Тамъ хранились: каска французскаго кирасира «своеручно» убитаго предкомъ, шпага французскаго генерала, взятаго въ плѣнъ предкомъ и букетъ цвѣтовъ — цвѣточная пыль въ стеклянной коробкѣ, — поднесенный предку француженкой въ Парижѣ. Ящикъ казался старымъ гробомъ, въ которомъ покоятся останки ихъ родовой славы. Квадратныя окна по верху зала свѣтились голубымъ свѣтомъ зимней ночи. И такая тишина была кругомъ, что, когда смолкъ разсказъ Вѣры было слышно тихое дыханіе кузинъ.

Все вокругъ нихъ точно насторожилось. Будто воздухъ былъ насыщенъ міромъ невидимыхъ, будто пришла темная жуть и стала вокругъ нихъ.

«Играемъ съ бѣсомъ», — подумалъ Жоржъ. — «И на меня наводятъ какія-то чары... Но я имъ не поддамся»...

Жоржъ былъ смѣлый человѣкъ, по крайней мѣрѣ таковымъ самъ себя считалъ... Ему приходилось въ дѣтствѣ видѣть привидѣнія. Онъ шелъ прямо на нихъ и ощупывалъ ихъ — оказывалось — висящее полотенце... Онъ ночью въ корпусѣ, на пари, ходилъ въ физическій кабинетъ и клалъ къ ногамъ скелета записку. Весь классъ восторгался его подвигамъ и хладнокровію. Жоржу было страшно — что говорить, — волосы на его головѣ шевелились и ноги

обмякали, но онъ всегда былъ увѣренъ, что призрака нѣтъ, что это ему кажется, что скелетъ только непріятно пахнущій тлѣніемъ безобразный предметъ, напоминающій о чемъ-то далекомъ и неизвѣстномъ.

Теперь вдругъ стало совершенно по особому страшно. Страшно потому, что Жоржъ вполнѣ четко ощутилъ, что кромѣ его и кузинъ въ залѣ былъ еще кто-то непонятный, невидимый, жуткій и невѣдомый. Жоржъ прогонялъ это ощущеніе, а оно не уходило. Онъ хотѣлъ оборвать волнующіе страшные разсказы и уйдти и сознавался, что разсказы эти влекли его и что было страшно идти одному наверхъ въ темную комнату.

Молчаніе продолжалось недолго, Жоржу оно показалось безконечнымъ. Въ этотъ вечеръ, какъ никогда раньше, онъ понялъ всю относительность времени. Минута, часъ, не имѣли своего значенія и минуты тянулись, какъ часы и часы бѣжали, какъ минуты. Было поздно, или нѣтъ — Жоржъ не сознавалъ.

— Этотъ самый студентъ, — продолжала послѣ нѣкотораго молчанія Вѣра, — самъ оказался сильнымъ медіумомъ. Онъ могъ подвергать свое тѣло явленіямъ левитаціи и гравитаціи. Вы знаете, что это?

Жоржъ промолчалъ. Свои думы шли у него въ головѣ.

— Левитація — это, когда человѣкъ теряетъ свой вѣсъ и получаетъ возможность парить въ воздухѣ, ходить по водѣ, становится, какъ шаръ прованскаго масла въ водѣ со спиртомъ. Гравитація — это, когда человѣческое тѣло дѣлается въ пять, десять разъ тяжелѣе своего обыкновеннаго вѣса, и будто изваянное изъ мрамора, или вылитое изъ чугуна, становится прямымъ и твердымъ, какъ статуя.

«Бѣсы... бѣсы...», — подумалъ Жоржъ.

— Вы не думаете, кузина, — сказалъ онъ вслухъ, — что все это придумано безбожниками, богоборцами, чтобы опровергнуть вѣру въ божественность Христа, въ Его чудеса?..

Нина пожала плечами.

— Дядюшкины слова, — сказала она тихо. — Вы этого не думали никогда и развѣ вы такой уже вѣрующій?

— Придумано, — сказала Вѣра. — Что-же тутъ «придумано», когда мы сами все это видѣли и испытали. Прошлымъ лѣтомъ мы жили въ Москвѣ, мы устроили сеансъ въ одной пустой квартирѣ, на Неглинномъ Проѣздѣ, противъ Государственнаго Банка. Въ комнатѣ совсѣмъ не было мебели, съ большого итальянскаго окна были сняты гардины и шторы и, хотя квартира была на четвертомъ этажѣ, свѣтъ уличныхъ фонарей проникалъ въ нее. Мы взяли газеты, зашпилили ихъ булавками и завѣсили ими окно. Стало совсѣмъ темно. Окно чуть намѣчалось во мракѣ мутнымъ пятномъ. Насъ было восемь человѣкъ. Мы принесли длинный, узкій столъ и восемь стульевъ. Больше ничего не было въ комнатѣ и никого кромѣ насъ не было во всей квартирѣ. Мы все дѣлали на чистоту, безъ обмана. Кому была охота обманывать. Мы всѣ одинаково искали правду въ этомъ волнующемъ вопросѣ. Студентъ былъ нашимъ медіумомъ. Чтобы исключить всякій обманъ и имѣть возможность слѣдить за нимъ и не упускать въ темнотѣ никакого его движенія, мы надѣли ему на лобъ, на запястья и подлѣ щиколодокъ фосфоресцирующія повязки. Свѣтъ былъ погашенъ, студентъ заснулъ. Въ темнотѣ комнаты ясно были видны чуть свѣтящіяся повязки, совершенно неподвижныя. Мутно обнаруживалось окно. За нимъ гудѣла, затихая, Москва. Вдругъ студентъ всталъ, оборвавъ цѣпь. Черный силуэтъ его обрисовался на фонѣ окна. Студентъ сталъ дѣлать пассы надъ столомъ, то приближая къ нему руки, то удаляя ихъ. Потомъ онъ медленно поднялся на воздухъ. Мы видѣли повязки на его ногахъ почти на высотѣ своихъ головъ. Головная повязка была подъ потолкомъ. Онъ плавно, какимъ-то призракомъ поплылъ въ воздухѣ вокругъ стола, проплылъ кругомъ насъ и опустился на свое мѣсто.

— Ну!.. ну! — сказалъ негромко Жоржъ. Онъ не зналъ, что дѣлать. Смѣяться не приходилось — уже очень серьезны были кузины.

— Мы зажгли свѣтъ, принесли изъ сосѣдней комнаты

софу и положили на нее студента. Онъ сейчасъ-же заснулъ. Мы подошли къ нему. Онъ лежалъ совершенно прямой. Ни руки, ни ноги его не гнулись. Онъ былъ такъ тяжелъ, что только въ шестеромъ мы смогли приподнять его. Это была совершенно мраморная статуя, одѣтая въ студенческій сюртукъ. Вотъ это и была — гравитація.

Жоржу показалось, что еще напряженнѣе стало въ залѣ послѣ этого разсказа Вѣры.

— Бѣса тѣшили, — сказалъ онъ негромко.

— Хотите потѣшимъ бѣса, — звенящимъ голосомъ, въ которомъ былъ вызовъ, сказала Нина. Точно колокольчики разсыпались по залу. Звонкое эхо будто повторило слова Нины и будто кто-то засмѣялся по всѣмъ закоулкамъ зала.

Мураши побѣжали по жиламъ Жоржа. Тѣмъ развязнѣе и смѣлѣе отвѣтилъ на вызовъ Жоржъ:

— Охотно.

XV

Всѣ пришли въ движеніе и засуетились. Агнія зажгла свѣчу въ старинномъ низкомъ мѣдномъ шандалѣ съ круглой ручкой кольцомъ, всегда стоявшую у входа, чтобы свѣтить на лѣстницѣ и въ корридорѣ, Вѣра прикрутила фитиль у лампы. Пахнуло керосиновою гарью, и залъ погрузился въ мракъ. Свѣча у дверей чуть разсѣивала его. Нина и Тамара поставили пять стульевъ вокругъ того столика, за которымъ по утрамъ дяди пили кофе.

Это былъ заграничный и, вѣроятно, семейная реликвія, очень тяжелый столикъ, какой-то, должно быть, мавританской работы. Онъ былъ шестиугольный, рѣзной, о шести ножкахъ съ рѣзнымъ изъ темнаго дерева кружевомъ между ними, съ верхней доской, мозаично выложенной мраморными и перламутровыми плитками.

Всѣ усѣлись вокругъ него. Жоржу показали, какъ положить руки, чтобы образовать магическую цѣпь. Его колѣни касались колѣнъ Нины и Тамары. Онъ чувствовалъ, какъ

подрагивало колѣно Нины. Наступила тишина. Какое-то небывалое раньше съ Жоржемъ оцѣпенѣніе охватило его.

Нина откинулась на спинку стула. Она тяжело и неровно дышала. Жоржъ слышалъ, какъ поскрипывала шнуровка ея корсета.

— Ты чувствуешь? — шопотомъ сказала Агнія.

— Да, кажется, — вздохомъ отвѣтила Тамара.

Прошло еще нѣсколько времени. Каждая секунда отбивалась сильными толчками пульса въ вискахъ у Жоржа.

Вдругъ столъ слегка покачнулся.

«Э!.. Нѣтъ, кузина», — подумалъ Жоржъ. — «Этотъ номеръ у васъ не пройдетъ... Вы очень, сильны, кузина, но, думаю, я буду посильнѣе васъ».

Онъ со всею силою надавилъ на столъ, препятствуя ему двигаться, и сейчасъ-же, уже ничего ровно не понимая, почувствовалъ, что столъ подъ его руками покачнулся, какъ живой и точно приподнялся. Было совсѣмъ такое ощущеніе, какое бываетъ, когда надавишь на край лодки, стоящей въ водѣ и она упруго поднимается, выворачиваясь изъ подъ руки. Столъ упруго подался подъ рукою Жоржа и сталъ приподниматься.

«А, чортъ!.. все это кажется»..., — подумалъ Жоржъ.

— Какая прелесть!.. — прошептала Вѣра.

Столъ поднимался выше, и уже было нужно вытягивать руки, чтобы его удерживать на воздухѣ. Всѣ встали, столъ вдругъ вырвался изъ рукъ и плавно поднялся къ потолку. Онъ съ легкимъ постукиваніемъ ударился о потолокъ, еще и еще... Точно это былъ не тяжелый мавританскій столъ, а какой-нибудь резиновый надутый водородомъ шарикъ, пущенный подъ потолокъ.

— Э, нѣтъ, кузина... Съ нами крестная сила, — проскрипѣлъ Жоржъ сквозь зубы и порвалъ цѣпь, которую они продолжали держать въ воздухѣ. Онъ толкнулъ Нину и провелъ руками надъ ея головою.

Въ тотъ-же мигъ столъ съ трескомъ и грохотомъ упалъ на полъ и разбился на мелкія части. Камни мозаики зазвенѣли, ударяясь другъ о друга.

Нина упала навзничь.

— Что вы дѣлаете... что дѣлаете, — испуганно говорила Тамара. Да развѣ можно такъ... Агнія, скорѣе свѣчу... Зажгите лампу...

— Я боюсь, — сказала Агнія. Она тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

Вѣра опустилась на колѣни подлѣ Нины. Жоржъ, путаясь шпорами, спотыкаясь объ обломки стола, побѣжалъ къ свѣчѣ и понесъ ее Вѣрѣ. Тамара дрожащими руками зажигала лампу. Вѣра съ Агніей приподняли съ пола Нину.

— Этими вещами нельзя шутить, — строго сказала Жоржу Вѣра.

— Простите, Кузина.

Нина открыла глаза...

— Столикъ, — дрожащимъ голосомъ произнесла она. — Столикъ... Разбился... Я не могла больше. Мнѣ помѣшали... Ужасно, какъ болитъ голова... Дяди... Что скажутъ дяди!..

Она поднялась съ пола. Вѣра и Агнія взяли ее подъ руки и повели изъ зала. Нина шла, заплетаясь ногами, какъ тяжело больная. Надъ обломками столика она пріостановилась.

— Значитъ, опять истерика, — сказала она тихо. — Андрей Михайловичъ не проститъ этого никогда... Любимый его столикъ...

— Ничего, — сказала Тамара. — Сейчасъ мы все соберемъ, спрячемъ, а завтра я позову Никодима Никодимовича и онъ намъ все склеитъ такъ, что и замѣтно не будетъ. Дядѣ скажу, что выскочила мозаика и что я въ починку отдала.

Тамара присѣла на колѣни и стала собирать осколки стола.

— Кузенъ, что вы такъ стоите, помогите-же мнѣ, — сказала она сердитымъ голосомъ.

Нина остановилась въ дверяхъ.

— Теперь, Жоржъ, вѣрите, — сказала она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ и скрылась за дверью. Вѣра вела ее подъ руки, Агнія свѣтила.

XVI

Когда осколки стола были собраны и завернуты въ коверъ, Тамара сказала Жоржу:

— Посвѣтите мнѣ лампой. Страшно безъ свѣта. Я не люблю этого и, говорятъ, что это опасно. Отъ этого Нина такая всегда нервная... Но... Интересно, такъ интересно, такъ тянетъ, словно омутъ въ жаркій день. Знаю, что не хорошо, а вотъ какъ задумаемъ — удержаться не могу. Интересно, правда?..

Жоржъ не отвѣтилъ. Онъ проходилъ въ это время какъ разъ мимо портрета предка. Голубой отсвѣтъ лампы плылъ, отражаясь въ лакѣ картины. Портретъ казался живымъ. Съ двухсаженной высоты, изъ подъ кивера сердитые сверкали глаза. Таинственный шорохъ шелъ изъ Флорентинскаго ларя съ семейными реликвіями. Незнакомое чувство жути пробѣжало холодными струями по спинѣ Жоржа и отдалось тысячью мелкихъ уколовъ дрожи въ ноги. Волосы зашевелились на головѣ. Лампа дрожала въ его рукѣ.

Они медленно дошли до комнаты Тамары.

— Покойной ночи, кузина.

Тамара взяла лампу, Жоржъ остался въ темнотѣ одинъ въ корридорѣ. Онъ совершенно обезсилѣлъ. Въ тишинѣ зимней ночи ему чудились стоны въ комнатѣ Нины. Изъ зала внизу точно топотъ копытъ — тамъ на ворономъ конѣ скакалъ предокъ. Оттуда неслись крики командъ и приказаній. Точно весь домъ ожилъ и пришелъ въ движеніе.

Держась за стѣны Жоржъ добрелъ до дверей своей комнаты. Онъ, наконецъ, взялъ себя въ руки и прислушался. Все это только казалось. Такъ и у него, хватавшаго свои нервами, все было напряжено. Мертвымъ сномъ спалъ громадный Кольцовскій домъ. Вѣтеръ со степи упруго на-

пиралъ на окно и шелестѣлъ снѣгомъ. Нигдѣ не лаяла собака, нигдѣ не было человѣческаго голоса.

Жоржъ раскрылъ дверь и вошелъ въ свою комнату. Небольшая, керосиновая, «Кумберговская» лампа коптила и горѣла красноватымъ пламенемъ. Черная полоса копоти легла на узкое стекло. Сумраченъ и печаленъ былъ видъ тускло освѣщенной спальни. Жоржъ зажегъ свѣчу. Черныя тѣни тревожно забѣгали по бѣленымъ известкой стѣнамъ. Тѣнь Жоржа, громадная, до самаго потолка, казалась страшной и чужой.

То чувство, которое теперь вдругъ овладѣло Жоржемъ было хуже, тяжелѣе страха. Страхъ можно побѣдить знаніемъ, изслѣдованіемъ причины его. Тутъ знаніе было безсильно, причина страха проходила и снова возвращалась при воспоминаніи о томъ, что было. Чѣмъ ближе изслѣдовалъ причину страха, тѣмъ страшнѣе все становилось, ибо было непонятно и необъяснимо. Казалось страшнымъ раздѣться и лечь въ постель. Точно смѣлѣе себя чувствовалъ одѣтымъ. Жоржъ подошелъ къ окну и отодвинулъ занавѣску... Въ блѣдныхъ отсвѣтахъ снѣжнаго блистанія передъ нимъ открылся садъ. Сквозь щели тянуло сырымъ морозомъ. Деревья исчезали сейчасъ-же за окномъ и тамъ дальше все сливалось въ густую непроницаемую черноту. И все таки тамъ на воздухѣ, не было такъ страшно.

Жоржъ отошелъ отъ окна. Свѣча горѣла ровно, тѣни успокоились. Раскрытая постель манила мягкою прохладою перинъ и подушекъ. Жоржъ снялъ мундиръ и только нагнулся стаскивать сапоги, какъ что-то ухнуло надъ головой, треснули половицы въ корридорѣ и загудѣло, загрохотало по лѣстницѣ, точно цѣлый эскадронъ мчался по ней.

Жоржъ такъ и остался сидѣть, согнувшись, ожидая чего-то ужаснаго. Опять прислушался. Все было снова тихо, такъ томительно тихо, что стало еще страшнѣе. Упруго мягко ударялъ вѣтеръ въ стекла, шелестѣлъ чѣмъ то, точно кто-то скребся за окномъ. Домъ спалъ всѣми жилыми и не жилыми покоями.

Жоржъ сидѣлъ въ прежней позѣ. Мысленно онъ обхо-

дилъ домъ, спускался въ подвалы, подходилъ къ колоннамъ, звенѣлъ цѣпями. Боже, какъ тамъ должно быть теперь страшно!.. Онъ шелъ въ залъ и останавливался съ вызовомъ противъ портрета. Онъ мысленно спрашивалъ предка, кто былъ въ залѣ, кто носилъ по воздуху тяжелый столъ, кто усыпилъ Нину? Мысль о Нинѣ была страшнѣе всего. Что она?.. Оправилась-ли отъ обморока?, А что, если она умретъ?..

И тутъ вспомнилъ о бѣсахъ. Въ степи говорили о бѣсахъ... Андрей Михайловичъ назвалъ Нину — бѣсноватой... Не напрасно все это...

Это и были бѣсы... Бѣсы жили въ домѣ. Это они играли съ тяжелой мебелью, какъ съ резиновымъ мячикомъ. Они всемогущи...

Бѣсы... Да... Бѣсы...

И вдругъ все стало ясно. Бѣсы... Романъ Достоевскаго, недавно прочтенный и оставившій такой сильный слѣдъ... Бѣсы — это Петръ Степановичъ Верховенскій, Шатовъ, таинственный Ставрогинъ... Эпиграфъ изъ Пушкина:

...«Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ...
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ»...

Бѣсы... Но вѣдь это и есть тотъ «врагъ внутренній», защищать отъ кого онъ, Кольцовъ, присягалъ. Онъ долженъ что-то дѣлать... Бѣсы — это тоже духи — тьмы. Они рѣютъ, вѣютъ, носятся, облаками кружатся, какъ мелкіе весенніе комары окружаютъ насъ, толкутся подлѣ, они готовы облѣпить насъ, внушить свои мысли, толкнуть на что угодно: на преступленіе, на гадость, на низость. Отъ нихъ не уйдешь. И тотъ — соціализмъ, о которомъ смутно и съ громаднымъ презрѣніемъ говорилось въ полку тоже отъ — бѣсовъ...

Вотъ оно гдѣ и когда онъ познакомился съ бѣсами. Въ родномъ домѣ и бѣсноватая — его кузина — Кольцова!.. Но вѣдь тогда она...

Онъ даже боялся додумать до конца пришедшую въ голову мысль. Все приключеніе сегодняшняго дня въ слободѣ становилось яснымъ, если на мгновеніе допустить все это... Да, Маркъ Волоховъ — тоже бѣсъ русской земли — соціалистъ... Да, да, да... Вотъ оно для чего и «левитація» и «гравитація», вотъ къ чему ведетъ бѣсъ — къ отрицанію Христа, къ обезбоженію народа... Вотъ она бѣсовская цѣль... И кузина Нина... Кольцова... Блѣдными, но какими живыми, тѣнями вдругъ встали и точно прошли передъ нимъ типы русскихъ бѣсовъ, изображенные литературой. Базаровъ, Волоховъ, Ставрогинъ, Верховенскій и... тотъ казакъ, живой, невыдуманный, что напугалъ сегодня Нину. Была связь между сегодняшнимъ, вѣрнѣе, вчерашнимъ днемъ въ слободѣ и вечеромъ спиритическаго сеанса. Бѣсъ былъ и тутъ и тамъ и нужно было прогнать его во что бы то ни стало.

Если-бы теперь онъ встрѣтилъ этого казака, кажется, задушилъ-бы своими руками. Можно-ли, однако, задушить бѣса?.. Нужно молиться. И тутъ почувствовалъ и жажду молитвы и свое безсиліе. Онъ на зубокъ знавшій всѣ молитвенныя пѣснопѣнія, столько разъ пѣвшій ихъ на клиросѣ, вдругъ ощутилъ, что онъ ничего не помнитъ, что онъ не можетъ молиться. Молитвы выпали изъ его головы. Если запѣть... 90-ый псаломъ, или Великое Славословіе... Услышатъ... кузины... Бѣсноватыя... Засмѣютъ... И... стыдно стало... Молиться стало стыдно...

И только сталъ думать объ этомъ, какъ почувствовалъ, что бѣсъ овладѣваетъ имъ. Вдругъ точно все перемѣнилось, точно напуганный было бѣсъ ободрился, увидавъ его слабость, и вошелъ въ него. Все стало просто и самое утреннее приключеніе стало рисоваться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Вдругъ ощутилъ на своихъ губахъ свѣжій поцѣлуй Нины. Да вѣдь это былъ — поцѣлуй! Точно увидалъ стройную, гибкую въ шубкѣ фигуру кузины, ея загадочные блѣдно-голубые глаза, тонкій профиль умнаго лица и точно услышалъ голосъ своего пріятеля Серебрянаго: «да, посмотри на нее — это-же классъ! Ты не знаешь, что такое интел-

лигентная женщина, особенно дѣвушка, да это-же такая страсть!.. Бери, лови!.. Столъ леталъ по комнатѣ, чортъ съ нимъ со столомъ. Подумай, какая это должно быть страстная дѣвушка... Иди къ ней, цѣлуй ее. Она тебя любитъ... Она ждетъ тебя, все это, милый мой, фокусы для того, чтобы тебя увлечь... Чертовка... Чортъ съ ней, тѣмъ интереснѣе... Вѣдьма, а лихому хорунжему самое лучшее познакомиться съ вѣдьмой. Тамъ... въ комнатѣ, въ этомъ прозрачномъ февральскомъ утрѣ тебя ждутъ необычайныя наслажденія съ бѣсноватой».

Страхи, желаніе молиться — все исчезло въ сладкомъ туманѣ любопытства и страсти.

Жоржъ всталъ съ постели, освѣжилъ лицо полотенцемъ съ холодной водой, надѣлъ мундиръ и тихонько вышелъ изъ комнаты.

Бѣсъ овладѣлъ имъ.

XVII

Свѣтало. Былъ тотъ мутный, февральскій, сѣренькій разсвѣтъ безъ тѣней, когда всѣ предметы уже достаточно ясно видны на воздухѣ, а въ комнатахъ все еще лежитъ голубоватый сумракъ...

Никто въ домѣ не вставалъ. Утренніе кочета еще не пропѣли. Жоржъ увидалъ въ окно корридора, какъ отъ церкви, къ занесенному снѣгомъ «проспекту», къ крыльцу съ колоннами заворачивали запряженныя парой крестьянскія сани — это Пименъ подавалъ, чтобы везти Жоржа въ Окружную станицу... Ничего — подождетъ... Чуть доносилось бряканье колокольца на дугѣ и бубенцовъ на ожерелкахъ. Эти живые звуки окончательно прогнали всѣ страхи, осталась только жажда увидѣть Нину живой, здоровой и познать ее совсѣмъ. Такъ естественно, что онъ подойдетъ къ ней передъ отъѣздомъ справиться о ея здоровьѣ.

Жоржъ осторожно, на носкахъ, подошелъ къ двери спальни Нины и постучалъ. Неро сейчасъ-же отозвался, за-

ворчалъ и негромко тявкнулъ. Сквозь дощатую одностворчатую дверь было слышно, какъ скрипнула кровать.

— Кто тамъ?..

Сонный голосъ Нины показался Жоржу милымъ, красивымъ и напомнилъ голосъ Наталлъ, когда, говоря за Лизу, изъ «Горя отъ ума» она сказала: — «который часъ». Щекочущіе мураши побѣжали по тѣлу Жоржа.

— Это я, кузина... Жоржъ...

— Жоржъ?.. въ голосѣ Нины было удивленіе. — Ну, что случилось?..

— Кузина, простите меня...

— Ахъ... Это... И вы меня будите для этого?..

— Я всю ночь не спалъ... Все безпокоился о вашемъ здоровьи.

— Ну, вотъ... Глупости какія... Я совершенно здорова. Я спать хочу. Зачѣмъ вы разбудили меня?.. Противный.

— Я уѣзжаю, кузина... Сейчасъ уѣзжаю, мнѣ хотѣлось... проститься съ вами. Убѣдиться, что вы здоровы.

— Не совсѣмъ-же вы уѣзжаете... Скоро и вернетесь. И для этого будить?..

— Кузина, мнѣ надо спросить васъ.

— Ну, что еще?..

Кровать сильнѣе заскрипѣла, у двери завозился Неро. Дверь слегка пріоткрылась, Неро выскользнулъ въ нее, толкнувъ Жоржа, завилялъ, извиняясь, хвостомъ и помчался внизъ по лѣстницѣ. Изъ комнаты пахнуло душистымъ теплomъ. Нина въ бѣломъ пикейномъ халатикѣ съ голубыми отворотами, доходившемъ до щиколодокъ, съ ногами въ голубыхъ туфляхъ, съ двумя каштановыми, небрежно скрученными косами, перекинутыми на передъ и свисавшими до пояса, стояла въ щели, держась одной рукой за дверь, другой за притолоку.

— Ну, что вамъ?..

Острое, лисье лицо было румяно отъ сна, глаза тонули въ глубокой тѣни, синіе огни медленно разгорались въ нихъ. Тонкая, дѣвичья шея была вся видна, халатъ былъ широкъ и небрежно запахнутъ. Бѣлая нѣжная грудь и

сквозная прошивка рубашки сквозили подъ шеей.

У Жоржа кружилась голова. Онъ не зналъ ни что говорить, ни что дѣлать.

— Кузина, мнѣ вчера было такъ страшно за васъ.

— Только для того, чтобы сказать это вы и подняли меня съ постели?

— Я боялся, что вы заболѣли.

— Это не ваша забота.

— Кузина...

— Ну, что, кузенъ?..

— Скажите мнѣ, прошу васъ... Тотъ, казакъ... или вообще человѣкъ, котораго мы встрѣтили вчера... И есть тотъ студентъ, о комъ разсказывала вчера Вѣра?.. Медіумъ?..

— Ахъ вотъ что... Я просила васъ забыть и никогда не говорить объ этомъ. Вы дали слово.

Тоска и тревога появились въ глазахъ Нины.

— Слушайте... Мнѣ холодно ногамъ. Изъ корридора дуетъ.

— Позвольте я войду...

—Ну что вы... Развѣ можно. Вы хотя и кузенъ, все таки — мужчина.

Стыдливымъ жестомъ Нина поправила воротъ халата и такъ вышло, что вдругъ выскочилъ откуда то съ груди золотой крестикъ на цѣпочкѣ. Тонкій, крестильный крестъ. И мгновенно дьяволъ оставилъ Жоржа. Онъ самъ не понималъ, какъ это случилось, ему стало просто стыдно, что онъ такъ зря побезпокоилъ милую кузину утромъ и еще можетъ она простудиться.

— Прощайте, кузина... Простимся. Скажите, что вы на меня не сердитесь?..

— Да, ей Богу, нисколько...

— Я уѣзжаю... Можетъ быть надолго.

Нина засмѣялась.

— Благословить васъ?.. Такъ, представьте... Не умѣю. У насъ это не дѣлается.

Насмѣшливые, но и ласковые огни засвѣтились въ посинѣвшихъ прозрачныхъ глазахъ.

— Мнѣ кажется, кузенъ... Я хочу вѣрить, что вы, несмотря на ваше ужасное воспитаніе... на то, что вы офицеръ... опричникъ... Все таки — порядочный человѣкъ... Что вы — Кольцовъ...

Вдругъ, неожиданно, порывисто руки Нины бросили дверь и притолоку и душистымъ объятіемъ обвились вокругъ шеи Жоржа. Горячія губы прильнули къ его губамъ, обожгли мгновеннымъ поцѣлуемъ и оторвались.

И не успѣлъ Жоржъ вполнѣ прочувствовать всю сладость совершившагося, какъ уже стоялъ передъ запертою на запоръ дверью, въ тишинѣ утра, въ пустомъ корридорѣ. Внизу подъ окномъ ожидали сани для дальняго степного пути, изъ зала доносились голоса, дяди собрались пить кофе. Надо было идти прощаться съ ними.

И вотъ разостлалась снѣжная бѣлая дорога, синеватый слѣдъ уходитъ въ безконечную даль, ровно и мѣрно бѣгутъ лошади, машутъ подвязанными хвостами въ огвѣтъ на удары кнута и близится что-то новое, неизвѣстное, жизнь показываетъ еще сторону свою и сладки воспоминанія прошлаго, женскихъ и дѣвичьихъ объятій и поцѣлуевъ.

Жоржъ оглянулся на домъ. Отъ ночныхъ страховъ и волненій и слѣда не осталось. Домъ стоялъ въ яркихъ солнечныхъ лучахъ бѣлый, простой и ничѣмъ не таинственный, просто милый домъ, въ которомъ жили чудаки-дяди и прелестныя кузины и гдѣ завязывалась какая-то совсѣмъ особая любовь.

Да, хорошо жить на свѣтѣ, и на льготѣ не такъ уже плохо, когда за плечами мало лѣтъ.

Жоржъ, однако, вздохнулъ: никто не стоялъ на крыльцѣ дома, никто не вышелъ проводить Жоржа.

Кузины спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ.

XVIII

Окружный Атаманъ оказался невысокимъ, кряжистымъ, широкоплечимъ полнымъ старикомъ, съ краснощекимъ и одутловатымъ лицомъ, обросшимъ густою сѣдою бородою.

Онъ былъ недавно произведенъ въ генералы, на его кителѣ блистали, сверкали, искрились серебряною канителью широкіе генеральскіе погоны и отъ нихъ плечи казались еще шире и вся фигура выглядѣла квадратною.

Онъ скинулъ съ носа пенснэ въ золотой оправѣ, въ которомъ онъ читалъ разбросанныя передъ нимъ бумаги, стоя, выслушалъ рапортъ Кольцова о прибытіи въ его распоряженіе, сѣлъ въ легкое буковое кресло и сказалъ притворно сердито:

— Что такъ поздно... Афанасій Андреевичъ, когда послано отношеніе Н-скому атаману?..

Густой, хриповатый басъ отвѣтилъ изъ сосѣдней комнаты, куда была открыта дверь.

— Пятаго января, ваше превосходительство.

— А нынѣ — восьмое февраля, господинъ хорунжій.

— Къ нимъ вѣдь почты нѣтъ, нѣтъ и телефона, — заступился за Кольцова тотъ-же хриповатый басъ. — Съ оказіей, ваше превосходительство, пакеты идутъ, ну и того-съ опаздываютъ, ваше превосходительство. Я говорилъ, докладывалъ вашему превосходительству, чтобы съ нарочнымъ.

— Все одно, — смягчаясь, сказалъ Окружный атаманъ, — въ конечномъ счетѣ даже и лучше вышло, что опоздали. Менѣе примѣтно. Ждать вамъ не приходится. Пріѣхали, тутъ и дѣло. Тамъ, у васъ, Афанасій Андреевичъ, никого изъ писаришекъ нѣтъ?..

— Никого, ваше превосходительство, всѣ на обѣдъ ушли, я одинъ, ваше превосходительство.

Какъ видно, атаману доставляло удовольствіе перебрасываться вопросами съ кѣмъ-то, сидѣвшимъ въ сосѣдней комнатѣ, чтобы чаще слышать новый для него, ласкающій слухъ, еще, такъ сказать, необыгранный титулъ, а тому тоже доставляло удовольствіе часто повторять это: «ваше превосходительство».

— Дѣло-то вотъ въ чемъ, — началъ атаманъ и вынулъ папиросницу. — Вы курите?.. Не стѣсняйтесь. Асмоловскія... Не плохой табачокъ. И нашъ. Дѣло то вотъ въ чемъ — деликатное у насъ дѣло. По Округу, видите-ли,

бродитъ нѣкій революціонеръ, — это слово Атаманъ выговорилъ со вкусомъ, точно оно нравилось ему. — Да-съ революціонеръ-съ... Опасный, знаете, террористъ... Получилъ я о семъ увѣдомленіе отъ жандармскаго ротмистра... Да... Какъ его?..

— Залетаева, ваше превосходительство, по приказанію полковника Шварца, — раздалось изъ сосѣдней комнаты. Тамъ тяжело громыхнули сапоги, звякнули шпоры и самъ Афанасій Андреевичъ появился въ тѣсномъ кабинетѣ атамана и весь его наполнилъ своею особой. Кольцовъ даже и не предполагалъ, что могутъ быть такіе громадные люди. Есаулъ былъ саженнаго роста и такой же въ плечахъ. Густые черные волосы вились кольцами, черная мягкая борода обрамляла щеки. Онъ протянулъ Кольцову большую пухлую руку.

— Да, да, — продолжалъ Атаманъ, поглядывая на своего адъютанта, какъ-бы спрашивая у него провѣрки своихъ словъ. Славный этотъ ротмистръ Залетаевъ, играетъ въ тетку, какъ богъ. Такъ вотъ обнаружился, значитъ, этотъ самый террористъ въ нашемъ Округѣ... Да и оказался, чортъ его подери совсѣмъ, — нашъ, — есаулъ Воронкинъ... Обнаружился онъ на хуторахъ еще въ январѣ. Схватились поймать его, анъ нѣтъ, не такъ это просто оказалось. Былъ онъ тутъ на хуторѣ Плѣшаковѣ, самые знаете, отчаянные казачишки на этомъ хуторѣ. Ихъ давно тамъ учитель портилъ... Собралъ этотъ Воронкинъ ихъ на «метингъ», по нашему, какъ бы, что-ли на хуторской сборъ. Мнѣ урядникъ о томъ докладывалъ. Повелъ бесѣду. Ну, наша казуня и уши развѣсила. Всю исторію Войска Донского доложилъ имъ по своему, шиворотъ на выворотъ. Стенька Разинъ, Кондрашка Булавинъ, Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ — это, видите-ли, Донскіе герои, которымъ подражать надо, ну а Платовъ, Бакановъ, Орловъ — это, молъ, генералы, угнетатели казаковъ, что кровь казачью пили... Ну, тамъ, какъ у насъ водится — о Москвѣ, о томъ, что безъ разрѣшенія Петербурга и фонарей въ Новочеркасскѣ поставить нельзя

и еще о... Царизмѣ... Вы слово-то такое, хорунжій, слыхали когда?..

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Думаю, что такъ... Это онъ такъ Государя Императора, Имперію Россійскую казакамъ изображалъ. Ну, народъ темный. Тутъ имъ и о землѣ даровой преподнесъ и о томъ, что вы, молъ, служите, стараетесь, а на вашихъ спинахъ кто ѣздитъ?.. Зловреднѣйшая личность. Распалилъ, знаете, казаковъ, больше некуда. На стѣну лѣзутъ... Москва-де васъ угнетала, васъ разоряла, а того не сказалъ, что до Москвы-то жили вы въ камышевыхъ городкахъ, татарами разоряемыхъ, ну словомъ — напѣлъ... Ну и о службѣ казачьей, о томъ, какъ дорого стоитъ справа казачья и что вовсе это не нужно, что можно устроить такъ жизнь, что ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, что войнъ никакихъ не будетъ, что будетъ общій миръ, словомъ говорилъ все то, что обыкновенно говорятъ соціалисты, когда смущаютъ народъ. Ну, однако, нашлись старые твердые казаки, поумнѣе его, говорятъ: «отцы наши служили и намъ заповѣдали служить, и служба есть нашъ казачій долгъ передъ Государемъ, Россіей и Кормильцемъ Тихимъ Дономъ»... Застыдились казаки, пошли уже разговоры, что выдать надо Воронкина, чтобы онъ не смущалъ ихъ зря. Тотъ опять ухватился за исторію. Часа полтора талдычилъ имъ свое: «съ Дона», молъ, «выдачи нѣтъ. Никогда никого Донъ-де не выдавалъ. Какіе преступники бѣжали изъ Москвы на Донъ, Донъ держалъ ихъ крѣпко»... Ну, знаете, какъ эти летучія словечки легко на душу падаютъ: «съ Дона выдачи нѣтъ»... Понравилось... Весь хуторъ, молодежь, конечно, особенно, тѣ у кого молоко на губахъ не обсохло, желторотые, ну и горлопаны станичные заорали: «не выдадимъ!.. Вы, ваше благородіе, коли чего къ намъ — мы оружимся, а васъ не выдадимъ»... Чистый бунтъ. Я послалъ урядника и понятыхъ, чтобы забрать его. Такъ онъ, какъ между рукъ прошелъ, точно и не было его вовсе. Я хуторскихъ на допросъ. Самъ ѣздилъ... Какъ одинъ уперлись, никогда ничего такого не было и никакого такого Воронкина мы и не видали и

слыхомъ не слыхали. Подъ присягу идутъ — не знаемъ ничего. Вотъ оно какой озорной народъ нынѣ сталъ. Подъ присягу!.. Значитъ надо его искать и уже брать на мѣстѣ преступленія, можетъ быть, и вооруженною силою, надо посылать не урядника, а офицера. Своего посылать, сами понимаете, мнѣ неудобно. Если что выйдетъ — онъ всегда на виду. Среди казаковъ на него озлобленіе. А ему, — весна на носу, въ льготные лагери идти, съ этими самыми людьми работать — хорошаго мало.

— Да и некого послать, ваше превосходительство, — вмѣшался есаулъ, — я вамъ докладывалъ, ваше превосходительство, хорунжіе по станицамъ на занятіяхъ, подъесаулъ Хворобинъ у военнаго пристава въ адъютантахъ... Сотникъ...

— Ну, это — некого... Это вы уже напрасно... А васъ послать, къ примѣру?..

Есаулъ засмѣялся.

— Я и въ хату не влѣзу, ваше превосходительство.

— Некого. Офицеровъ на двѣ дивизіи хватитъ, а послать точно некого. А тутъ прослышанъ я былъ, что вы у родственниковъ своихъ, у «генераловъ» гостите. Вотъ и подумалъ я — вы и свой и не свой... Ну и, простите, снесся съ вашимъ начальствомъ и просилъ васъ.

— Простите, ваше превосходительство, что опоздалъ, но я, правда, только позавчера получилъ ваше предписаніе.

— И вышло, хорунжій, какъ нельзя лучше, — блестя глазами сказалъ генералъ. — Вчера ночью, то-есть, вотъ значитъ на сегодня ночью, прибѣгаетъ ко мнѣ съ Плѣшакова урядникъ... Съ Дона выдачи нѣтъ... Хмъ, да... Всѣхъ выдавали... И Разина и Булавина выдали и тотъ застрѣлился, бѣдняга, и Пугачева выдали... Такъ тамъ, знаете, опять Воронкинъ проявился. Хуторъ ружьишки какія тамъ были, поразобралъ, выдавать не будутъ. А Воронкинъ ждетъ, молъ, какую то женщину изъ Петербурга и та ему и деньги и паспортъ заграничный, значитъ и казакамъ заплочено будетъ и птица подастся куда-то въ чужіе края, гдѣ рады русской смутѣ и измѣнѣ. Урядникъ — молодчина, какъ лисицу его обложилъ... Знаете, какъ наканунѣ охоты лисьи

сурчины забиваютъ, такъ и онъ его обложилъ, ему теперь податься некуда. Ну, только Воронкинъ тоже здѣшній, онъ каждый ложокъ, каждую балочку знаетъ. И притомъ — лыжи у него. Лошадьми его не нагоните. Такъ вотъ и распорядитесь, господинъ хорунжій, чтобы живого или мертваго, а поймать его.

— Какъ и когда прикажете, ваше превосходительство, — вставая и вытягиваясь спросилъ Кольцовъ. Въ головѣ у него шумѣло. Онъ собственно ничего не соображалъ и совсѣмъ не понималъ, что и какъ онъ будетъ дѣлать. Онъ ни малѣйшаго представленія не имѣлъ о томъ, гдѣ и что такое представляетъ изъ себя хуторъ Плѣшаковъ.

— Я вамъ восемь казаковъ дамъ, вооруженныхъ и тотъ урядникъ, конечно, тоже съ вами.

— Я попрошу васъ дать мнѣ и лошадь. У меня нѣтъ съ собою коня.

— Верьхи?.. Нѣтъ, — верьхи никакъ не годится? Это вы всю музыку намъ испортите. Вы только на коней посядете — по хуторамъ будутъ знать, чего-то неспокойно. Время теперь не охотничье, полеванье кончено — значитъ, не иначе, какъ арестовать кого поѣхали. Онъ и уйдетъ. Вы и станицу не проѣдете, какъ онъ перекинется куда ни есть. Саньми ѣхать надо... Саньми... Двумя саньми по четыре человѣка. Ночью сядете и доѣдете. Тутъ и вовсе не далеко. Урядникъ поѣдетъ съ вами. Онъ вамъ и покажетъ, гдѣ это золото нетянутое обрѣтается. Учить васъ нечего. Сами поймете... По обстоятельствамъ. Ну, конечно, желательно, чтобы живого. Я въ сопротивленіе особенно не вѣрю... Это «съ Дона выдачи нѣтъ» поговорятъ и бросятъ. Тутъ не такой народъ. Тутъ сѣрый народъ. На разговоры прытки, а на разсчетъ жидки. У васъ револьверъ-то есть?

У Кольцова не было револьвера. Онъ же не зналъ, зачѣмъ его вызываютъ.

— Я дамъ свой хорунжему, ваше превосходительство. Старый Смитъ-Вессонъ, это будетъ поосновательнѣе Нагана.

— Хорошо. Вы гдѣ, хорунжій, остановились?..

— Пока на въѣзжей.

— Гмъ... Да... Оттуда, знаете, неудобно. Примѣтное мѣсто.

— Ваше превосходительство, да я возьму хорунка къ себѣ. У меня отдохнетъ, а какъ стемнѣетъ совсѣмъ, отъ меня и поѣдетъ. Никто и вниманія не обратитъ.

— Это хорошо, Афанасій Андреевичъ, очень хорошо, спасибо вамъ большое, а обѣдать васъ обоихъ милости прошу прямо ко мнѣ, ну и пойдемъ, кажется, и дѣла больше нѣтъ... Дома съ урядникомъ весь планъ обмозгуемъ.

XIX

Передъ хуторомъ остановились. Кольцову показалось, что они заблудились въ степи. Урядникъ тихо совѣщался съ правившимъ лошадьми казакомъ.

— Ты постой, Алпатовъ, ить ихъ вѣтряки тута должны обнаружиться, а не видать, — говорилъ казакъ.

— Ну, чего не видать. Зря гутаришь. Скирды ихъ проѣхали. Тутъ съ края и вѣтряки будутъ. Куда имъ пропасть. Слышь, опять таки — гарью несетъ. Тутъ вотъ онъ и самой хуторъ. Ай-да впередъ, трогай помаленьку.

Но возница не трогалъ.

— Тутъ, Харитонъ Васильевичъ, у насъ одно не предусмотрёно.

— Чего?..

— А собаки?..

— Со-ба-ки?..

— А то нѣтъ?.. Брехать не зачали-бы?.. Онъ, я народъ спрашивалъ, страсть какъ напуганъ. По ночамъ, ну чисто не спитъ. Сиганетъ черезъ плетни, лыжи нацѣпитъ и поминай, какъ звали.

— Куда онъ теперь пройдетъ лыжами? Снѣгъ отъ какой — не удержитъ. Опять-же по слѣду погонимъ. Ему слѣдъ то вотъ какъ не желателенъ.

— Канитель.

— Трогай помаленьку.

Оттепель продолжалась. Сани то проваливались въ су-

гробы, то шелестѣли по мокрой, черной землѣ, уже вылѣзшей мѣстами, на буграхъ наружу. Отъ долгой и медленной ѣзды у Кольцова кружилась голова. Онъ чувствовалъ себя лишнимъ и ненужнымъ. Никто съ нимъ не совѣтовался, дороги онъ не зналъ — его везли казаки.

Сани тихо сползали внизъ. Урядникъ вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ онъ и хуторъ. Видать мы къ нему отъ Распопинскихъ садовъ зашли.

Сани опять остановились. Казаки вылѣзли изъ нихъ и расправляли ноги.

— Эй, вы тамъ!.. Курцы!.. — крикнулъ урядникъ, — неча курить! Чего себя до время обнаруживаете. Накуришься опосля. Вложи по патрону, да поставь на предохранительный.

И тутъ Кольцовъ сообразилъ, что вѣдь это онъ долженъ былъ отдавать приказанія и распоряжаться. Но, какъ могъ онъ это дѣлать, когда онъ ничего не видѣлъ того, что ясно видѣли урядникъ и казаки. Ночь была какая-то мутная и все въ этой мути расплывалось и сливалось въ сплошномъ сѣромъ тонѣ. Небо точно опрокинулось на землю и гдѣ было небо, гдѣ степь нельзя было различить. Ни одинъ предметъ не показывался передъ Кольцовымъ и только ногами онъ ощущалъ, что спускается куда то внизъ и мѣстами довольно крутой былъ этотъ спускъ. Темно лиловый сумракъ клубился внизу и, казалось, что густой туманъ залегъ въ логу.

Опять остановились и стали кучкой вокругъ Кольцова. Будто ждали отъ него указаній. Кольцовъ молчалъ, заговорилъ урядникъ. Онъ говорилъ таинственнымъ шопотомъ, точно тутъ въ этомъ лиловомъ туманѣ могли быть люди, точно могли его услышать.

— Вы вотъ, чего, братцы. Сетраковъ, значитъ, съ Иваномъ Чурилинымъ заходите съ хланговъ, отъ самаго колодца, вы знаете иде?..

— Ну, знаемъ.

— Такъ и идите, съ Богомъ. Обороняйте со стороны

базовъ, коли базами подастся — такъ тамъ и берите. Лукьяновъ съ Поляковымъ вы улочкой ступайте, да и станьте по проулку, коли калиткой сиганетъ — настигайте его заразъ. Распопинъ и Бузулушковъ держите къ ворогамъ — тамъ ему засаду и сдѣлайте, да коли услышите чего, выстрѣлы или зашумлю я вамь — бѣгите къ самой хатѣ. А Сергѣевъ съ Косяковымъ вы при насъ въ родѣ, какъ лезерва. Идемъ, ваше благородіе... Ишь нигдѣ и огонька не видать, какъ схоронились, ну да и спать здоровы. Бож-же мой, какъ спятъ, — широко зѣвая, сказалъ урядникъ. — Ни одна собака даже не забрешетъ. Да чего ей и брехать-то, она чуетъ свои казаки идутъ... Вотъ она и молчитъ. Съ угрѣва вставать не хотитъ. И лаять ей не охота. Да и ночь то те-еплая...

Кольцову казалось все это похожимъ на маневры. Такія и тамъ бывали въ цѣпи полусогнутыя фигуры казаковъ съ винтовками на перевѣсъ, крадущіяся впереди и постепенно исчезающія, точно тающія въ туманѣ.

— Пожалуйте, ваше благородіе, за мною.

Только прошелъ Кольцовъ шаговъ двадцать, какъ точно кто протеръ ему глаза — вдругъ вмѣсто густого лиловаго тумана оказались какіе то кусты, плетни и прямо передъ нимъ бѣлая стѣна высокаго сарая подъ крутой шапкой соломенной крыши. Запахло гарью, навозомъ, овчиной, еще будто ладаномъ и, совсѣмъ уже неожиданно, Кольцовъ очутился въ маленькой улочкѣ между плетней и бѣлыхъ стѣнъ. Темныя нити растеній висѣли, какъ волосы, съ огорожей, обремененныхъ пухлымъ снѣгомъ; топырились вѣтвями черныя яблони надъ ихъ головами и слышна была дружная ночная капель тающаго снѣга. И такъ неожиданно, что Кольцовъ, нервы котораго были напряжены до крайности, вздрогнулъ и остановился, — за стѣною низкаго сарая пропѣлъ пѣтухъ.

Въ плетнѣ показалась бѣлая, досчатая дверь. Урядникъ нажалъ ее плечомъ, еще и еще.

— Кабы не заложёна снутри, — прошепталъ онъ.

Но дверь, шурша раздвигаемымъ ею снѣгомъ, подавалась, и урядникъ поманилъ къ себѣ Кольцова.

Сейчасъ-же залаяла собака.

Кольцовъ вошелъ въ занесенный снѣгомъ садъ. Сквозь переплетъ тонкихъ черныхъ стволовъ показалась бѣлая хата, крытая соломой. Собака лаяла сильнѣе, хрипѣла, давясь въ ошейникѣ и звенѣла цѣпью.

— Ишь, стерьва, угомону на ей нѣтъ, — проговорилъ урядникъ.

Въ окнѣ хаты, въ щели ставни показался свѣтъ.

— Должно дома... Не бѣжалъ, — со вздохомъ сказалъ урядникъ и, увлекая за собою Кольцова, быстро подался къ крыльцу. Они перепрыгнули черезъ низкій плетень и по мокрымъ, деревяннымъ ступенямъ вскочили на крыльцо.

— Вставай, ваше благородіе! Гости пришли! Примай гостей, — грубо крикнулъ урядникъ, просовывая топоръ между дверью и стѣной и, стараясь вывороти дверь наружу.

— Кто тамъ, — раздался усталый, но спокойный, не сонный голосъ.

— Самъ знашь, кто. Отворяй добромъ...

— Нечего безобразить. Если вы сломаете дверь стрѣлять буду.

Урядникъ работалъ ловко и быстро. Просунувъ лезвее топора въ щель, онъ вывернулъ его, надавилъ плечомъ, и дверь, колыхаясь на надорванныхъ петляхъ, распахнулась во всю ширину въ хату. Въ тотъ же мигъ два яркихъ огня ослѣпили Кольцова и надъ его головой и подлѣ уха, обжигая его, свиснули пули и громомъ прогремѣли выстрѣлы.

Кольцовъ почувствовалъ пустоту за собою. Урядникъ и казаки шедшіе за нимъ мгновенно куда-то исчезли, точно и не было ихъ вовсе. Прошло одно, краткое мгновеніе, но въ него Кольцовъ необычайно ясно увидалъ все, что было въ хатѣ, тускло освѣщенной маленькой керосиновой лампочкой безъ абажура. Въ тѣсной и низкой горницѣ было почти пусто. Лампа стояла на простомъ столѣ, за столомъ, на лавкѣ сидѣлъ старикъ въ шубѣ, безъ шапки, съ спутан-

ными сѣдыми волосами. У стѣны возлѣ печи стоялъ человѣкъ въ одномъ бѣльѣ. У него чуть дымилъ въ рукѣ револьверъ, направленный въ Кольцова. Мысль Кольцова работала быстрѣе молніи.

«Живого... Надо живого... Какъ въ корпусѣ, въ дракѣ, кинуться на него головою впередъ въ самыя колѣни и свалить его на себя, а тамъ подминать его подъ себя и вязать».

Смахнувъ лѣвой рукой на полъ лампочку, Кольцовъ изогнулся, какъ кошка, ринулся впередъ и схватилъ человѣка въ бѣльѣ подъ колѣни. Въ тотъ же мигъ раздался еще выстрѣлъ и оба съ грохотомъ, опрокидывая столъ, полетѣли на полъ.

Былъ непріятенъ и жутокъ ударъ головы о сухія тощія колѣни и тошнотворенъ запахъ давно немытаго мужского тѣла. Но это продолжалось одно мгновеніе. Сзади послышался дружный топотъ тяжелыхъ сапогъ и неистово грозно кричалъ въ пространство урядникъ:

— Огня!.. Жив-во огня!!.

XX

Откуда-то, должно быть, отъ сосѣдей принесли лампу и фонарь «Летучая мышь». Кольцова освободили отъ схватившаго его человѣка. Косяковъ вязалъ тому полотенцемъ руки назадъ. Блестящій Браунингъ валялся на полу. Сергѣевъ его сейчасъ-же поднялъ. Сѣдобородый старикъ по прежнему неподвижно и какъ то величественно стоялъ за столомъ, точно все происходившее его никакъ и не касалось. Мохнатая баранья шуба покрывала его плечи. На крыльцѣ толпились сбѣжавшіеся на выстрѣлъ казаки. Въ хатѣ было холодно, пахло пороховымъ дымомъ и керосиномъ. Жестяная лампочка съ разбитымъ стекломъ валялась подъ столомъ.

Кольцовъ посмотрѣлъ внимательно на арестанта. Тотъ стоялъ, разставивъ босыя ноги, сплевывая кровь съ губъ, при паденіи или въ свалкѣ, когда вязали его, онъ разбилъ лицо. Скомканная русая бородка топорщилась впередъ, рѣд-

кіе волосы прямыми тонкими прядями упадали на лобъ. Голова была опущена.

— Григорій Ивановичъ!.. — воскликнулъ Кольцовъ.

Арестантъ поднялъ голову и такая жгучая ненависть, злоба и отвращеніе проявились на его лицѣ и въ тусклыхъ сѣрыхъ глазахъ, что у Кольцова похолодѣли ноги и онъ невольно опустилъ голову и повернулся къ старику.

— Стыдно... Кольцовъ..., — тихо, но четко сказалъ арестантъ.

На него набросился урядникъ:

— Вы вотъ чего, ваше благородіе, вы уже лучше сами помалкивайте. Ить сами знаете на комъ стыдъ то лежитъ. Поѣхали, тамъ васъ по Божецки разсудятъ. Начальство разберетъ.

— Дайте, братцы, хоть одѣться-то.

— Къ этому съ нашей стороны препятствіевъ нѣтъ, — сказалъ урядникъ.

Кольцовъ съ напускною строгостью обратился къ старику.

— Ты чего тутъ дѣлалъ, станица?..

Старикъ повалился въ ноги офицеру.

— Ваше благородіе, ить рази его распознаешь, ну что онъ за человѣкъ?.. Приходитъ... Ну, свой... Да знаю-же я его. Отца протоіерея сынокъ. Кто-же его не знаетъ?.. Свой!.. Свой!.. Ну — свой-же! Опять таки — офицеръ. Кто-же его зналъ, какой онъ сталъ... Чистая тумà. Говоритъ намъ складно — слухать охота...

— Ты чего тамъ старикъ распѣлся-то..., — крикнулъ на старика урядникъ. — Одѣвайся, да и поѣдемъ съ нами къ Окружному. Можетъ, еще и понадобишься какъ въ свидѣтели... Я т-табѣ знаю наскрозь... Вентерёчки!..

— Харитонъ Василичъ!.. Харитонъ Василичъ! — захрипѣлъ, вставая и одѣваясь, старикъ. — Ить это какой грѣхъ старое вспоминать. Ну и точно... не отрицаю. Въ запретное время поставилъ вентерёчки, такъ ить это когда ишшо было-то! Ты, поди, безъ портокъ ходилъ!.. А тутъ, ей Богу ну, не причемъ.

— Не причемъ!.. Не при чемъ?!. А кто оралъ: «съ Дона выдачи нѣтъ»?.. А ишшо старый казакъ.

— Такъ я-жъ! Господи!..

Сани подали къ самой хатѣ. Въ переднія посадили свяваннаго арестанта и съ нимъ старика, туда же сѣлъ и урядникъ. Кольцовъ ѣхалъ сзади. По всему хутору дружно, хрипло, надрывисто лаяли собаки. Во всѣхъ хатахъ было темно, ни одна щель между ставень не свѣтилась, Но Кольцовъ, проѣзжая улицей, чувствовалъ, что за каждымъ окномъ таились казаки и слѣдили, какъ увозили отъ нихъ пропагандиста Воронкина.

Смутно, сумбурно, а въ общемъ тяжело и непріятно было на душѣ Кольцова. Томила мысль — какія, однако, отношенія могли быть между кузиной Ниной и этимъ террористомъ?.. Не грозилъ-ли этотъ арестъ и Нинѣ какою то опасностью?.. Такъ не вязался противный кислый запахъ, шедшій отъ арестанта, запахъ нечистоты и прокисшаго курева и изящная, тонкая загадочная кузина, такая, какая прощалась съ нимъ третьяго дня на разсвѣтѣ.

Первый разъ почувствовалъ, какъ можетъ быть иногда тяжекъ офицерскій долгъ, какъ сложна можетъ быть защита Престола и Отечества отъ врага внутренняго.

Жуткое, склизкое, сѣрое было это чувство, въ немъ не было очарованія, подвига, праздника одержанной побѣды. Ему такъ отвѣчало сѣренькое тусклое утро, мелкій дождь и сырые просторы степи.

XXI

По выполненіи необходимыхъ формальностей, составленія рапорта, допроса у Окружнаго Атамана — Кольцовъ былъ отпущенъ домой. Окружный засыпалъ Кольцова благодарностями, обѣщалъ сообщить въ полкъ о доблестномъ поведеніи хорунжаго при арестованіи важнаго государственнаго преступника, оказавшаго вооруженное сопротивленіе, — очень уже росписали подвигъ Кольцова урядникъ и казаки: «кабы не ихъ благородіе и намъ не быть бы живы

и преступникъ ушелъ-бы. Ить прямо на выстрѣлы кинулись, очертя голову... Какъ Господь спасъ. Чьими молитвами»...

Уѣзжалъ изъ Кольцовки одинъ человѣкъ — возвращался другой. Всю дорогу, а ѣхать пришлось долго — весна вступала въ свои права — и сани мѣстами ползли по черной, вязкой землѣ — Кольцовъ думалъ о Григоріи Ивановичѣ и кузинѣ Нинѣ.

Жизнь растворила передъ Кольцовымъ уже не узкую щель, но широкое окно и показала въ него страшную, злобную гримасу.

«Что-же это такое?.. Что-же это, въ самомъ дѣлѣ и какъ я долженъ былъ поступить и какъ мнѣ быть дальше»?..

Назади оставалась станица, гдѣ Окружный Атаманъ и офицеры чествовали Кольцова обѣдомъ, съ рѣчами и пѣснями въ его честь, гдѣ пили шампанское и радовались, что поймали такого опаснаго и подлаго человѣка, избавились отъ язвы, отъ оскорбительнаго пятна на Округѣ. Назади были казаки, восторженно привѣтствовавшіе Кольцова, какъ безстрашнаго офицера.

Кольцову подали прекрасную тройку и казакъ-ямщикъ, осклабясь, умиленно смотрѣлъ на офицера и держалъ полость.

— Какъ вы его, ваше благородіе, сказывали мнѣ хуторцы, схватили... Уму непостижимо... А онъ изъ левольверта въ васъ-пять, сказываютъ, пулевъ пустилъ. Сохранила васъ Божія Матерь Заступница. Избавили насъ отъ этакого тумы... Есть-же, прости Господи, такіе неосновательные люди. Какъ земля ихъ только носитъ...

Кольцовъ уѣзжалъ изъ станицы — героемъ!.. Крики ура его провожали. Самъ Атаманъ пришелъ проводить, махалъ шапкой, кричалъ:

— Спасибо, родной!.. Спасибо!..

Но выѣхалъ за околицу, миновали вѣтряныя мельницы на курганѣ, съ безжизненно повисшими крыльями, уже сталъ наѣзженный между сугробами путь, въ сторону отошли поющіе невѣдомую пѣсню столбы телеграфа, залегла

кругомъ степь, сѣрая, задумчивая, печальная, заморосилъ мелкій скучный дождь, стало укачивать нырянье саней по ухабамъ, усыплять звонъ колокольца и бормотанье бубенцовъ, прохладный, сырой, пахнущій весною воздухъ сталъ томить и неясныя сначала, потомъ все болѣе опредѣленныя мысли пошли нестройною чередою въ головѣ.

Идти навстрѣчу выстрѣламъ?.. Пули совсѣмъ близко просвистали, ожегъ за ухомъ и сейчасъ саднилъ раздражающею болью, полъ-вершка лѣвѣе и смерть... Казаки не пошли, пошелъ онъ!.. Да... Это и правда — лихо!.. По офицерски, смѣло, красиво!.. Не думая о смерти, не думая объ опасности исполнить свой долгъ... Но почему вотъ теперь, здѣсь въ степи сознаетъ Кольцовъ, что этимъ не только нельзя хвастать въ Кольцовкѣ, но лучше и совсѣмъ промолчать о томъ, что было на хуторѣ.

Онъ взялъ опаснаго террориста? Человѣка кругомъ подлаго, нарушившаго присягу, долгъ офицера и казака и покушавшагося на жизнь Государя Императора, Кого Кольцовъ обожалъ. Гнусность поведенія Воронкина Кольцову была ясна, жалости къ нему не было, онъ даже не думалъ, что будутъ съ нимъ дальше дѣлать, такъ почему-же, какъ вспомнитъ эти слова: «стыдно, Кольцовъ!..», точно темная ночь станетъ на сердцѣ.

Какъ-то на все это посмотрятъ въ Кольцовкѣ Богоискатели-дяди и вольнодумныя кузины?...

Кольцовъ зналъ, что его дяди «либералы», такъ не разъ называли ихъ и на Дону и въ Петербургѣ. Въ это слово «либералъ» никогда и никто не вкладывалъ осужденія, часто, напротивъ, какъ-бы въ заслугу имъ ставили, что вотъ одинъ заслуженнѣйшій генералъ, другой профессоръ, чутьли даже не академикъ, а вотъ — «либералы»!.. Они были кромѣ того «пацифисты», они не разъ при Жоржѣ говорили ,что война не достойное занятіе для культурнаго человѣка, что Государства должны разоружиться, что тогда и войнъ не будетъ и это какъ-то сходилось съ тѣмъ, что проповѣдывалъ по станицамъ Воронкинъ, но вотъ Воронкина

схватили, арестовали, а дяди пользуются всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ.

Возражать дядямъ Жоржъ не смѣлъ, но слушать ихъ было всегда тяжело.

«Въ Россіи плохо, очень плохо, да, въ конецъ плохо» — говорилъ Осипъ Михайловичъ. — «Россія — гигантъ на глиняныхъ ногахъ, подмокнутъ ноги и повалится гигантъ на потѣху толпѣ. Революціонеры правы, что ведутъ борьбу съ правительствомъ». Жандармовъ и полицію — дяди презирали. И дядя Осипъ Михайловичъ, какъ кузина Нина, тоже зналъ «стишки», и тоже говорилъ, что Пушкина, онъ показывалъ свою правовѣдскую золотую пуговицу, гдѣ былъ изображенъ рядъ томовъ Свода Законовъ и надъ ними Императорская корона и говорилъ: «посмотри, Жоржъ, и запомни: «Въ Россіи нѣтъ закона, а столбъ и на столбѣ корона». Легко запоминались эти стишки. Въ этой атмосферѣ какого-то презрѣнія къ Россіи, къ самимъ себѣ, выросли и кузины. Вотъ откуда эти обидныя насмѣшки надъ офицерскимъ званіемъ Жоржа, называніе его «опричникомъ» и какое-то пренебреженіе имъ, выхоленнымъ, воспитаннымъ гвардейцемъ... А вотъ такой, какъ Воронкинъ, Нинѣ нравился... Да, нравился-ли?.. Не было-ли тутъ какого-то тайнаго и еще болѣе страшнаго чувства?..

Солнечный день клонился тихо къ вечеру. Усталыя лошади бѣжали мѣрною, ровною рысью, точно заведенныя механическія игрушки. Лѣвѣе ихъ и нѣсколько спереди бѣжали по рыхлому снѣгу голубыя ихъ тѣни съ непомѣрно длинными ногами.

Совсѣмъ неожиданно для Жоржа надъ степью вдругъ показались озаренныя розовымъ свѣтомъ закатнаго солнца бѣлыя стѣны Кольцовскаго дома. Верхнія окна горѣли алымъ пламенемъ, отражая лучи, четко рисовались на стѣнахъ тонкія, задранныя кверху вѣтви тополей. Домъ, одинъ одинешенекъ стоялъ надъ степью, и было въ этомъ одиночествѣ нѣчто удивительно гордое. Онъ былъ въ степи, какъ рыцарскій замокъ на скалѣ, смотрѣлъ въ степь, свободный,

вольный, никого не признающій, самъ по себѣ, съ далекими предками завоевателями и бѣсноватыми кузинами.

Стройныя колонны, — Жоржъ теперь зналъ, — «Дорическаго стиля» становились отчетливѣе и рисовались красивыми, бѣлыми полосами на порозовѣвшей стѣнѣ.

Изъ Кольцовки выѣхалъ довѣрчивый, откровенный, увлекающійся Жоржъ, въ Кольцовку возвращался Жоржъ, который понялъ, что суровое исполненіе возложеннаго на него долга наложило на него нѣкоторую печать, что-то значительное и цѣнное прибавилось къ нему, что-то такое, чего ни ученые дяди, ни бѣсноватыя кузины не поймутъ, но что заставило Жоржа иначе смотрѣть на вещи и на себя самого, точно сталъ онъ выше ростомъ и какъ то значительнѣе.

«Конечно», — думалъ Жоржъ, подъѣзжая къ родному дому, — «здѣсь никому и ничего нельзя говорить, здѣсь скрывать все это придется. Здѣсь это не хорошо... но въ этомъ — долгъ!.. Исполненіе долга передъ Государемъ и Родиной должно быть превыше всего!.. Но, Богъ съ ними! Полковникъ Акимовъ часто намъ, офицерамъ, говорилъ, что излишняя болтливость ни къ чему: «дураковъ мы уму не научимъ, а на умныхъ тоску наведемъ»...

Ну, а, если тамъ уже знаютъ все?.. Тѣмъ хуже... Онъ исполнилъ свой долгъ.

Другимъ человѣкомъ, съ чѣмъ-то новымъ, затаеннымъ въ самомъ себѣ вылѣзалъ Жоржъ изъ саней на крыльцѣ господскаго дома.

XXII

Всѣ кузины, и съ ними Андрей Михайловичъ были въ сборѣ въ залѣ. Кузины за большимъ круглымъ столомъ занимались рукодѣльемъ, Андрей Михайловичъ читалъ имъ вслухъ.

При появленіи Жоржа раздались радостныя восклицанія. Всѣ поднялись ему навстрѣчу.

— А, Жоржъ, такъ скоро!

— Кузенъ, какъ это мило!

— А мы и правда за вами соскучились.

Но первый, и какой шумно радостный кинулся къ Жоржу Неро! Онъ лежалъ, какъ всегда, подъ ногами Нины. Онъ вскочилъ, и крутыми, неловкими прыжками, виляя хвостомъ, взвизгивая и лая, бросился навстрѣчу Жоржу, положилъ тому переднія лапы на грудь, лизнулъ лицо и не зналъ уже, какъ еще показать Жоржу и свою радость и свою преданность. Жоржъ, тронутый восторгомъ собаки теребилъ косматую шерсть на его головѣ.

— Неро!.. Пойди сюда, — сердито крикнула Нина.

Изъ за собачьей морды Жоржъ увидалъ странно искаженное гнѣвомъ, покраснѣвшее лицо кузины.

— Неро!.. Я кому говорю!.. Сейчасъ иди ко мнѣ!..

Собака опустила лапы съ плечъ Жоржа, повернулась было къ хозяйкѣ и, быстро виляя хвостомъ, точно говорила:

— Ну, что въ самомъ дѣлѣ?.. Оставьте насъ. Дайте намъ хорошенько поздороваться!

Неро снова бросился къ Жоржу. Восторги его стали еще бурнѣе.

— Неро!..

Нина широкими быстрыми шагами вышла изъ залы и сейчасъ же вернулась съ тяжелымъ арапникомъ въ рукѣ.

— Кузина... Ну зачѣмъ?.. Собака не виновата, — сказалъ Жоржъ.

— Неро!.. — съ угрозой въ голосѣ крикнула Нина.

Собака, извиваясь, пригинаясь къ полу, прося прощенія у хозяйки и оглядываясь на Жоржа, точно ища у своего утренняго друга и соблазнителя защиты, поползла къ Нинѣ. Та взяла ее за кольцо ошейника и повела изъ зала... Было слышно, какъ хлопнула въ прихожей дверь.

Жоржъ пошелъ здороваться съ дядей и кузинами.

— Боже мой, — сказала Тамара, — какъ Нина разсердилась. Я никогда еще не видала ее такою... На ней лица не было. Боюсь, что она тамъ еще сдѣлаетъ... А все вы... Противный, и правда, противный.

— Ну что, — Жоржъ, — сказалъ Андрей Михайло-

вичъ, — провѣтрился немного. Загорѣлъ на весеннемъ степномъ воздухѣ. Повидалъ станичныхъ людей.

Наступалъ моментъ, когда могли быть вопросы, и надо было лгать, выдумывать, зачѣмъ вызывали Жоржа въ станицу. Не мастеръ былъ сочинять Жоржъ. Но какъ разъ въ это время дверь изъ прихожей въ залъ широко раскрылась и въ ней показалась Нина. Она была очень блѣдна. Ея свѣтлые глаза казались совсѣмъ бѣлыми и безумными. Она тяжело и порывисто дышала, точно бѣжала долго и запыхалась. Въ лѣвой рукѣ у нея былъ небольшой, крупнаго калибра револьверъ.

— Я убила Неро, — сказала она тихо, — пошлите прибрать... Тамъ... Въ подземельѣ.

Она пошатнулась и прислонилась къ дверной притолокѣ. Револьверъ выпалъ изъ ея рукъ. Вѣра подбѣжала къ ней, охватила ее за талью и повела наверхъ. Нина рыдала и истерично смѣялась.

Тамара, Агнія и Жоржъ бросились въ подземелье. Агнія зажгла свѣчу.

У колонны, гдѣ были цѣпи, лежалъ Неро. Изъ его уха вытекла капля крови и подъ мордой была маленькая темная лужица. Неро было еще теплый и гибкій и шерсть не утратила своего шелковистаго блеска.

— Бѣдный, бѣдный Неро, — тихо сказала Тамара. Въ ея голосѣ были слезы. — Такова людская благодарность!.. А все вы, Жоржъ! Вы-же знали Нину... Вы знаете всѣхъ насъ. Вы — здоровый, крѣпкій, съ канатными нервами, закаленный, въ корпусѣ и въ полку... Сол-датъ!.. Мы здѣсь всѣ... Издерганныя, истосковавшіяся... Мы не можемъ отвѣчать за свои поступки.

Жоржъ опустился на колѣни подлѣ Неро и ласкалъ и гладилъ густую черную шерсть собаки. Онъ-то зналъ, чего никто не зналъ, какъ велика дѣйствительно его вина передъ довѣрчивой собакой. Вотъ онъ какъ неожиданно и совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ посчитался съ кузиной Ниной.

— Бѣдный, хорошій Неро... Прости меня... Ты позналъ теперь людскую благодарность и жестокость.

— Ну, полноте, — съ какимъ-то надрывомъ сказала Агнія. — Будетъ еще вамъ скулить. И безъ васъ всѣмъ намъ тошно жить. Я пошлю, Тамара, людей закопать собаку.

XXIII

Дня два послѣ убійства Неро была нѣкоторая натянутость въ отношеніяхъ между Жоржемъ и Ниной. Потомъ — отошло.

Нина первая подошла къ Жоржу и сказала:

— Не удивляйтесь, кузенъ... Ничему не удивляйтесь... Вы, поди, думаете... Какъ это теперь говорятъ: психопатка!.. Или, какъ дядя Андрей Михайловичъ называетъ: бѣсноватая!.. Нѣтъ!.. Это отзвукъ крѣпостного права, частица души тѣхъ самыхъ предковъ, которые стегали плетьми людей у того столба, гдѣ я... убила... У меня былъ рабъ... Я поклялась, что, если онъ когда нибудь измѣнитъ мнѣ и подойдетъ къ другому, — я убью его... Я и убила. Это страшное слово, Жоржъ... Убить это очень трудно... Очень тяжело... Я считаю это отчасти подвигомъ.

— Простите меня, кузина. Я этого не зналъ и, видитъ Богъ, не хотѣлъ.

— Вѣрю вамъ, кузенъ. Насъ всѣхъ тутъ не легко понять... Можетъ быть и правда отъ бездѣлья съ жиру бѣсимся. Да вѣдь гдѣ оно дѣло то въ Россіи?.. Но обо мнѣ не думайте. Я всегда считала, что я способна на убійство.

Нина гордо подняла голову. Точеное лицо покрылось темно-бронзовымъ румянцемъ. Красивъ былъ профиль головы дѣвушки, съ сурово сжатыми губами, съ тонкимъ волевымъ подбородкомъ, крутыми темными бровями и мрачнымъ огнемъ вдругъ потемнѣвшихъ глазъ.

— Я горжусь этимъ... — Нина говорила очень тихо, раздѣляя слова по слогамъ. — Горжусь. У-би-вать это неиз-бѣжно... Убивать... измѣнившихъ народу уг-не-тателей... Ти-ра-новъ...

Она замолчала, точно забыла о чемъ говорила, точно

была въ какомъ-то томившемъ ее снѣ, потомъ добавила скороговоркой:

— Всѣхъ тѣхъ, кто строитъ преграды свободѣ. Прекрасной свободѣ, мирному счастью людей!

Жоржъ не слыхалъ ея словъ, онъ не понималъ, что она говорила. Онъ любовался ею, онъ снова переживалъ ея утренній поцѣлуй. Нина вглядѣлась въ лицо Жоржа.

— Что вы на меня такъ смотрите... — сказала она съ удивленіемъ и испугомъ. — Жоржъ, вы съума сошли! Не смѣйте на меня такъ смотрѣть, а то и съ вами будетъ такъ, какъ съ Неро!..

Она побѣжала изъ зала на лѣстницу такъ быстро, что свѣжій вихрь, вздувшагося ея платья овѣялъ лицо Жоржа.

XXIV

Сначала, послѣ оттепели, налетѣла снѣжная пурга. Она наново выбѣлила уже начавшія чернѣть дорожки сада, налипла большими хлопьями на древесныхъ вѣтвяхъ, шапками накрыла столбы забора, длинными бухлыми скатертями полегла на перилахъ каменной балюстрады крыльца. Снова стала зима. Крѣпкій морозъ съ солнцемъ простоялъ три дня.

Потомъ дулъ сильный, теплый вѣтеръ съ юга. Онъ нагналъ черныя тучи. Нагналъ и прогналъ. Окнами просвѣчивала небесная голубизна и однѣ тучи — темно-сѣрыя — неслись клочьями совсѣмъ низко, казалось, задѣвали вершины высокихъ раинъ широкой аллеи «генеральскаго» проспекта, другія — ярко-бѣлыя — обрамляли голубые просвѣты.

Въ природѣ шла торопливая, суетливая уборка къ весеннему празднику. То и дѣло срывались пласты снѣга съ древесныхъ вѣтвей и падали, разсыпаясь и тая. Внизу немолчно журчали еще невидимые ручьи, наверху галки носились съ озабоченнымъ веселымъ граемъ.

Жоржъ обошелъ садъ и калиткою вышелъ въ степь. Тамъ, гдѣ земля обнажилась, тяжелый черноземъ пудами налипалъ на сапоги. Вязко и тяжело было идти.

На рѣчкѣ, подъ мостомъ, ледъ поломало, онъ осѣлъ кусками внизъ, поверхъ него быстро неслась, желтая, какъ пиво, покрытая пѣной вода.

Степныя дороги раскисли. Третью недѣлю не было почты. Даже въ слободу трудно было пройдти... Вся жизнь замкнулась въ старомъ домѣ.

Послѣ обѣда — его подавали въ два часа — дяди уходили спать наверхъ, кузины собирались у круглаго стола. Вѣра вышивала, Нина читала и дѣлала выписки изъ книгъ въ тетрадь, Тамара шила, Агнія писала акварелью, — Жоржъ садился за рояль и изливалъ душу въ игрѣ. Кузины внимательно слушали.

Жоржъ взялъ два, три аккорда, вспомнилъ мотивъ, подобралъ аккомпаниментъ.

Сегодня утромъ досталъ изъ сундука портретъ. На немъ надпись — «фотографія Императорскихъ театровъ»... Милая надпись. Милый портретъ... Долго смотрѣлъ, разглядывалъ черты несказанно прекраснаго подъ бѣлымъ парикомъ лица. Какъ недоступно далека показалась ему Леля!.. Любимая!.. Онъ повторилъ тогда утромъ это слово, вдругъ такъ неожиданно пришедшее ему на умъ, когда вглядывался въ милыя черты на портретѣ.

Да вотъ оно!.. Нашелъ...

Жоржъ заигралъ, напѣвая:

— Пор-радуйся, малютка,
Чуднымъ апрѣльскимъ днямъ...

Оборвалъ.

— Что это вы играли, кузенъ?..

— Пустяки, кузина Нина... Такъ вспомнилось..

— Когда вы играете вамъ многое можно простить.

— Мнѣ нечего прощать, кузина.

— О-о-о!.. Какой самохвалъ, — сказала Тамара. — А Неро? Онъ мнѣ сегодня снился.

— Неро не въ счетъ. Тутъ грѣхъ, какъ говорится, пополамъ. А собаку видѣть во снѣ — друга имѣть... И догадайтесь, кто этотъ другъ?..

Четыре дѣвичьихъ головы оторвались отъ работы и смотрятъ на Жоржа. Весеннее солнце особенно освѣтило ихъ. Да, вѣдь онѣ прелестны — его кузины!.. Вся группа, какъ Винтергальтеровская картина. Сколько въ каждой изъ дѣвушекъ изящества и благородства. Донскія дворянки. Какая красивѣе, какая лучше?..

— Кузенъ, берегитесь...

— Чего, Тамара?..

— Вы замѣнили Нинѣ Неро. Опасная игра. Видали, чѣмъ она кончается. Измѣните ей и будете лежать въ подземельѣ съ пулей въ вискѣ.

— Молчи, Тамара. Какая ты дуришка. Не думаешь о томъ, что болтаешь.

Но Нина покраснѣла, чего съ нею почти никогда не бывало. Ея лицо стало серьезно и строго. Синіе огни загорѣлись въ глазахъ. Вѣра, Тамара и Агнія улыбаются и всѣ смотрятъ на Жоржа.

Весенній лучъ бросилъ точно ненарокомъ на всю группу золотыя краски. Все заблестѣло, заиграло, заискрилось подъ нимъ. Да, совсѣмъ Императрица Монтихо, окруженная своимъ Дворомъ на картинѣ Винтергальтера.

Лучше, красивѣе, благороднѣе всѣхъ, конечно, кузина Нина съ ея странными свѣтлыми глазами при темныхъ волосахъ и бровяхъ.

Невольно думаетъ Жоржъ: «весна, любовь...».

Теплые токи идутъ отъ сердца по всему тѣлу, заливаютъ румянцемъ щеки, зажигаютъ огни въ глазахъ Жоржа. Хорошо въ прародительскомъ домѣ, легко дышется, страшные призраки зимы исчезли. Склеенный столикъ напоминаетъ о чемъ-то жуткомъ и непонятномъ, но уже забытомъ. Портретъ предка не страшитъ больше, уютно подъ нимъ. Изъ полу-открытыхъ въ прихожую дверей тянетъ весеннимъ духомъ. Слышно, какъ щебечутъ въ саду птицы.

— А Жоржъ-то, посмотри, Нина, щеки-то, щеки-то, яйца на нихъ бросить вотъ и яичница.

— Тамара! Это становится невыносимо глупымъ.

Нина покраснѣла до корней волосъ, она готова встать,

но въ этотъ моментъ Агнія срывается со стула и мчится изъ зала съ крикомъ:

— Миленькія!.. Почта!..

Всѣ побросали работу, вѣнокъ красивыхъ дѣвушекъ расплелся, вслѣдъ за Агніей всѣ побѣжали въ прихожую. Тамъ стоялъ до черна загорѣлый на весеннемъ солнцѣ хлопецъ и изъ тяжелой кожаной сумы вынималъ книги, газеты и письма. Барышни на легкомъ соломенномъ садовомъ столѣ разбирали ихъ. Все было позабыто.

Жоржъ пошелъ къ себѣ наверхъ. Онъ зналъ, что, когда пришла почта, весь домъ стоитъ коромысломъ, все позабыто и обѣдъ, и ужинъ. Всѣ увлекутся письмами и газетами.

«Что-же, подождемъ»...

XXV

Жоржъ слышалъ, какъ кузины прошли по корридору, каждая къ себѣ читать полученныя письма... Потомъ, что-то случилось... Тамара пробѣжала по корридору, у самой двери Жоржа столкнулась съ Вѣрой и торопливо и взволнованно сказала:

— Вѣра, Нина проситъ сейчасъ къ ней. Очень нужно.

Потомъ прошло около часа и вдругъ всѣ кузины молча прошли мимо комнаты Жоржа, направляясь на половину дядей. Этого никогда не бывало. Потомъ все затихло, точно все въ домѣ затаилось.

Давно прошелъ часъ ужина. Солнце ушло за горизонтъ, но у кухни все не звонили въ колоколъ. Въ саду темнѣло, птицы со щебетаніемъ укладывались спать. Жоржъ зажегъ у себя лампу. Къ нему постучали.

— Пожалуйте, баринъ, кушать.

Даша спускалась за нимъ, чтобы подавать. Въ столовой было тихо. На длинномъ столѣ былъ накрыть одинъ приборъ, остальные составлены въ сторону. У дымящейся миски съ супомъ вмѣсто дежурной кузины — Даша.

— А, генералы?..

— Имъ чего-то нездоровится, у себя будутъ кушать.

— Барышни?..

— Приказали подать къ себѣ.

«Странно», — подумалъ Жоржъ. Впрочемъ, къ странностямъ дома онъ привыкъ. Такъ давно ожидаемая почта все объясняла и оправдывала. Что нибудь вмѣстѣ читаютъ и обсуждаютъ.

Поужинавъ въ одиночествѣ Жоржъ прошелъ въ залъ и сѣлъ за рояль. Она началъ играть, но звуки музыки никого не привлекли въ залъ. Жоржъ пересталъ играть, прислушался. Мертвая тишина была во всемъ домѣ. Она страшила Жоржа. Да, что-то случилось... Кто нибудь заболѣлъ... Но почему такая тишина, почему отъ него скрываютъ, вѣдь онъ такой-же имъ всѣмъ родной... Нѣтъ и подлинно — «бѣсноватыя»...

Жоржъ вернулся къ себѣ и рано легъ спать. Во всемъ домѣ была таже томящая тишина.

Эта тишина была и утромъ. Жоржъ не нашелъ дядей на обычномъ ихъ мѣстѣ въ залѣ за мавританскимъ столикомъ. На немъ не мигало синее спиртовое пламя кофейника и самого кофейника не было. Ихъ не было и на широкомъ просохшемъ и разметенномъ проспектѣ въ аллеѣ высокихъ тополей, къ которому орѣшины свѣшивали золотисто- зеленыя кисти сережекъ. Всѣ точно попрятались отъ Жоржа.

Ни къ утреннему чаю, ни къ завтраку, ни къ обѣду никто не вышелъ изъ комнатъ. Жоржъ весь день провелъ въ одиночествѣ. Даша молчаливо прислуживала ему.

— Генералы?..

— Не совсѣмъ себя хорошо чувствуютъ.

— Барышни?..

— У себя будутъ кушать.

Все это становилось уже не только страннымъ, но просто неприличнымъ и обиднымъ. Надо было выяснить, почему сторонились Жоржа.

Утро было великолѣпное. Весь домъ еще спалъ, когда Жоржъ спустился внизъ. Въ саду не было никого. Черезъ калитку Жоржъ прошелъ на дворъ. Надъ садомъ и дворомъ, со стороны церкви плылъ и гудѣлъ торжественный медли-

тельный, великопостный звонъ. На дворѣ черная земля подъ солнцемъ ударяла въ синь. Въ глубинѣ двора бабы, подоткнувъ подолы бѣлили стѣны глинобитныхъ сараевъ. Пахло нѣжно и томно соломеннымъ дымомъ, травою, разведенной известкой — пахло весною.

Сѣрыя ворота всегда запертаго каретнаго сарая были раскрыты, старая коляска выкачена наружу, и мужикъ со слободы, смазывалъ оси и втулки колесъ. Густо ложились мазки сала и дегтя и блестѣли на солнцѣ. Жоржъ подошелъ къ мужику.

— Развѣ кто-нибудь поѣдетъ куда?..

— Паныча на станцію доставить приказано, на чугунку.

— Паныча?.. — Жоржъ ничего не понималъ. — Какого такого паныча?..

Жоржъ смотрѣлъ на мужика, тотъ смотрѣлъ на Жоржа.

— А чи то не васъ?..

Жоржъ густо покраснѣлъ и быстрыми шагами пошелъ къ дому. Странная, никогда раньше не бывалая слабость была у него въ ногахъ. Быстро и бурно колотилось сердце.

«Да вотъ оно что... Какъ я не догадался раньше. Это я — зачумленный — это меня сторонятся кузины и... дяди... Но что случилось?.. Чѣмъ это я такъ провинился? Конечно — это пришло съ почтой. Что-же?.. Я спрошу. Я потребую объясненій. Всѣ посбѣсились... и дяди тоже... Бѣситесь чортъ васъ возьми совсѣмъ, но меня попрошу не обижать, ибо все это въ конечномъ счетѣ дѣлаетъ меня смѣшнымъ въ глазахъ прислуги... Все это обидно...».

Жоржъ, спотыкаясь, шелъ по саду. Даша бѣжала ему навстрѣчу.

— Баринъ... А я васъ по всему дому ищу. Даже на степь бѣгала. Пожалуйте къ Осипу Михайловичу... Ихъ превосходительство къ себѣ просятъ.

Въ большомъ, глубокомъ кабинетѣ Осипа Михайловича съ двумя громадными столами, заваленными книгами, брошюрами, синими папками и листами исписанной бумаги, былъ полумракъ. Тяжелыя ковровыя занавѣси высокихъ

оконъ были едва раздернуты. Сизый сигарный дымъ полосами стлался по комнатѣ. Осипъ Михайловичъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы сидѣлъ на широкомъ полукругломъ стулѣ за столомъ. Сбоку въ старинномъ креслѣ былъ Андрей Михайловичъ. Онъ протянулъ длинныя, тонкія ноги въ синихъ чакчирахъ съ генеральскими лампасами. Штатскій сюртукъ былъ распахнутъ надъ бѣлымъ пикейнымъ жилетомъ съ маленькими золотыми пуговками, Дядинъ подбородокъ былъ тщательно пробритъ и блестѣлъ, сѣдые бакенбарды расчесаны.

Въ комнатѣ пахло сигарой, кофе и оде-колономъ.

Жоржъ поздоровался съ дядями.

— Садись, — сказалъ Осипъ Михайловичъ и показалъ на низкое кресло противъ себя. — Намъ надо съ тобою поговорить.

— Я васъ слушаю, дяля.

Осипъ Михайловичъ провелъ блѣдною, тонкою, породистою рукою снизу по бородѣ, выпятилъ ее впередъ, отчего сталъ похожъ на «дядю Сама», американца, какъ его рисуютъ на картинахъ, поднялъ голубые глаза къ потолку и тяжело вздохнулъ. Жоржъ замѣтилъ, что его дядя былъ блѣденъ, взволнованъ и видимо, не зналъ, съ чего начать.

— Видишь-ли?..

Осипъ Михайловичъ опустилъ голову на грудь, отчего борода его легла на бѣлую рубашку и замолчалъ.

— Я слушаю, — повторилъ Жоржъ.

— Видишь-ли... Деликатнѣйшее это дѣло... Конечно все это касается брата Михаила Михайловича... Но ты понимаешь... По своимъ воззрѣніямъ... убѣжденіямъ... взглядамъ... Словомъ, ты долженъ это понять... Ему невозможно.

Послѣдовало долгое молчаніе. Андрей Михайловичъ, развалясь въ креслѣ курилъ сигару, изящнымъ движеніемъ мизинца скидывая въ пепельницу сѣрые хлопья пепла.

— Очень все это вышло психологически сложно... Ты — Кольцовъ... И, собственно говоря... Если-бы мы всѣ, то-есть твой покойный отецъ, вотъ онъ, братъ Андрей Михайловичъ, я еще до твоего рожденія не подписали, что Коль-

цовка передается нами Михаилу Михайловичу, какъ наиболѣе свободному — мы всѣ тогда служили, онъ былъ въ отставкѣ, то, конечно, словъ нѣтъ... Кольцовка — твоя, по праву... Ты единственный законный наслѣдникъ твоего дѣда. Ты имѣешь неоспоримое юридическое право въ ней жить.

Осипъ Михайловичъ опять замолчалъ. Это молчаніе начинало становиться тягостнымъ и ничего не понимавшій Жоржъ не смѣло сказалъ:

— Я, дядя... Я ни на что вѣдь и не претендую... Я сюда пріѣхалъ... Собственно только навѣстить... Познакомиться, поблагодарить васъ за заботы во время моего ученія.

Осипъ Михайловичъ нетерпѣливо перебилъ Жоржа.

— Мы всѣ... Мы всѣ были тебѣ такъ рады... Но потомъ... Развѣ ты самъ не почувствовалъ?.. Возможно, по молодости лѣтъ — не обратилъ должнаго вниманія?.. Твоя кузина Нина убила собаку... Это убійство... убійство...

Осипъ Михайловичъ опять запрокинулъ голову кверху, и Жоржъ видѣлъ передъ собою острый кончикъ его бороды и сухую, тщательно вымытую морщинистую шею. Онъ все сильнѣе ощущалъ запахъ крѣпкихъ англійскихъ духовъ.

Андрей Михайловичъ пришелъ на помощь брату. Онъ заговорилъ спокойно, увѣренно, такимъ тономъ, какъ читаютъ лекціи:

— Произошло, Жоржъ, то, что должно было произойти, когда въ спящее царство является нѣкій Флорестанъ. Твои кузины — послѣ Москвы-то, курсовъ, а раньше института — въ глухой Кольцовкѣ! Въ выгорѣвшей лѣтомъ, снѣгомъ занесенной зимою степи безбрежной, какъ море — заскучали. Это такъ естественно... А вѣдь онѣ — дѣвушки... Нина — шуточки, шуточки, смѣшки, насмѣшки, а у нея темпераментъ... И вотъ появилась, чего никто изъ насъ не ожидалъ — сильная, яркая, самоотверженная, на все готовая любовь.

— Къ кому?.., — пожимая плечами, спросилъ Жоржъ.

— Къ тебѣ... Къ кому-же больше? Да, если-бы только это... Ну, осторожно разлучили-бы васъ... Вѣдь ты ее не любишь?..

— Я не знаю самъ, дядя. Словъ нѣтъ — кузина Нина прелестна... Но я какъ-то никогда объ этомъ не думалъ. Она моя двоюродная сестра, и я былъ далекъ отъ мысли...

— Да, да... Понимаю... И она тоже. Повторяю — любовь не бѣда.

— Это даже хорошо, — вставилъ Осипъ Михайловичъ. — Вы стали-бы друзьями. Допускаю, не плохо, для тебя особенно. Она стряхнула-бы съ тебя эту налипшую на тебя... солдатчину... Этакая чистая, платоническая любовь, основанная на нѣжности и преклоненіи съ одной стороны, съ другой, на желаніи спасти и просвѣтить... Но вотъ въ чемъ бѣда — эту то только, только зарождающуюся любовь внезапно перекрыла лютая ненависть и презрѣніе.

— Ненависть?.. презрѣніе?.. Но, Боже мой... Ничего не понимаю... По какому поводу, за что можно меня Нинѣ ненавидѣть?.. Презирать?..

Осипъ Михайловичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Жоржъ тоже всталъ со своего низкаго кресла. Андрей Михайловичъ хотѣлъ было что то сказать, но Осипъ Михайловичъ перебилъ его.

— Э, братъ Андрей Михайловичъ, позволь я... Не сразу... Не сразу. На примѣрѣ надо.

— Изволь, Осипъ Михайловичъ, говори.

— Ты знаешь, Жоржъ, почему братъ Михаилъ Михайловичъ вышелъ въ отставку?.. Почему онъ служилъ простымъ солдатомъ и у него солдатскій георгіевскій крестъ?..

— Да, я слышалъ что-то... Дядя Андрей Михайловичъ писалъ мнѣ, какая-то исторія на Кавказѣ...

— Ну вотъ. Настало время все тебѣ разсказать. Онъ былъ офицеромъ. Онъ былъ на блестящей дорогѣ... Ища доблести и подвига онъ пошелъ служить на Кавказъ. Тогда многіе такъ шли. Ему приказали усмирить аулъ мирныхъ черкесовъ... Тамъ было броженіе. Его послали произвести экзекуцію. Онъ отказался. Былъ судъ — его разжаловали въ рядовые... Онъ все перенесъ спокойно и мужественно. Въ первомъ-же бою показалъ чудеса храбрости, получилъ георгіевскій крестъ, потомъ былъ произведенъ и въ офице-

ры, сейчасъ-же послѣ производства вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ.

Жоржъ густо покраснѣлъ — все становилось яснымъ для него.

— Ты понимаешь теперь, какимъ ореоломъ честности, красоты, подвига онъ окруженъ въ глазахъ всѣхъ своихъ дочерей. Это не только у насъ, Жоржъ, но вообще среди передового дворянства такое отношеніе къ дѣлу стало традиціей. Скобелевъ — а вѣдь это твой, конечно, кумиръ, не терпѣлъ полиціи и жандармовъ. Для него офицеръ, ушедшій служить въ полицію — былъ конченный человѣкъ — онъ его обратно въ свои части не принималъ... У насъ было преклоненіе передъ завѣтами великой французской революціи. Ты, можетъ быть, слыхалъ?.. Да, нѣтъ, куда тебѣ, ты только, только родился тогда. Это было при атаманѣ Святополкъ-Мирскомъ, значитъ послѣ Русско-Турецкой войны. Въ маѣ 1887-го года Государь Императоръ Александръ III съ Государыней Маріей Ѳеодоровной, Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ посѣтилъ Донъ. Въ это время въ Новочеркасскѣ жилъ есаулъ 20-го Донского полка Черновъ. Онъ ухаживалъ за одной рѣдкой красоты барышней, нашей донской дворянкой и сдѣлалъ ей предложеніе. Родители ея были противъ ихъ брака, но она настояла на своемъ. Была свадьба, а въ самый день свадьбы на дачѣ Чернова въ Персіяновкѣ были найдены бомбы. Черновъ былъ соціалистомъ-революціонеромъ — бомбы готовились для Высочайшихъ гостей. Въ свадебную ночь Чернова арестовали, увезли въ Петербургъ и посадили въ крѣпость. Его жена поѣхала хлопотать за него. Чернова судили и сослали на островъ Сахалинъ. Женѣ его предложили расторгнуть бракъ и именоваться дѣвичьей фамиліей — она отказалась и умерла Черновой... Видишь, какія у насъ традиціи и взгляды. Революціонеръ въ глазахъ барышень, особенно, передовыхъ — всегда герой... Жандармъ, полицейскій — насильникъ, презрѣнный человѣкъ. Ты понялъ меня?..

— Да, я, къ сожалѣнію понялъ... Я, однако, совершенно иначе воспитанъ. Я — Кольцовъ!.., а не Черновъ. Для меня долгъ службы превыше всего. И я этой самой госпожи Черновой никакъ не понимаю. До чего нужно низко пасть въ своей любви, чтобы полюбить человѣка, измѣнившаго присягѣ, священному казачьему долгу и посягавшаго на гостей, забывшаго основной долгъ всякаго порядочнаго человѣка — долгъ гостепріимства... Чернова мало наказали... Само войско, сами казаки должны были расправиться съ гнуснымъ измѣнникомъ — въ куль — да въ воду! Такъ поступали съ врагами Родины и Государя старые казаки, тѣ, кто строили, а не разрушали Донское войско. Благородство я вижу въ неуклонномъ выполненіи своего долга и дисциплинѣ. Въ вѣрѣ и вѣрности.

Жоржъ говорилъ страстно и горячо. Внутри него, у самаго сердца, дрожали какія то струны, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ раньше. Лицо его пылало, глаза сверкали. Оба его дяди молчали. Осипъ Михайловичъ низко опустилъ голову и сталъ у окна спиной къ свѣту. Длинный черный его силуэтъ казался Жоржу необыкновенно печальнымъ.

— Не многіе поймутъ тебя, — тихо сказалъ онъ. — Не тѣ теперь времена... Въ куль — да въ воду!.. Твои кузины тебя не поняли и не поймутъ.

— Очень грустно.

— Тебя вызвали къ атаману и поручили исполнить жандармскую обязанность. Ты, какъ Кольцовъ, долженъ былъ...

— Исполнить приказаніе, — быстро выкрикнулъ Жоржъ.

— А?.. Да!.. Ну, такъ, конечно, конечно, — простоналъ Осипъ Михайловичъ и бросился въ кресло.

— Постой, Осипъ Михайловичъ. — Андрей Михайловичъ бережно положилъ сигару на край стола, поднялъ голову, смотрѣлъ куда то въ сторону, мимо Жоржа и сталъ говорить размѣренно и ясно.

— Есть, Жоржъ, долгъ передъ Государствомъ и есть

долгъ передъ своею совѣстью. Какой долгъ ты почитаешь выше?

— Когда я состою на службѣ — долгъ передъ Государствомъ превыше всего.

— Значитъ, ты осуждаешь дядю Михаила Михайловича?

— Я его не понимаю.

— Въ его поступкѣ ты не видишь подвига, — слабымъ голосомъ проговорилъ Осипъ Михайловичъ.

— Я увидѣлъ-бы подвигъ въ томъ, что онъ точно и безпрекословно, не разсуждая, исполнилъ-бы данное ему приказаніе.

— Ну, а положимъ?.. Тебѣ приказали-бы исполнить то, что противорѣчитъ твоей совѣсти.

— Я не имѣю права разсуждать и думать о совѣсти, когда исполняю свой долгъ... Но въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ я не шелъ противъ совѣсти. Человѣка этого я не зналъ, но разслѣдованіе о немъ сказало, что онъ, какъ тотъ... Черновъ... покушался на священную Особу Государя Императора и для меня этого было достаточно, чтобы съ полнымъ сознаніемъ своей правоты передъ Богомъ и своею совѣстью всѣми силами содѣйствовать его аресту.

— Все это такъ, мой милый Жоржъ, но въ этомъ домѣ есть свои старыя традиціи рода. Традиціи эти — либеральныя. Въ этихъ традиціяхъ выросли и воспитались твои кузины, и то, что вполнѣ понимаю я, что потомъ, поразмысливъ, пойметъ мой братъ, Осипъ Михайловичъ, то дочери Михаила Михайловича, гордыя тѣмъ, что ихъ отецъ пострадалъ за правду — понять не могутъ. Быть можетъ, тебѣ слѣдовало сейчасъ-же по возвращеніи все разсказать намъ... Возможно, что намъ удалось-бы предупредить... подготовить племянницъ, но онѣ узнали со стороны и узнали въ очень неприглядномъ для тебя видѣ... Твои кузины почти истерички... И вотъ, оцѣнивая все это... положеніе... Очень для насъ всѣхъ тяжелое и непріятное, братъ Михаилъ Михайловичъ просилъ насъ... Переговорить съ собою... Ты понимаешь?.. Ему это очень и очень тяжело... Но дочери ему ближе... Ему поставили ультиматумъ...

— Словомъ я долженъ избавить васъ отъ моего присутствія.

— Ну, зачѣмъ, зачѣмъ такъ!.. Что говоришь, — вскакивая съ кресла и махая руками воскликнулъ Осипъ Михайловичъ. — Надо-же все понять! Оцѣнить всю сложность, психологическую сложность обстановки.

— Я отлично все понялъ... Меня, офицера, выгоняютъ за то, что я, рискуя жизнью, исполнилъ свой долгъ, защищая, какъ о томъ присягалъ, Отечество отъ врага внутренняго.

— Никто не говоритъ, — строго, повысивъ голосъ сказалъ Андрей Михайловичъ, — выгонять?.. Боже упаси!.. Просто просятъ тебя понять всю обстановку, тягостную не только и даже не столько для тебя, какъ для всѣхъ насъ.

— Но... Экипажъ готовятъ? Сейчасъ лошадей приведутъ! Пожалуйте... Оставьте насъ... Вы мараете насъ своимъ присутствіемъ. Что-же, дядя, я очень молодъ, но я не мальчикъ и я все понимаю. Это мое первое, и какое тяжелое испытаніе!.. Но, если меня спросятъ, ну а послѣ, все это испытавъ, если снова будетъ подобная же обстановка, какъ ты поступишь, какъ дядя Михаилъ Михайловичъ, или, какъ ты самъ поступилъ? — я вамъ... Отъ чистаго сердца, честно, по солдатски, по казачьи, отвѣчу — поступилъ-бы такъ-же и приказаніе начальника исполнилъ-бы по всей силѣ своего разумѣнія... Въ этомъ вижу долгъ и исполненіемъ долга горжусь...

Нѣсколько мгновеній въ кабинетѣ была тишина, показавшаяся Жоржу зловѣщей, но не испугавшая его.

Внезапно глаза Андрея Михайловича увлажнились слезами. Онъ остро посмотрѣлъ на Осипа Михайловича и сказалъ:

— А?.. Какъ ты находишь, Осипъ Михайловичъ?.. Вѣдь это-то, пожалуй, именно... По Кольцовски!.. Не такъ, какъ мы, уже тронутые, испорченные, дѣти вѣка, а какъ отецъ нашъ, какъ дѣдъ, особенно, какъ дѣдъ!.. Въ этомъ та старая — Суворовская, Екатерининская школа! Въ немъ кровь того... Ивана Михайловича, кто строилъ Кольцовку... Они

были созидатели, мы — со своими либеральными теоріями — расточители... Прости насъ, пожалуйста, Жоржъ. Что подѣлаешь, женскій батальонъ взбунтовался... А мы слабые... Старики... Прости насъ... Ты правъ, а не мы и не онѣ.

Андрей Михайловичъ подошелъ къ Жоржу. Мягкія, душистыя, пахнущія Кельнскою водою бакенбарды коснулись щекъ Жоржа. Андрей Михайловичъ расцѣловалъ племянника.

— Не сердись на насъ, — Жоржъ, не поминай насъ лихомъ... Приходится и съ тѣмъ считаться, что онѣ у насъ — бѣсноватыя...

XXIV

Въ зеленѣющей степи показалась длинная, прямая, невысокая насыпь желѣзно-дорожнаго пути, столбы телеграфа, сѣрыя рѣшетки загородокъ отъ снѣговыхъ заносовъ. Черныя, кривыя бревна шлагбаума были подняты. Лошади, почуявъ станцію, наддали хода, мягко покачивалась, покряхтывая, старая коляска.

Жоржъ покинулъ родную Кольцовку, простившись только съ двумя дядями. Когда коляска выѣзжала за рѣшотку палисадника передъ домомъ, въ степь, Жоржъ оглянулся послѣдній разъ на домъ. На крыльцѣ стояла Тамара. Она не подняла ему съ привѣтомъ руки, не махнула платкомъ. Она стояла печальная и словно пришибленная. Она не знала, какъ поступить и не смѣла дѣлать то, что подсказывало ей сердце, вызвавшее ее на крыльцо. Жоржъ отвернулся отъ нея и до самой станціи ни о чемъ не думалъ.

Было сѣро, больно и обидно на душѣ. Вотъ онъ и побывалъ у себя — д о м а ! . .

Когда подъѣзжалъ къ станціи, во всю сталъ передъ нимъ вопросъ, да, куда-же, собственно ему ѣхать?.. Вдругъ ясно понялъ, что вотъ онъ — дворянинъ Кольцовъ, офицеръ — да вѣдь онъ въ полномъ смыслѣ этого слова — пролетарій. Дома у него нѣтъ, ничего у него нѣтъ и негдѣ ему преклонить голову. Нѣтъ у него гнѣзда, какъ у птицы, нѣтъ у

него норы, какъ у лисицы, онъ, какъ Христосъ не себѣ принадлежитъ и все отдалъ Родинѣ. У него домъ — казарма... Но раньше окончанія льготы какъ онъ туда вернется?.. Ѣхать въ станицу К-скую, въ домъ генеральши Чекомасовой?.. Боялся ѣхать туда, гдѣ все еще сильны были чары прекрасной Наталлъ. Не отгорѣло, не прошло, а тлѣло и могло раздуться сильнымъ пламенемъ то незабытое чувство, совсѣмъ особенное чувство, испытанное имъ, когда вдругъ коснулся губами холодныхъ колѣнъ и сладко закружилась голова. Время остановилось тогда. Если увидитъ теперь снова эти глубокіе черные съ поволокой глаза, длинныя душистыя темныя косы, услышитъ грудной голосъ, растягивающій слоги — не совладаетъ съ собою, не справится... А вѣдь она — невѣста другого.

Ахъ, какъ захотѣлось — домой.

Вдругъ точно увидалъ широкое, румяное, лупоглазое лицо приказнаго Пастухова, точно услышалъ, какъ кричалъ тотъ въ казармѣ и вторили ему казаки: «домой!.. домой!!.». Точно услышалъ слащаво привѣтливый голосъ урядника Лагутина: «какъ ежели, когда, на Дону будете, безпремѣнно ко мнѣ пожалуйте, окажите такую честь...».

«Своего дома нѣтъ. Изъ своего дома прогнали... Поѣду въ чужой... Все таки — домъ... Въ гости къ Лагутину... Отчего бы и нѣтъ?..».

Часть четвертая

КАЗАЧКА СЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЕЛЬ

I

Совсѣмъ другая пошла степь и пахло иначе — водою. Нѣтъ, нѣтъ, за полями, за желтыми осыпями песковъ, между низкихъ, раскидистыхъ ветелъ заблеститъ серебряное зеркало большой воды, а за нимъ подъ синимъ весеннимъ небомъ такая нѣжная прозрачная дымка, такъ все смягчено, затушевано, такъ голубоваты тона, что Кольцовъ не можетъ глазъ оторвать отъ этой хрустальной дали.

Потомъ снова песчаные холмы — к у ч у г у р ы — закроютъ голубую даль. По кучугурамъ поросла горькая ольха, жидкими хлыстами торчитъ лозникъ. Подъ ними серебристо-бѣлый песокъ, а въ небѣ, безъ облака, рѣютъ бѣлыя чайки.

Вотъ и поля кончились. Дорога идетъ по степи. Пріятно терпко пахнетъ молодою полынью, чабрецомъ. Вдали степь синяя и сливается съ небомъ, между порослями синца краснѣютъ первые низкіе маки. Вдоль дороги, какъ часовые, стоятъ молочаи и розоватая дикая конопля. Въ небѣ на перебой поютъ, заливаются жаворонки, имъ отвѣчаютъ другіе съ земли.

Такая красота, такая радость кругомъ, что у Кольцова дыханіе спираетъ отъ восторга. Позади остались всѣ огорченія. Бойко бѣгутъ лошади парнаго Ростовскаго извощика. «Фаетонъ» мягко и неслышно катитъ по степи. Коль-

цовъ глядитъ, любуется, слушаетъ, восхищается, дышетъ, не надышется, обоняетъ, наслаждается.

Какъ плоско, какъ просто все кругомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какая красота!.. Какое очарованіе въ пѣснѣ жаворонковъ въ голубомъ небѣ!.. Одинъ невидимый пѣвецъ начнетъ, другой продолжитъ, и съ прозрачной голубизны непрерывно несется, переливается, трепещетъ, волнуя, пѣснь. Бѣлый чибисъ кувыркается, играетъ по синему простору.

Сильнѣе понесло водою и иломъ. Кучугуры отошли назадъ, безконечный, тихій водяной просторъ открылся передъ Кольцовымъ, и надъ водою прозрачная дымка. Затонувшія ветлы стоятъ кое-гдѣ зелеными шапками, надъ ними кружатся черныя птицы. Лугъ спускается въ воду, рѣка подходитъ къ улицѣ — большія, высокія, бѣлыя хаты, крытыя желѣзомъ и тесомъ раскиданы вдоль воды. За плетнями, въ бѣломъ весеннемъ пуху — яблони и вишни.

И солнце!..

Въ огородѣ старикъ въ военной фуражкѣ, такъ выцинявшей, что вся она стала сѣрой и мальчикъ копаются въ черной вязкой землѣ. Извощикъ остановилъ лошадей, спрашиваетъ, какъ проѣхать къ Лагутину. Старикъ долго и толково объясняетъ, мальчишка помчался полями, только сверкаютъ икры и черныя пятки.

Предупрежденный мальчишкой Лагутинъ встрѣтилъ гостя въ форменной фуражкѣ безъ пестрыхъ кантовъ, въ бѣлой рубахѣ и синихъ шараварахъ, въ высокихъ сапогахъ.

— Ваше благородіе, нюжли мнѣ такая большая радость! Чисто глазамъ не вѣрю!.. Дозвольте вамъ помочь.

Лагутинъ подхватилъ Кольцова подъ локоть — а тотъ весело, бодро спрыгнулъ съ коляски. Оба сняли фуражки и расцѣловались.

— Значитъ, къ намъ... Благодать какая... Да, къ намъ-же! Матрена Савишна, поспѣшайте примать дорогого гостя!

Хата была высокая, на кирпичномъ фундаментѣ, просторная, съ погребами внизу. О бокъ хаты стоялъ сарай и въ немъ солила, буты, комяги, рыбацкій инструментъ для приготовленія въ прокъ рыбы. Время было весеннее, въ са-

раѣ кромѣ инструмента не было ничего, было чисто подметено, а по стѣнѣ развѣшаны побѣлѣвшія на солнцѣ сѣти.

По крашеной желтой охрой лѣстницѣ поднялись на крыльцо, прошли галлереей, гдѣ въ большихъ глиняныхъ горшкахъ и деревянныхъ кадяхъ стояли олеандры и померанцы. Въ парадной горницѣ пахло воскомъ и Богородичной травкой, на окнахъ висѣли тюлевыя занавѣски, на подоконникахъ стояли герани и бальзамины, по стѣнамъ висѣли портреты Государя и Государыни, фотографіи Лагутина и полковыя группы въ рамкахъ орѣховаго дерева. Въ углу была стеклянная горка и въ ней, на полкахъ — толстыя раззолоченныя чашки и хрустальные литые стаканчики, въ другомъ углу былъ громадный, въ золотой рѣзьбѣ, кіотъ съ образами, убранный пучками сухого ковыля.

— Пожалуйте, ваше благородіе, Матрена Савишна, да скоро вы что-ли управитесь!.. Ить какого гостя Богъ послалъ.

За стѣною топотали каблуками, шелестѣла тяжелая матерія.

— Вотъ и супруга моя... А дочка съ сестренкой въ огородѣ, упредить не поспѣли...

Матрена Савишна, красная отъ смущенія, блестящая, точно маслянымъ лакомъ покрытая, улыбающаяся, въ парадной коричневой кофтѣ и просторной малиновой юбкѣ въ сборкахъ, замѣтно, въ «интересномъ положеніи», неловко ступая въ новыхъ козловыхъ башмакахъ вышла изъ сосѣдней горницы. Кольцовъ протянулъ ей руку, она подала свою «лодочкой», не сжимая пальцевъ.

— Садитесь, ваше благородіе. Жена заразъ чего ни на есть вамъ изготовить. Полагаю — устать должны съ дороги. Теплынь-то какая. Можетъ, чего — помыться охота...

Вдругъ широко распахнулась дверь, и въ горницу, не ожидая увидѣть чужого, вбѣжала дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Худенькая и стройная, гибкая и быстрая, какъ лѣсная лань, она остановилась, смѣло разглядывая Кольцова. Съ нею пришелъ въ хату ея запахъ — ароматъ весны.

Яблочнымъ нѣжнымъ цвѣтомъ, запахомъ горячей земли, ароматомъ густыхъ, въ темную бронзу ударяющихъ волосъ пахнуло отъ знойнаго молодого женскаго тѣла. Дѣвушка была въ легкой рубашкѣ и синей ситцевой юбкѣ, босая. Маленькія ноги въ золотистомъ пуху — были въ сѣрой земляной пыли. Голубые, смѣлые глаза смѣялись навстрѣчу гостю. Красивыя розовыя руки, съ засученными по локоть рукавами были опущены вдоль тѣла.

— Ахъ, ты, Господи, — притворно смущенно воскликнула она звенящимъ голосомъ, — вотъ не ожидала кого застать у васъ, братецъ. Сказали — гость. Думала, какой ни есть нашъ хуторецъ... Да, кто-же это будутъ?..

— А полчокъ нашъ... Ихъ благородіе Георгій Александровичъ Кольцовъ. Просимъ любить и жаловать. Справедливый былъ намъ начальникъ и хорошій душевный человѣкъ... А это сестрица моя — Любовь Гавриловна.

Любовь Гавриловна смѣло первая подала руку Кольцову и крѣпко пожала его руку.

— Простите, не обезсудьте... Въ такомъ видѣ... Прямо съ работы. Только руки ополоснуть и успѣла.

— Ну, вотъ что, бабочки... Сами, чай, знаете — соловья баснями не кормятъ. Надо по первàмъ устроить его благородіе, да накормить, какъ слѣдуетъ быть. Вы, ваше благородіе, располагайтесь здѣсь, а на ночь, я думаю вамъ стелить — куда лучше! — на сѣновалѣ. Сѣно, конешно, прошлогоднее, а только духовитое, степовое сѣно. Тамъ вамъ коечку поставимъ, просторно вамъ будетъ и отъ дѣтей не безпокойно, а то ночью у меня иной разъ дочка блажитъ.

Матрена Савишна возмутилась.

— Ну что говоришь, Дмитрій Гавриловичъ, — гостя на сѣновалъ!.. Лучше мы потѣснимся на сѣновалѣ-то, а имъ нашу спаленьку уступимъ.

— Ну, толкуй казакъ съ бабой, говоришь, чего не понимаешь. Имъ тамъ не такъ душно будетъ. Ночи теперь теплыя.

— Конечно, конечно, на сѣновалѣ, — сказалъ Коль-

цовъ Ему съ той минуты, какъ вошла въ горницу Любовь Гавриловна все тутъ несказанно нравилось, все казалось свѣтлымъ и совсѣмъ необычайнымъ въ этомъ казачьемъ куренѣ.

Лагутинъ повелъ Кольцова показать сѣновалъ, женщины стали хлопотать съ обѣдомъ.

— Время то теперь... Время, — вздыхалъ Лагутинъ, — не рыбное теперь время... Ну да балычекъ вамъ особенный найдется, икорка тоже есть припасённая для какого дорого гостя... А уже свѣженькой теперь, не взыщите нѣтъ. Теперь нельзя...

— Да ты не хлопочи обо мнѣ, — говорилъ тронутый Кольцовъ, идя съ Лагутинымъ по двору. — Ради Бога не безпокойся.

— Ну да что вы. Помилуйте... Какія тамъ хлопоты. Такъ ради вашему посѣщенію. Вы уже подольше оставайтесь у меня. Ублажимъ...

II

И наступила жизнь, не жизнь — нирвана какая-то. Въ сараѣ, гдѣ чисто выметено и съ одной стороны стѣною стоитъ сѣно, торчитъ былинками, сухими черными цвѣтами и испускаетъ горьковатый пьянящій ароматъ — устроена постель, поставлено кресло, стулъ и столъ и, когда закроетъ Кольцовъ широкія двери, въ сараѣ станетъ прозрачный голубоватый сумракъ, въ которомъ отдыхаютъ глаза и мирно настраиваются мысли.

Кругомъ тишина. Весь хуторъ на полевыхъ работахъ. Кто уѣхалъ далеко въ степь на свой надѣлъ — идетъ пахота, волочинка, весенній сѣвъ, кто прорѣзаетъ, окучиваетъ озимыя — тамъ вся семья, тамъ и лошади и скотъ. На куренѣ пусто. Даже собаки ушли съ казаками. По утрамъ поютъ кочета, озабоченно квохчутъ куры. Въ хатѣ Матрена Савишна, въ виду своего положенія, освобожденная отъ полевой работы хлопочетъ съ обѣдомъ. Къ обѣду, если его

не посылаютъ въ степь, возвращаются Лагутинъ и Любовь Гавриловна.

На столѣ черная икра, янтарный балыкъ и блѣдныя ароматныя «выморозки» — своихъ садовъ вино.

Въ покрытыхъ росою муравленыхъ горшочкахъ кислое молоко, каймакъ, въ деревянныхъ лоткахъ — горы пушистаго бѣлаго хлѣба.

— Не обезсудьте, ваше благородіе.

Съ соленаго балыка, тешки, рыбца и икры пить хочется и холодное вино кажется особенно вкуснымъ. Въ головѣ стола, подъ образами сажаютъ Кольцова — по одну сторону отъ него Любовь Гавриловна, по другую Лагутинъ — напротивъ Матрена Савишна съ четырехъ-лѣтней дочкой.

— Ты, Люба, того, не зѣвай, наливай, потчуй дорогого гостя. Бывайте здоровеньки, ваше благородіе, испробуйте нашего Донского, свое, непокупное.

Золотистое вино въ тяжелой, литой, стеклянной рюмкѣ горитъ на солнцѣ. Отъ Любы пышетъ степнымъ зноемъ, ея волосы гладко причесаны на проборъ, на лобъ выбивается вьющаяся прядка и Люба часто откидываетъ ее рукой назадъ, щуритъ глаза и смѣется.

— Гостю нашему не привычна наша казачья ѣда, — говоритъ она и звонко хохочетъ.

Бѣлыми, блестящими, чистыми зубами она отдираетъ съ трескомъ бронзовую кожу отъ шамаи и хруститъ сухой рыбой.

— Вы, когда рыбалили, ай нѣтъ?..

Кольцовъ сознается, что онъ первый разъ на Дону. Это приводитъ Любу въ веселое настроеніе, она толкаетъ брата въ бокъ и говоритъ:

— Надо показать Георгію Лександрычу, какая у насъ рыба бываетъ. Ахъ осетры хороши!.. севрюги!.. Не время только теперь.

И она и братъ ея ѣдятъ много и быстро, такъ-же быстро встаютъ, крестятся на образъ и собираются на работу.

— Вы, мамаша, вотъ чего... Вы его благородію, Георгію Александровичу, часикамъ къ четыремъ, самоварчикъ

направьте. По Питерскому чайкомъ побалуйте, да чего тамъ ни есть къ чаю подайте.

Кольцовъ отказывается, Лагутинъ настойчивъ. Онъ уходитъ на дворъ, гдѣ его ожидаютъ легкія бѣгунки и мчитъ съ сестрой въ степь. Люба машетъ Кольцову загорѣлой рукой и хохочетъ. Бѣлые зубы сверкаютъ въ обводѣ красныхъ, горячихъ сухихъ губъ. Синяя юбка вѣетъ по вѣтру.

Кольцовъ идетъ на берегъ Дона. Рѣка заснула въ разливѣ. До горизонта бѣлесая гладь воды. Кое гдѣ торчатъ вершины ветелъ, да влѣво розовымъ бугромъ тянется длинный, песчаный, не залитый водою хребетъ холма. Бѣлыя чайки съ крикомъ носятся надъ разливомъ, черкаютъ крыломъ воду и улетаютъ вдаль. Каждое мгновеніе краски мѣняются, сильнѣе становится водное испареніе, запахъ ила, рыбы, особенный сѣрный запахъ намокшей земли щекочетъ обоняніе. Подъ этимъ роднымъ солнцемъ, на этой землѣ, Кольцовъ растетъ, какъ растутъ кругомъ него былинки, становится сильнѣе и смѣлѣе.

— Да... Хорошо-бы..., — вздыхая говоритъ вслухъ Кольцовъ, и самъ себя ловитъ на томъ, что и самъ не знаетъ, а что въ самомъ дѣлѣ — хорошо-бы?..

Вернуться въ полкъ?.. Это первая завѣтная мысль... Снова цѣловаться съ Наталлъ?.. Вернуться въ Кольцовку и начисто, до конца договориться съ кузинами, доказать имъ свою правоту?.. А можно ли имъ что нибудь доказать?..

— Да, хорошо-бы!..

И краснѣетъ до корня волосъ. Хорошо-бы обладать этой крѣпкой, смѣшливой Любой, запахъ которой всякій разъ приводитъ Кольцова въ небывалое, непонятное волненіе.

Все — хорошо. Непріятныя, тяжелыя минуты обидъ и огорченій проходятъ и уходятъ, и не хранитъ о нихъ память горькаго воспоминанія, но какъ свѣжи воспоминанія тѣхъ радостей, что несетъ съ собою молодость. Какъ очаровательно сознавать свою власть надъ молодымъ, сильнымъ, упругимъ тѣломъ. Вотъ протянулъ руку, смотритъ на пальцы, какъ рубиновые огни загораются на солнцѣ меж-

ду ними, согнулъ ноги и разомъ, не опираясь руками, всталъ во весь ростъ. Все гибко, все сильно, да вѣдь это — молодость, то, о чемъ старые люди говорятъ, что она никогда не вернется, но сейчасъ-то она съ нимъ, она есть и какъ это прекрасно, какъ несказанно хорошо!..

III

Люба пришла стелить Кольцову постель. Она притворила ворота сарая, и въ немъ сталъ ровный, пріятный, прозрачный свѣтъ. Люба сѣла на землю противъ Кольцова. Короткая юбка поднялась до колѣнъ и Кольцову видны бѣлыя, полныя Любины икры.

— Все читаете... Какъ у васъ глаза не заболятъ? Умъ за разумъ не зайдетъ?

— А что-же мнѣ дѣлать?.. У васъ у всѣхъ тутъ работа. Я отдыхаю.

— Отдыхаете, — протянула насмѣшливо Люба. — Съ чего-же такого вы отдыхаете?.. Али работали чего много?.. Сами гладкій какой.

Она вытащила изъ сѣна длинную былинку и стала покусывать ее бѣлыми зубами.

— Отъ того казакъ и гладокъ, что покушалъ, да и на бокъ... Вся и работа ваша. На хуторъ-бы вечеромъ когда пошли. Тамъ казаки съ дѣвушками гуляютъ... Весна... Ить вы тоже молодой. Погулять, чай, и вамъ охота... Пѣсни послушали-бы наши.

— Какъ-то стѣсняюсь, я боюсь, что и ихъ стѣсню.

— А вы не думайте такъ. Люди простые и вы такой аккуратненькій. Очень нашимъ дѣвушкамъ поправитесь. Я васъ очень даже полюбила.

Теплый Любинъ запахъ доходитъ до Кольцова. Голое колѣно, едва накрытое юбкой, напоминаетъ сладость Наталлъ. Кольцовъ въ возбужденіи встаетъ и садится подлѣ Любы. Отъ Любиныхъ волосъ пахнетъ помадой, отъ загорѣлой шеи соленымъ запахомъ молодого тѣла.

— Любовь Гавриловна...

Люба смотритъ большими глазами въ упоръ на Кольцова. Въ глазахъ любопытство, смѣхъ и ласка.

— Зачѣмъ такъ?.. Меня такъ никто даже и не зоветъ. Скажите: Лю-ю-ба!

— Люба... Правда... Люба... Люба... я вамъ точно нравлюсь?..

— Чать сами должны понимать чего. Поди видали дѣвушекъ-то, какія онѣ...

Люба осторожно двумя пальцами беретъ кончикъ молодого уса и тихо тянетъ къ себѣ.

— Какіе усы-то нѣжные, — задыхаясь, говоритъ она.

Кольцовъ несмѣло обнимаетъ Любу. Подъ его рукою чуть прикрытое матеріей крѣпкое, гибкое, горячее тѣло. Любинъ запахъ опьяняетъ Кольцова. Передъ глазами, опять, какъ тогда, когда приходила къ нему Наталлъ, протягивается мутная, сладостная пелена, уши глохнутъ, губы ощущаютъ нѣжный дѣвичій пушокъ на горячей щекѣ Любы. Время останавливается.

— Вы и цѣловать никакъ не умѣете. Ну, кто развѣ такъ цѣлуетъ?..

Горячія, сухія, пахнущія яблоками, крѣпкія губы прижимаются къ губамъ Кольцова и Кольцовъ льетъ изъ нихъ здоровую мудрость любви. Онъ крѣпко охватываетъ Любу, ощущаетъ грудью ея маленькія крѣпкія груди и ему кажется, что онъ сейчасъ потеряетъ сознаніе. Люба сильными руками отталкиваетъ его, быстро оправляется и подбѣгаетъ къ постели.

Въ тоже мгновеніе ворота сарая раскрываются и въ нихъ появляется Лагутинъ. Онъ въ рубашкѣ и портахъ, босой.

— Ты чего тутъ, Любанька, — говоритъ онъ. — Я тебя ищу, время скотинѣ сѣно кидать, а ты тутъ болтаешься. Не надоѣла она вамъ, ваше благородіе?..

Узкіе блестящіе глаза Лагутина обшариваютъ сарай. Кольцовъ мучительно краснѣетъ и молчитъ. Его губы болятъ отъ знойныхъ поцѣлуевъ Любы. Въ рукахъ не прошло ощущеніе горячаго, крѣпкаго, молодого тѣла..

— Я, братецъ, заразъ. Только имъ постелю оправлю, — спокойно, равнодушно говоритъ Люба и, гибкая, легкая, чуть покачивая бедрами, выходитъ изъ сарая.

IV

Должно быть еще ночь. Чуть начинаетъ брежжить свѣтъ и въ щель сарая, гдѣ еще темно, виденъ розоватый отблескъ загорающейся за Дономъ зари. Въ эти часы, до первыхъ кочетовъ, на куренѣ Лагутина всегда тихо. Теперь на дворѣ слышны голоса. Лагутинъ говоритъ съ сестрой.

— Ну вотъ, слава Те, Господи... Поставили ладно, кажись, никто и не видалъ.

— Васъ, братецъ, кто услѣдитъ?.. Подъ землею на пять аршинъ слышите.

— Поставить, Любанька, не хитро, какъ-то вынемъ?

— Оборониться можно. Онъ, Сарандинаки-то, слыхать, какъ лютуетъ. И ему конецъ положить не грѣхъ.

Голоса ихъ входятъ въ сонъ, который снится Кольцову, сливаются съ этимъ сномъ, и Кольцовъ не соображаетъ, что слышитъ онъ на яву и что ему снится.

— Я такъ полагаю, Любанька, — что бы его взять.

— Ну, зачѣмъ?.. А попадемся?.. Зря только человѣка подведемъ.

— Ну-къ что-жъ... Имъ и укроемся.

— Братецъ!.. Не надо... Ой, прошу васъ... Не надо! Ить жалко ихъ.

— Ну, чего тамъ жалѣть?.. Онъ вывернется.

Хлопнула гдѣ-то дверь. На дворѣ все стихло. Первые кочета запѣли.

Кольцову снится, что онъ въ полку, тамъ какой-то праздникъ, или парадъ, весь полкъ уже строится, а онъ мечется по квартирѣ и не можетъ найдти шарфа и портупеи. Безпокойство его все увеличивается, онъ чувствуетъ, какъ будетъ сердиться командиръ полка на опозданіе въ строй, а Тапиръ говоритъ: «жалко его»... Адъютантъ отвѣчаетъ: «чего тамъ жалѣть... Вывернется»...

Такъ и не вспомнилъ потомъ, когда проснулся, и не могъ понять, слышалъ онъ и правда разговоръ Лагутина съ сестрой или это во снѣ говорили про него Тапиръ съ адъютантомъ.

Всталъ онъ поздно и было удивленъ, увидавъ Любу въ хлопотахъ на дворѣ.

— Вы, Любовь Гавриловна, не въ полѣ?!.

— Чать, видите... Братецъ, уставши, легли отдыхать. Сегодня мы не работаемъ. Пожалуйте въ горницу, чайку вмѣстѣ напьемся. Матрена Савишна самоваръ уже наставила.

V

Люба долго засидѣлась у Кольцова въ сараѣ. Знойны и горячи были ея поцѣлуи, крѣпки и нѣжны объятія.

— Нѣтъ... нѣтъ... Да что вы... Развѣ можно такое трогать... Не умѣете, не умѣете, а знаете, что и какъ...

— Ну, что вы, Люба, и здѣсь нельзя и тамъ нельзя... Гдѣ-же можно?..

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ. Нѣшто не понимаете... Я-же дѣвушка... Ну братецъ, или Матрена Савишна чего да угадаютъ... Хорошо развѣ?.. Вамъ шутки, а мнѣ слезъ не обобраться.

Вся она крѣпкая, гладкая, сильная, не давалась ему, а сама цѣловала, душила объятіями, опьяняла запахомъ волосъ, горячаго страстнаго тѣла. Но, какъ разъ во время успѣла оттолкнуть Кольцова, прижаться къ сѣну и, когда въ темноту ночи широко распахнулись ворота сарая незамѣтно выскочила на дворъ.

Въ сарай вошелъ Лагутинъ. Онъ точно не замѣтилъ сестры. Изъ темноты сарая на дворѣ казалось свѣтло и Кольцовъ увидалъ, что Лагутинъ былъ въ сѣромъ мужицкомъ картузѣ, просторномъ сѣровато-желтомъ пиджакѣ поверхъ рубахи безъ жилета, въ сѣрыхъ штанахъ и босой.

— Не спите, ваше благородіе... Что-жъ, поѣдемъ что-ли рыбалить?.. Ай нѣтъ?..

Люба, какъ ни въ чемъ не бывало, появилась въ две-

ряхъ сарая. Въ темномъ платкѣ, въ кофтѣ и какъ всегда босая.

— Я... Отчего-же?.. Съ большимъ удовольствіемъ.

— Они, братецъ, чать и гресть не умѣютъ.

Кольцовъ — лучшій гребецъ въ корпусѣ, на Финскомъ заливѣ и въ училищѣ, на Дудергофскомъ озерѣ, возмутился.

— Я отлично гребу, — сказалъ онъ смѣло, — что мнѣ надо взять съ собою?..

— Снасть у насъ припасёна. А вотъ обрядитесь по настоящему, по нашему. Сапоги скиньте, они вамъ только мѣшать будутъ, тамъ въ воду лѣзть придется, намокнете, надѣвать ихъ — канитель одна. Сапогъ-отъ — у васъ узкій.

— Они въ воду-то идти побоятся, — смѣялась Люба. — Холодная вода то, дюжа холодная. Сомъ за ногу утянетъ.

Любины насмѣшки подхлестывали Кольцова. Онъ сѣлъ на кровать, снялъ сапоги и чулки.

— Смотрите, Егорій Лександрычъ, — хохотала Люба, — тонуть станете за меня фатайтесь.

Тихо, безъ разговора вышли задней калиткой со двора, прошли черезъ низкія лозины къ берегу и стали сталкивать въ воду черный каюкъ. Молчали, а когда говорили, то говорили шопотомъ, точно чего то таясь.

— Вы, ваше благородіе, за мною садитесь. Потрафляйте, какъ я, тихо, чтобы безъ всплеска. Рыбу намъ не напугать-бы.

— Ну, рыбу, — насмѣшливо прошептала Люба. — Скажете, братецъ. Такъ они вамъ и ловѣрятъ!.. Рыбу!.. Еще чего?!.

Люба взяла кормовое весло. Каюкъ былъ низкій, широкій, съ просторнымъ ящикомъ для рыбы внизу. Кольцовъ сидѣлъ на носу, передъ нимъ была широкая спина Лагутина, фуражка, сдвинутая на затылокъ и черезъ его плечи, въ сумракѣ беззвѣздной, туманной ночи была видна тонкая, гибкая Любина фигура. Дѣвушка ловко, короткими, сильными и неслышными взмахами весла направляла каюкъ по ей, да Лагутину извѣстному пути. Весла опускались безъ

шума, чуть шелестѣла вода подъ носомъ и двѣ поблескивающія полосы, чернѣя и расширяясь, уходили вдаль.

То плыли по широкому, бѣлому, безпредѣльному въ туманѣ, какъ море, разливу, то незамѣтнымъ движеніемъ Любы сворачивалъ каюкъ въ сторону, вдругъ темною тѣнью надвигался длинный песчаный островъ, шелестѣли лозины, показывалась поросль кустовъ, старый сухой камышъ и опять выносились на просторъ. Никто не сказалъ ни слова, и каюкъ несся, какъ тѣнь, какъ видѣнье, по разливу, по тѣснымъ переходамъ между вдругъ появлявшихся песчаныхъ острововъ.

Сколько гребли такъ, Кольцовъ не зналъ. Грести было неудобно, весла казались тяжелыми, деревянныя уключины были непривычны. Онѣ, должно быть, были смазаны саломъ, или дегтемъ — ни одна не скрипѣла — но скользили подлѣ нихъ весла.У Кольцова быстро стиралась кожа на ладони и было больно грести. Но захваченный общимъ устремленіемъ въ какую то даль, къ какой-то цѣли, увлеченный молчаніемъ ночи и ея тишиною Кольцовъ старался грести такъ-же ровно и покойно, какъ гребъ Лагутинъ. Ему казалось, что Люба ласково улыбается ему изъ темноты ночи и хотѣлось заслужить ея одобреніе.

Лагутинъ вынулъ весла изъ воды. Не ожидавшій этого Кольцовъ стукнулъ своими веслами о весла Лагутина.

— Тссъ!.. Поаккуратнѣе, ваше благородіе.

Каюкъ неслышно плылъ по водѣ, легко шевеля весломъ, направляла его Люба. Вотъ стукнулъ о землю, зашуршалъ подъ днищемъ песокъ...

Всѣ вышли на берегъ. Это былъ длинный островъ, густо поросшій кустами. Лагутинъ съ сестрою подтащили челнокъ. Люба отбѣжала въ кусты и стала снимать тамъ кофту и юбку. Лагутинъ скинулъ пиджакъ и штаны и остался въ одномъ бѣльѣ.

— Раздѣвайтесь, ваше благородіе, ничего, вода теплая.

Люба въ одной рубашкѣ, она подшпилила ее снизу, со стройными бѣлыми наверху, загорѣлыми ниже колѣна ногами подошла къ нимъ. Она была строга и серьезна.

— Вы, Егорій Лександрычъ, за мною заходите, братецъ сами управятся.

— Вы мнѣ покажите, Любовь Гавриловна, что я дѣлать долженъ.

— Поможете мнѣ тянуть сѣть. Во-отъ, видите, сѣть поставлена.

Кольцовъ ничего, однако, не видѣлъ. Вода казалась черной и глубокой и онъ не зналъ, куда ему идти.

— Ступайте за мной.

Маленькая, крѣпкая, горячая рука взяла за руку Кольцова и повела его, какъ мать ведетъ ребенка купаться. Вода была очень холодная. Бѣлье налипло на тѣло и мѣшало идти, ноги скользили по илистому дну. Берегъ круто спускался внизъ, вода покрывала уже Любины плечи. Маленькая рука не оставляла Кольцова и онъ, скользя по илу, то и дѣло натыкался на крѣпкое тѣло дѣвушки въ облѣпившей ее рубашкѣ.

— Беритесь здѣсь, — сказала Люба, подавая липкій конецъ толстой веревки. — Тяните за мною.

Въ сумракѣ ночи на свѣтлѣвшей водѣ все выше и выше поднималась, выходя изъ рѣки, стройная дѣвушка. Кольцовъ слѣдовалъ за нею, напрягая всѣ силы, вытягивая тяжелыя сѣти. По другую сторону тащилъ сѣть Лагутинъ. Онъ дѣлалъ это легко, точно шутя. Всѣ трое молчали, стараясь не плеснуть водою, затаивъ дыханіе.

Странное, нобычайное было чувство у Кольцова. Кажется никогда не видалъ онъ живою такую необычайную красоту и грацію, будто лучшая статуя Діаны, произведеніе самаго совершеннаго художника вдругъ ожила и выходила, напрягая упругія ноги, изъ воды. Мокрая рубашка такъ плотно облекла тѣло Любы, что казалось, что и не было рубашки, но что это бѣлизна мрамора блеститъ надъ водою. Каждая ямочка, каждый бугорокъ были четко видны... Густые волосы, уложенные узломъ на затылкѣ напоминали прическу греческихъ богинь. Кольцовъ забылъ про холодъ рѣки, про налипшее бѣлье и глазъ не сводилъ съ Любы.

— Ну что вы на меня такъ смотрите, — прошептала та. — Ей Богу срамъ одинъ.

И сейчасъ-же негромко вскрикнула:

— Господи!.. Рыбы-то!.. Рыбы-то сколько!.. И все сула!.. *) Послалъ Богъ милости.

Она побѣжала въ кусты одѣваться. Кольцовъ съ Лагутинымъ подтягивали рыбу къ челноку. Кольцовъ слышалъ, какъ за его спиною, близко отъ него, въ кустахъ, шумѣла выжимаемая изъ рубашки вода. Люба стояла тамъ совсѣмъ голая, но Кольцовъ не смѣлъ оглянуться.

— Ступайте, ваше благородіе, — сказалъ Лагутинъ, — отожмите и вы бѣлье, оно тогда живо просохнетъ, а то дрожите весь, не застудились бы, оборони Богъ. Одѣвайтесь скорѣе. Мы съ Любанькой пока рыбу въ каюкъ поскидаемъ.

VI

Назадъ гребли еще осторожнѣе. Все была ночь, но уже свѣтлѣла вода. Точно мигало что-то въ небѣ, полосами набѣгалъ тихій, таинственный свѣтъ. По водѣ плескала рыба. Ночная птица протяжно кричала.

Лагутинъ пересталъ грести и показалъ Любѣ рукою въ сторону.

— Примѣчаешь, — прошепталъ онъ.

Люба молча кивнула головою. Каюкъ неслышно описалъ дугу. У Кольцова отъ этого движенія чуть закружилась голова. Стѣною надвинулись какіе-то кусты, каюкъ неслышно вошелъ въ нихъ и остановился.

— Должно прослышалъ, — прошепталъ Лагутинъ.

— Садчиковъ не сказалъ-ли чего?.. Онъ вчора видѣлъ, какъ съ сѣтями шли.

— Наврядъ-ли.

Тишина ночи томила. Гдѣ-то совсѣмъ близко зачмокала въ кустахъ, потопленныхъ водою, рыба, плеснула и затихла. Набѣжавшій вѣтеръ зашелестѣлъ прутьями. Опять

---

*) Судакъ.

протяжно прокричала птица. И вдругъ въ эту тишину, нарушаемую только естественными, природными звуками вошли совсѣмъ особенные, четко, далеко по водѣ слышные звуки.

«Тукъ, тукъ, тукъ», — и перестало. И опять: «тукъ, тукъ, тукъ!..». Гдѣ-то по Дону, осторожно, точно къ чему-то прислушиваясь, шла моторная лодка.

Стукъ приближался. Раздался совсѣмъ близко и остановился. Послышались по ту сторону кустовъ голоса. Они были слышны очень ясно четко.

— Я вамъ говорилъ, ваше высокоблагородіе, понапрасну все это. Кто теперь посмѣетъ...

Лодка плыла шагахъ въ двухстахъ отъ того мѣста, гдѣ спрятались Лагутинъ съ сестрою и Кольцовъ. Ясно былъ слышенъ плескъ раздвигаемой воды. Моторъ не работалъ, лодка шла отъ разгона. Казалось, что и тамъ напряженно прислушивались.

Лагутинъ и Люба такъ притаились, что точно и не дышали. Шибко билось сердце у Кольцова. Все стало ему ясно и понятно, но не зналъ, какъ-же долженъ онъ поступить?.. Поддаваясь охватившей его спутниковъ жуткой настороженности, онъ тоже почти не дышалъ, согнулся въ кустахъ и ожидалъ, что будетъ дальше.

Моторной лодки за кустами не было видно, но Кольцовъ ощущалъ ея медленное продвиженіе. Онъ точно чувствовалъ на себѣ чьи то ищущіе взоры, ждалъ, что вотъ-вотъ ихъ откроютъ — и онъ —хорунжій Кольцовъ предстанетъ передъ рыболовной стражей, какъ соучастникъ незаконной ловли рыбы, какъ браконьеръ!..

Шелестъ лодки сталъ стихать, она удалялась. И вдругъ рѣзко и шумно, какъ то нагло, дерзко нарушая тишину ночи, застучалъ моторъ и лодка унеслась далеко по рѣкѣ.

На каюкѣ все еще молчали. И прошло не менѣе получаса, когда, наконецъ, Лагутинъ взялся за весла, и каюкъ поплылъ къ дому.

Свѣтало; въ больномъ, утреннемъ свѣтѣ, въ которомъ обманчивы были еще неясные предметы и стыла рѣка, играя

перламутромъ, мутно показались сады и хаты хутора. Чайки низко носились надъ водою. Лагутинъ причалилъ у берега. Онъ съ сестрою началъ сносить рыбу въ сарай. Кольцовъ, заложивъ руки въ карманы, пошелъ на сѣновалъ. Онъ шелъ босыми ногами по холодной землѣ двора и бормоталъ про себя:

— Хорошъ!.. Босикантъ!.. За это изъ полка выгоняютъ... Дурака валялъ. Рѣчной браконьеръ...

Въ сараѣ онъ переодѣлся по городскому и собралъ свои вещи, готовясь сейчасъ-же уѣзжать.

Лагутинъ заглянулъ къ нему.

— Пожалуйте, ваше благородіе, закусить, чайку испить — непринужденно и весело сказалъ онъ, — съ удачнымъ уловомъ! А не нахолодались?..

Онъ не подозрѣвалъ и не понималъ, какая буря бушевала въ душѣ у его гостя.

— Лагутинъ, — строго сказалъ Кольцовъ и скрестилъ на груди руки. — Что-же это ты, братецъ, со мною сдѣлалъ?.. Что ты вообще позволилъ себѣ дѣлать?..

Лицо Лагутина, усталое и посѣрѣвшее послѣ безсонной ночи, поблѣднѣло, но онъ спокойно принялъ вызовъ. Маленькіе, узкіе глаза его злобно сверкнули, и офицеръ и казакъ скрестились взглядами.

— А что такое, ваше благородіе? О чемъ рѣчь ваша?

— Какъ что?.. Развѣ ты не понимаешь?.. Гдѣ мы рыбу ловили?.. Когда мы рыбу ловили?..

— А нюжли вы того не знали? — насмѣшливо сказалъ Лагутинъ. — Въ запретныхъ водахъ ловили... Въ прещёное время.

— Какъ-же ты могъ это дѣлать?.. Ты — урядникъ нашего полка!.. Ты знаешь, чѣмъ ты рисковалъ?..

— Отлично даже все это знаю. Мнѣ-ли того не знать?.. Мы на такое дѣло завсегда даже съ винтами ходимъ.

— Какъ съ винтами?.. Съ какими винтами?..

— А такъ, ваше благородіе, — ить поймаютъ — тюрьма... Сѣти отберутъ — разореніе всего промысла. Мы своего дурно не отдадимъ... Они съ пулеметами ходятъ, съ

Кольтами — и мы изъ Бердана не хуже ихъ управимся, ежели на то пойдетъ. Въ руки зря не дадимся.

— Такъ вѣдь это?..

— Уголовное дѣло, ваше благородіе... Каторжныя работы... Не миновать.

— И ты меня!.. меня!.. Ты понимаешь!..

Жесткая усмѣшка пробѣжала по лицу Лагутина.

— Ну-къ что-жъ, что васъ? Вы у насъ вчора замѣсто ружья были.

— Какъ такъ?..

— А такъ, ваше благородіе, — вздыхая, отвѣчалъ урядникъ, — что, ежели-бы, скажемъ, насъ поймали, я на васъ и показалъ-бы. Сказалъ-бы — вы попросили, никогда, молъ, не видали, какъ это рыбу ловятъ, посмотрѣть охота. Я ослухаться не посмѣлъ.

— Такъ вѣдь этого не было!.. Это ложь!

— И точно, что не было... А я подъ присягу даже пошелъ-бы. Вамъ не охота меня подводить, вы на себя все и приняли-бы.

— Лагутинъ, ты понимаешь, что ты сдѣлалъ?..

— Очень даже прекрасно все понимаю. Вы ить еще въ долгу у меня. Вамъ противъ меня не оборониться.

— Въ какомъ долгу?..

— Вы сестру мою, дѣвушку, совращали... Я молчалъ — думаю, по благородному какъ все это обернется... Вотъ нонеча и сочлись, да еще и не сполна... Должокъ за вами.

Кольцовъ, мучительно краснѣя, опустилъ голову и молчалъ, Лагутинъ продолжалъ настойчиво и внушительно:

— На будущій годъ, ваше благородіе, мнѣ въ льготные лагери идти... Такъ уже вы заступитесь за меня. Сами знаете, намъ съ конями тутъ возиться некогда — такъ приду я безконнымъ, а вы, ваше благородіе, уже меня, за ласки, за наши, устройте куда ни есть на такую должность, чтобы коня не потребовалось... Поняли?.. Вотъ и сквитаемся.

— Лагутинъ, не ожидалъ я отъ тебя этого... Думалъ — по хорошему.

— И я, ваше благородіе худого не ожидалъ, а ить, какъ оно обернулось-то!..

— Такъ вотъ, Лагутинъ... Между нами все кончено... Я попрошу тебя достать мнѣ кого-нибудь на хуторѣ... Отвезти меня сейчасъ въ Ростовъ.

— Это воля ваша... Какъ вамъ будетъ угодно.

— Что я тебѣ долженъ за хлѣбъ, за обѣды, за безпокойство... Посчитаемся.

— Не извольте обижать, ваше благородіе. Мы отъ чистаго сердца васъ принимали... Завсегда ради для памяти совмѣстной службы.

— Нѣтъ, ты скажи. Я не могу такъ... Теперь...

— Да какъ есть — ничего не должны. А насчетъ извощика, если вы уже такъ порѣшили я распоряжусь. Тутъ хуторецъ есть — занимается этимъ.

Лагутинъ спокойно и съ достоинствомъ вышелъ изъ сарая.

VII

Въ ожиданіи извощика Кольцовъ провелъ еще часъ въ обществѣ Матрены Савишны. Полная, добродушная казачка съ масляными, черными глазами мучительно старалась занимать и угощать гостя. Кольцовъ неохотно ѣлъ и пилъ, а потомъ навязывалъ Матренѣ Савишнѣ двадцать пять рублей, свой долгъ за постой.

— Да что вы, Георгій Александровичъ, — говорила казачка и на чистомъ бѣломъ лбу ея съ тонкими паутинками морщинъ появлялись крупныя прозрачныя капли — признакъ большого волненія. — За что насъ обижаете?.. Ить отъ чистаго сердца Дмитрій Гавриловичъ васъ принималъ. Очень даже они васъ всегда обожали. Сколько разъ васъ поминали... Зачѣмъ такое платить, ить не постоялый дворъ у насъ... Гостемъ нашимъ были. Почетъ намъ оказывали.

Кольцовъ, видя, что навязать деньги казачкѣ ему не удастся, оставилъ ассигнацію на столѣ и, услыхавъ, что во дворъ въѣзжаетъ фаетонъ, попрощался съ хозяйкой.

Лагутинъ снесъ вещи Кольцова. Онъ пріодѣлся, былъ въ полковой фуражкѣ, чистой рубахѣ, синихъ шараварахъ и высокихъ сапогахъ. Лицо его было строго и торжественно, но безпокойные огни играли въ его янтарныхъ глазахъ.

— Ну, ваше благородіе, — говорилъ онъ, наружно спокойно. — Не поминайте лихомъ. Простите, коли чѣмъ не угодилъ вамъ... Бывайте здоровы.

Онъ первый протянулъ руку Кольцову и тотъ принялъ ее. Лагутинъ подсадилъ Кольцова въ старенькій фаетонъ и пошелъ по двору рядомъ съ нимъ.

— Вы, ваше благородіе, говорилъ онъ, — чего только не надумайте. У васъ есть, и у меня противу васъ имѣется... Такъ уже давайте и точно — по хорошему.

И, остановившись въ воротахъ куреня, Лагутинъ молодцовато, браво, по урядничьи, какъ училъ его въ полку Кольцовъ, приложился къ козырьку и громко и весело крикнулъ:

— Счастливо!..

Кольцовъ не отъѣхалъ и ста шаговъ отъ куреня, какъ услышалъ, какъ его кто-то окликнулъ. Возница оглянулся, остановилъ лошадей и сказалъ:

— За вами чего-то. Любка ихняя.

Люба въ нарядной голубой кофтѣ въ бѣлыхъ горошинахъ и плойкахъ, въ темно-синей широкой юбкѣ, босая, легко, голубымъ мотылькомъ неслась по дорогѣ и махала рукою съ какою-то бумажкой.

Она, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, горячая, влажная, прекрасная сіяніемъ громадныхъ глазъ подбѣжала къ фаетону и протянула Кольцову оставленную имъ на столѣ ассигнацію.

— Что это вы, Егорій Лександровичъ, какую обиду намъ сдѣлать хотѣли... За что?.. Нѣшто такъ можно?..

Маленькая, загорѣлая рука сунула деньги Кольцову и крѣпко пожала ему руку.

— У-у-, какой неладный, да гордый!..

И жадно, горячо дыша, выпятивъ алыя губы, прошептала:

— Остался-бы — во какъ любила-бъ!

Сейчасъ-же ея лицо стало равнодушнымъ и она, повернувшись къ старому извощику спокойно сказала:

— Трогайте, Терентьичъ, по маленьку, не растрясите его благородіе.

Насмѣшка, сознаніе своего превосходства слышались въ ея голосѣ.

Экипажъ покатился. Кольцовъ сидѣлъ, обернувшись назадъ. Люба помахала рукой и въ припрыжку, танцующимъ бѣгомъ понеслась между густо цвѣтущихъ вишневыхъ садовъ и молодой, еще низкой крапивы, росшей вдоль плетней. Синяя юбка моталась около ногъ, тонкій станъ гибко колыхался — прелестной картинкой казалась она въ розовой дали хуторской улицы, упиравшейся въ Донской разливъ.

Какъ только выѣхали въ степь лошади сами пошли шагомъ, извощикъ обернулся къ Кольцову, сталъ крутить «козью ножку» и сказалъ:

— Бой дѣвка, ихняя Любка... Что казаковъ по ей сохнетъ!.. Да не отдастъ ее дурно Дмитрій Гаврилычъ. Онъ ей цѣну знаетъ.

Старикъ помолчалъ, раскурилъ табачишко, пыхнулъ раза два и продолжалъ:

— Вы это чего-же?.. Заплатить хотѣли Лагутину за постой?..

— Да.

— Ить этимъ вы его во какъ обидѣли!.. Онъ васъ принять за честь почиталъ. Какъ-же!.. Полчки вы съ нимъ... Вмѣстѣ служили — я знаю. Онъ про то не разъ сказывалъ. Заплатить!.. Рази можно ему заплатить?.. Онъ, баринъ, можетъ, въ десять, можетъ во сто разовъ богаче васъ. У него въ степи свой хуторокъ есть, братъ его меньшой тамъ сидитъ, десятинъ триста земли у помѣщика арендовано. Лѣтомъ рабочихъ изъ Россіи нагонитъ — такая идетъ жара!.. Машины у него — все по настоящему — завода Аксай въ Ростовѣ. А тутъ опять-же — рыба! Осетры, севрюга, сула, чебаки, чехонь — вы спросите его, гдѣ онъ все

это ловить?.. Ить не скажетъ! Онъ, баринъ, въ запретныхъ водахъ ловитъ. Вотъ онъ идѣ ловитъ-то!.. Онъ и въ прещённое время ловитъ. Теперь, подите-ка, въ Ростовѣ укупите свѣжую рыбу-то, а онъ, кому антиресно все предоставитъ. Неабнокновенный онъ человѣкъ. Онъ нашего начальника охраны рыбныхъ ловель, есаула Сарандинаки, видитъ за сто верстъ. Онъ даже и то знаетъ, что тотъ Сарандинаки думаетъ... Вотъ онъ какой!.. Первый богачъ!.. Ему заплатить? Это вы пошутили съ нимъ, баринъ... Не хорошо пошутили. Онъ вамъ этого не забудетъ... Онъ васъ отъ чистаго сердца. Его понять надо-ть. Онъ — казакъ!.. Онъ — завоеватель!.. Онъ тутъ все къ своимъ рукамъ прибиратъ... Сколько разовъ его просили хуторскимъ атаманомъ. Ить не хочетъ. Потому понимаетъ, тады неловко рыбой по ночамъ заниматься. А онъ это до страсти любитъ. Ему и не рыба нужна, азартъ ему нужонъ. Со смертью играть. И сестра его Любка такая-же. Ей это на разбой пойдти — ништо. За милую душу изъ Бердана охраннаго казака въ лобъ уложитъ — онъ и не увидитъ ничего. Настоящіе они казаки!.. Весь хуторъ ихъ черезъ то уважаетъ. Имъ заплатить?.. Гляди — еще онъ васъ чѣмъ ни на есть подаритъ, боченокъ икры пошлетъ, или балыкъ осетровый. Онъ это любитъ, чтобы начальству услужить. Ну и начальство понимаетъ — великатный человѣкъ — вотъ онъ какой у насъ урядникъ Дмитрій Гавриловичъ Лагутинъ!.. Заплатить ему за хлѣбъ, за соль!.. А онъ отъ чистаго сердца... Э-ехъ изобидѣли его вы понапрасному!

Извощикъ сплюнулъ докуренную кручёнку, повернулся къ лошадямъ, дернулъ возжами и крикнулъ:

— Ну, милыя, потрогивай по маленьку.

Въ облакахъ черной пыли фаетонъ катился между нѣжно-зеленыхъ пшеничныхъ нивъ.

Часть пятая

ЛЕЛЬ МОЙ — ЛЕЛЬ!..

I

И опять всталъ во всей своей силѣ вопросъ, куда-же ѣхать, куда-же дѣваться, чѣмъ занять себя до майскихъ сборовъ льготныхъ казаковъ? Снова вспомнилъ Кольцовъ слова Спасителя о птицахъ, имѣющихъ гнѣзда и лисицахъ, имѣющихъ норы — онъ — воинъ Христовъ, не имѣлъ своего угла. Его домъ былъ полкъ, но вернуться въ полкъ раньше окончанія льготы было нельзя — ему не было мѣста въ полку, оставалось поѣхать опять куда нибудь къ чужимъ людямъ и тамъ коротать время, опасаясь подвергнуться новымъ соблазнамъ и совершить новыя ошибки, можетъ быть, какъ въ гостяхъ у Лагутина, стать соучастникомъ преступленія. Все это томило и мучило Кольцова въ пути. Но, подъѣзжая къ Ростову, онъ вспомнилъ, что, въ Новочеркасскѣ была, какъ-бы частица полка, тамъ въ должности состоящаго при Наказномъ Атаманѣ проживалъ однополчанинъ Кольцова есаулъ Сергѣй Петровичъ Павловъ. Онъ жилъ всегда въ Новочеркасскѣ въ собственномъ двухъ-этажномъ домѣ на широкомъ и нарядномъ Ермаковскомъ проспектѣ. Въ этомъ домѣ всегда была готовая комната для проѣзжаго черезъ Новочеркасскъ однополчанина, тамъ всегда былъ радушный пріемъ и, что дороже всего, разговоры про полкъ, интересы полка.

Павловъ былъ много старше Кольцова. Онъ давно, еще до поступленія въ полкъ Кольцова, по домашнимъ обстоя-

тельствамъ вышелъ изъ полка и поступилъ въ распоряженіе атамана, онъ женился по долгой, дѣтской еще любви, на богатой Новочеркасской казачкѣ и зажилъ тихой, сытной и привольной жизнью при Атаманскомъ Дворѣ. Каждый годъ, то, сопровождая атамана, то самостоятельно онъ пріѣзжалъ въ полкъ. Всѣ его тамъ любили, со всѣми, даже съ только что выпущенными изъ училища хорунжими онъ былъ «на ты» и вновь выпускаемая молодежь неизмѣнно попадала въ орбиту ласковой товарищеской благосклонности Павлова и отъ нея отбиралось непремѣнное обѣщаніе — «когда будешь въ Новочеркасскѣ непремѣнно останавливаешься у меня — иначе — свинья!..».

Къ нему и направился Кольцовъ со своимъ окончательно разбитымъ и смущеннымъ сердцемъ.

Павловъ искренне образовался Кольцову, что касалось полка для него было дорого и священно.

— Ну!.. Наконецъ-то!.. Фу-у-у!.. И заждался же я тебя!

— Да почему-же ты ждалъ меня? Развѣ ты зналъ, что я къ тебѣ теперь собираюсь?..

— А то нѣтъ!.. По Дону телеграммы посланы, разыскиваютъ тебя, какъ какой-то драгоцѣнный алмазъ. Вторую недѣлю получаемъ отвѣты: «выбылъ», «выбылъ», а куда, въ концѣ то концовъ, выбылъ никто и не знаетъ. А тутъ еще въ вашу благословенную Кольцовку, ни почты, ни телеграфа. На тотъ свѣтъ легче письмо доставить, чѣмъ туда. Окружный атаманъ нарочнаго посылалъ — отвѣтили — уѣхалъ, а куда не знаемъ... Хороши твои дяди, да и самъ-то ты хорошъ! Какой ты офицеръ!.. Вѣдь ты хотя и на льготѣ, а долженъ какую то субординацію соблюдать и не можешь такъ скрываться. Ну, а случись война?

— Ну, о войнѣ то я, положимъ, сейчасъ-же узналъ-бы. Но все-таки, что-же случилось, что я такъ вотъ всѣмъ понадобился?

— Что случилось?.. Да уже будто такъ-таки и не знаешь? Вѣдь не случайнымъ вѣтромъ тебя ко мнѣ принесло.

— Но, ей Богу, я ничего не знаю.

Лицо Кольцова стало тревожно. Однако весь видъ Павлова, веселый, радостно возбужденный разсѣивалъ его опасенія. Ему повидимому ничего непріятнаго не угрожало.

— Въ самомъ дѣлѣ, что случилось, зачѣмъ я понадобился въ Новочеркасскѣ?..

— Да что ты дурака валяешь, будто и не догадываешься... Леля пріѣхала!

— Леля?.. Какая Леля?..

— Какая?.. Ахъ, господинъ Финтифлюшкинъ!.. Ей Богу шутникъ. Еще спрашиваетъ, какая? Да вѣдь у насъ одна только Леля и есть — Леля Можайская... Она на Пасхѣ съ Атаманшей концертъ благотворительный устраиваетъ и съ нею, чуть не истерика!.. Какіе то тамъ «Короли» или «Королевичи» Олечка Бокова ей не такъ аккомпанируетъ — такъ вотъ вынь — да подай ей тебя. Даже какъ то подозрительно оно намъ показалось.

— «Корольки» Чайковскаго, — посвѣтлѣвъ лицомъ и радостно улыбаясь сказалъ Кольцовъ. — Да вѣдь это и правда очень трудный аккомпаниментъ. Не всякій профессіональный аккомпаніаторъ сможетъ провести его такъ, чтобы угодить Еленѣ Михайловнѣ. Такъ она здѣсь?.. И давно?..

— Вторую недѣлю.

— Одна?..

— Пріѣхала съ матерью, та поѣхала дальше въ Кисловодскъ, теперь она одна, у атаманши.

— Прости меня, что я не спросилъ тебя о твоихъ, но право, ты такъ меня огорошилъ всѣмъ этимъ, смутилъ... Что Дарья Акимовна?.. Она дома?

— Даша у всенощной... Дѣти на Пасху только пріѣдутъ и ты не узнаешь ихъ. Павелъ съ тебя ростомъ, отца переросъ. Первый ученикъ въ корпусѣ и первый тамъ-же буянъ, сладу воспитателямъ съ нимъ нѣтъ. Лиза въ институтѣ и такая-же парфетка, какъ была ея мать... Ну, идемъ. Илья сейчасъ тебѣ воды подастъ умыться. А ты похудѣлъ на льготѣ, а полагается наоборотъ. Я думалъ, у Софьи Павловны, генеральши, разопретъ тебя на Донскомъ каймакѣ, коржикахъ, да бурсачкахъ, да на домашней кормленой пти-

цѣ... Слыхалъ о твоихъ сценическихъ успѣхахъ. Даже и въ газетахъ кто-то васъ пропечаталъ, — съ тонкой усмѣшкой добавилъ Павловъ. — Я и не подозрѣвалъ, что ты и къ литературѣ причастенъ.

— Да что ты. Это совсѣмъ даже и не я.

— Э, милый, полно... «Ж. К.» — кто-же другой могъ знать всѣ подробности спектакля и пѣть такіе хвалебные гимны какой-то Гульдиной. Но ты и не только похудѣлъ, а какъ-то посѣрѣлъ. И лицо недовольное. Что случилось?.. Или это отъ пыли?.. Такъ нѣтъ... Съ утра у насъ дождь пролилъ.

— Такъ... Знаешь — жизнь, заботы... Огорченія... Тяжело...

Павловъ искренно расхохотался.

— Жизнь... Заботы... Огорченія... Это у хорунжаго-то въ двадцать три года! Вотъ ей Богу, господинъ Финтифлюшкинъ. Смѣшишь ты меня. Жизнь, заботы, а самъ, какъ эта весна... Утромъ дождикъ, а къ вечеру, смотри какое прозрачное небо... Ну, умывайся и идемъ ко мнѣ. Даша сейчасъ вернется, за ужинъ сядемъ... Бутылочку шипучаго, хотя и постъ, необходимо!.. А? за полкъ!.. За нашъ славный, доблестный полкъ!..

— У тебя хорошо. У тебя забудешь и огорченія, — снимая мундиръ, сказалъ Кольцовъ. — У тебя и подлинно, какъ въ полку хорошо... У тебя я какъ дома.

— Иначе, другъ мой, и быть не можетъ. Вѣдь мы съ тобою однополчане... А на Дону, развѣ на Дону, не почувствовалъ ты себя совсѣмъ дома?..

— Нѣтъ, уже какой это домъ!.. — съ глубокою печалью и досадою сказалъ Кольцовъ и подошелъ умываться къ ожидавшему его съ полотенцемъ на рукѣ старому Павловскому слугѣ.

II

И вотъ настала тихая теплая ночь. Та особенная дивная Новочеркасская апрѣльская ночь, какая только и мо-

жетъ быть на благодатномъ югѣ, среди степей, подлѣ широко разлившагося Дона. Воздухъ благоуханенъ, и безподобна еще свѣжая, не запыленная, не погорѣвшая на солнцѣ, не пожухшая листва безчисленныхъ садовъ и бульваровъ. Такая ночь умиротворяетъ, а Кольцовъ не находилъ себѣ покоя. Разгоряченная подушка жгла, свѣжее одѣяло шерстило сквозь простыню, ноги ныли и мозоли на рукахъ отъ гребли на каюкѣ, нестерпимо болѣли, напоминая о чемъ-то ужасномъ и постыдномъ.

Вся жизнь за эту зиму вспоминалась ему какъ страшный и стыдный кошмаръ. Да достоинъ-ли онъ снова видѣться съ Лелей, аккомпанировать ей, шутливо переговариваться съ нею и быть съ нею въ тѣхъ милыхъ полутоварищескихъ отношеніяхъ?..

Жизнь, заботы, огорченія.

Павлову это показалось смѣшнымъ, потому что онъ ничего не знаетъ. Но, какъ вспомнитъ все-все, что было и чего не вернешь и не повернешь. Хорошъ!.. Офицеръ!.. Прыжокъ въ окно отъ инфернальной женщины показался въ тишинѣ очаровательной ночи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Да вѣдь за это изъ полка надо было выгнать его! А онъ скрылъ все это... Достоинъ-ли онъ самъ передъ собою носить полковой мундиръ и пользоваться гостепріимствомъ такого чистаго и безупречнаго офицера, какъ Павловъ? Изъ дома, изъ родного дома, изъ родового гнѣзда, родные и, какъ будто, любящіе дяди выгнали... Въ станицѣ — дѣвчонка казачка насмѣялась, любимый мною урядникъ, мой воспитанникъ втравилъ меня въ преступленіе! Я сталъ его сообщникомъ. И я не знаю, что я долженъ дѣлать?.. Донести, все разсказать, и себя и его открыть властямъ?.. О, нѣтъ!.. Только не это... Доносить?.. Къ тому, что было на хуторѣ Плѣшаковѣ и что такъ возмутило кузинъ прибавить еще и доносъ?.. Жизнь!.. Какъ въ ней разобраться, кто научитъ меня тому, что надо и какъ надо дѣлать и поступать?.. И тутъ, теперь Леля... Какъ кстати и какъ не кстати. Какъ явится онъ къ ней, какъ ей скажетъ... А что, какъ она такъ же, какъ и его кузины, посмотритъ на происшествіе на ху-

торѣ Плѣшаковѣ?.. Вѣдь говорили-же дяди, что Скобелевъ не хорошо отзывался о полиціи и жандармахъ. Скобелевъ — кумиръ Кольцова, тотъ, кому послѣ Суворова Кольцовъ искренно покланялся и подражалъ. Если-бы былъ живъ Скобелевъ его спросилъ-бы, какъ надо было поступить и кто правъ — дяди и кузины, или онъ самъ?..

Леля?.. Развѣ въ ней не мудрость красоты и таланта. Леля?.. Лель мой Лель — Лоли лялли Лель!..

Оглядывался назадъ и во всей этой жизни «дома», на Дону, только Наталлъ сіяла свѣтлымъ обликомъ своей, все понимающей и все прощающей любви... «Было... — не было»... Нѣтъ, милая Наталлъ — было и никогда не забуду и всегда буду благодаренъ и за это — «было» и за то, что разрѣшили сказать что этого — «не было».

Да, вотъ былъ храбрый, честный хорунжій, который зналъ голосисто командовать и лихо ѣздить верхомъ на конѣ и вдругъ понесло его, какъ щепку по порожистой рѣкѣ сначала въ объятія Инфернальной женщины — все вспоминалась она ему, все не могъ забыть ея колдовскихъ чаръ и темноты и тишины ея уютной душистой спальни, гдѣ преступленіемъ пахло. Потомъ, почему-то эта непонятная льгота — и загадочныя слова командира «чимъ бы ховаться — винъ рекомендоваться»... Что-же случилось, или и тамъ въ Петербургѣ съ инфернальной то, бѣса коснулся — онъ и понесъ невѣсть куда...

А все — «седьмая заповѣдь»!..

Женщины!.. Онѣ были вездѣ и гдѣ было имъ подлинное мѣсто и гдѣ казалось-бы имъ мѣста не было... И этотъ ужасный Григорій Ивановичъ, преступникъ, кажется, всякая женщина съ ужасомъ должна была-бы отвернуться отъ такого, а вотъ кузина Нина что то нашла въ немъ и какъ-то таинственно была связана съ нимъ. Да и не одна она... Вотъ Окружный Атаманъ говорилъ, что Григорій Ивановичъ на хуторѣ Плѣшаковѣ ожидалъ какую-то женщину изъ Петербурга, которая ему должна была привезти деньги и заграничный паспортъ. Кто-же могла быть эта женщина?.. А,

если это и была — кузина Нина?.. Онъ ждалъ Нину Кольцову, а дождался лихого хорунжаго Кольцова!..

Ужасно!

Тишина ночи томила, спать было невозможно. Все къ чему-то прислушивался Кольцовъ, все казалось ему что что-то, или кто-то сторожитъ его подлѣ. И первый разъ испытывалъ не то, чтобы страхъ, но жутко было въ тишинѣ глухимъ сномъ уснувшаго города.

Вдругъ внизу стукнула дверь. Она стукнула очень тихо, ее отворили со всею осторожностью, но въ томъ состояніи, въ какомъ находился Кольцовъ, всякій шумъ доходилъ до него преувеличеннымъ и казался значительнымъ и касающимся его. Кольцовъ подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣсь.

Въ весеннемъ великолѣпіи торжественно и тихо шествовала по землѣ ясная, лунная, весенняя ночь. Громадные тополя тѣснымъ рядомъ, стѣною стояли на бульварѣ, одна сторона ихъ была выкована изъ чистаго серебра и сверкала чеканкой, другая была совершенно черная. Ни души не было на всемъ широкомъ проспектѣ. Дверь стукнула внизу — это вышелъ на бульваръ старый лакей Илья. Онъ сѣлъ на скамейку у воротъ. Видно и ему не спалось.

Въ открытое окно шелъ свѣжій, насыщенный цвѣточными запахами воздухъ. Ночь манила на волю.

Кольцовъ одѣлся и вышелъ на проспектъ.

— И вамъ не спится баринъ, — сказалъ, вставая, Илья.

— Да, не спится, Илья... Такая прекрасная ночь... Я такихъ въ Петербургѣ и не видалъ. Воздухъ... Чистота то какая...

— Въ Петербурхѣ, это точно не бываетъ такихъ ночей... Только... Охъ-хо!.. Прекрасная-то она прекрасная, а только жуть-то какая!.. Вы слышите...

Внизу, за соборомъ, на Крещенскомъ спускѣ, народился четкій въ тишинѣ ночи стукъ. Будто нѣсколько человѣкъ ѣхало рысью по мостовой и грохотали желѣзными шинами колеса повозки.

— Везутъ, — вздыхая сказалъ Илья. — Повезли, значитъ... Не помиловали. Все говорили, что помилованіе, молъ, выйдетъ. Видать не вышло... Везутъ...

— Кого?..

— Ай не слыхали?.. Сегодня... Заразъ вотъ... Въ отрогѣ Куричьей балки между кладбищемъ и Ботаническимъ садомъ... Вѣшать будутъ... Злодѣя... Воронкина.

У Кольцова мураши побѣжали по тѣлу и стало сухо и не хорошо во рту.

— Воронкина, — глухо проговорилъ онъ... — Григорія Ивановича?..

— Его самаго. А вы развѣ знавали его?..

— Нѣтъ... Такъ слышалъ... Говорили... Это его и везутъ?..

— Его самаго. Тамъ ему уже и могила готова... Вотъ оно какъ... Такая жуть, что просто словъ тому нѣтъ.

— А что же ты думаешь?.. Это не правильно?.. Что, такихъ вотъ вѣшаютъ?..

— Вы, баринъ, чай, ученѣе меня, такъ сами, поди, лучше моего знаете. Христосъ сказалъ: «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ»... За Россію надо стоять, не то, какъ — «домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ падетъ»... И еще сказалъ Спаситель міра: «когда сильный съ оружіемъ охраняетъ свой домъ, тогда въ безопасности его имѣніе»... *) Дай Господи здравія и силы Государю Императору Николаю Александровичу, да не побѣдитъ его врагъ, да устоитъ противъ бѣсовской его силы.

Шумъ наросталъ и приближался. Въ лунномъ сіяніи, на проспектѣ показались казаки и черный фургонъ между ними. Они быстро проѣхали мимо. Немного поотставъ промчался извощикъ. Въ просторной пролеткѣ сидѣла женщина, и Кольцову, — такъ были взвинчены его нервы, — показалось, что эта женщина была — Людмила Васильевна Лозинская.

Кольцовъ вскочилъ, хотѣлъ что-то крикнуть, бѣжать

*) Евангеліе отъ Луки. Гл. 11, ст. 17, 21.

за нею, убѣдиться, что это не былъ призракъ, но извощикъ уже исчезъ въ серебряномъ сумракѣ ночи.

— Кто это такое?.. — спросилъ Кольцовъ.

— Это, баринъ, тоже жуть... Страшная жуть. Кто ее знаетъ, кто она такая. Говорили — изъ Питера прискакала какая то... Шалая какая бабенка. Есть, баринъ, такія, что изъ этой самой послѣдней жути, когда вотъ на глазахъ у людей человѣкъ не по своей волѣ въ иной міръ уходитъ, кіятеръ себѣ дѣлаютъ... Ну, да станичники ее близко не пустятъ. А то, говорятъ, есть и такія, не у насъ, слава Господу, а заграницей, что и на фотографію этакую страсть сымаютъ. Теперь вотъ закопаютъ его. Это-же страсти, что творится на бѣломъ свѣтѣ Я и не сплю черезъ то, сна лишенъ и не вижу какая такая распрекрасная ночь. Нѣтъ у меня ночи, все о томъ думаю, кому ни отъ людей, ни отъ Господа нѣтъ прощенія. Слава Богу, рѣдко это у насъ, и не упомню, когда еще было, а вотъ, какъ узнаю, что т а к о е будетъ — не сплю. Выхожу посмотрѣть, какъ е г о повезутъ. И молиться за него не смѣю. Развѣ можно за такихъ молиться? — послѣдній у Господа человѣкъ. Сказалъ Господь Іисусъ Христосъ: «кто не со Мною — тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ»... Они всѣ, баринъ, отъ бѣса присланы, бѣсомъ учены, нѣтъ съ нами Христа, нѣтъ святыхъ Его Апостоловъ, чтобы изгонять изъ нихъ бѣсовъ... А бѣсъ-отъ силенъ. Не справиться съ нимъ человѣку, безъ Бога, хотя и вѣшать будутъ.

Старикъ замолчалъ. Неподвижно и тихо сидѣлъ подлѣ него Кольцовъ и думалъ, какъ странно и страшно сошлись концы той драмы, которая, можетъ быть, началась еще въ Петербургѣ и пронесла его черезъ хуторъ Плѣшаковъ, черезъ родительскій домъ, чтобы показать развязку въ Новочеркасскѣ въ прекрасную ночь. Онъ невольно думалъ, что долженъ былъ сейчасъ ощущать Григорій Ивановичъ при видѣ этой дивной весенней ночи, когда все кругомъ оживало, все красовалось, а ему нужно было спускаться въ неизвѣстность, исчезать въ могилѣ. И, какъ бы дополняя его

мысли, заключая то, чего самъ не могъ понять, — Кольцовъ услышалъ, какъ тихо, едва слышно проговорилъ Илья:

— Сказано: «взявшій мечъ — отъ меча погибнетъ»...

И еще прошло время. Вдругъ старикъ всталъ и перекрестился.

— Ну вотъ и кончено, — сказалъ онъ. — Господи, жуть какая!.. Былъ человѣкъ и вотъ и нѣтъ его... Не по волѣ Господней, но по волѣ Царской... Чего уже страшнѣе... Ничего и быть не можетъ. Такъ-то, баринъ, простите, что, можетъ, растревожилъ васъ. Вонъ барыня наша часто говоритъ: «старые учатъ дѣтей говорить, а дѣти, какъ вырастутъ учатъ стариковъ молчать»... Мнѣ и надо-бы молчать и молчать... Повѣсили... Эка, подумаешь, невидаль!.. Каждый день, баринъ, каждый часъ, каждый мигъ въ мірѣ кто нибудь да убиваетъ. Такъ положено отъ Господа. Сказалъ Спаситель: «міръ во злѣ лежитъ»... Сатана ходитъ по міру и бѣсовскія силы нами владѣютъ. Воронкина-то задавивъ, можетъ, какого еще бѣса съ міра убрали, прости меня Господи... Идемте спать. Все теперь кончено, закопали, засыпали могилу. Прошла и ушла съ міра темная жуть и опять все въ городѣ распрекрасно.

И странно, когда Кольцовъ вернулся въ домъ и старикъ, несмотря на протесты Кольцова, раздѣлъ его, какъ ребенка и уложилъ въ постель, Кольцовъ быстро и крѣпко заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. Будто и точно бѣсы, которые окружали его со дня пріѣзда въ Кольцовку покинули его.

III

Утро было такое, какого никогда еще не видалъ Кольцовъ. Сама радость спустилась на землю и заблистала солнечными, яркими, ничѣмъ не затуманенными лучами, блескомъ молодой зелени, запѣла пѣснями птицъ въ саду, загремѣла праздничнымъ радостнымъ грохотомъ городской жизни.

Въ это утро раздался звонокъ и надо-ли было говорить, докладывать, кто это пришелъ? — Кольцовъ бро-

сился изъ своей комнаты и въ просторномъ залѣ, пронизанномъ косыми лучами солнца, полномъ растеній и цвѣтовъ, на фонѣ громаднаго букета темной персидской сирени увидалъ Лелю.

— Хорошъ!.. Хорошъ!.. Очень хорошъ, — говорила Леля, протягивая Кольцову обѣ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ. — Я-то думала!.. Одного полка, племянницу командира полка и ту не встрѣтилъ?.. Что это многоуважаемый, — помните, какъ дядя говорилъ такъ, когда былъ явно недоволенъ и хотѣлъ показать свое недовольство. — Дисциплину забыли?.. Чи-но-почитаніе!.. А Тапиръ мнѣ предсказывалъ: «на границѣ войска, на станціи Чертково, Жоржъ васъ вотъ съ этакимъ букетищемъ встрѣтитъ». Я на Чертково выходила — никого!.. Милаго Жоржа по войску надо съ собаками искать.

Какое это было несказанно прекрасное лицо противъ Кольцова... Какъ звучалъ голосъ съ ея особыми, Лелиными, отзывающими полкомъ выраженьицами, какъ все это было полно золотого, подлинно весенняго свѣта и радости. Какъ все кругомъ перемѣнилось, и Кольцовъ видѣлъ только яркій, яркій свѣтъ, ощущалъ лишь теплую волну какой то совсѣмъ особой любви и нѣжности.

— Я, Елена Михайловна...

— Никакихъ оправданій, Кольцовъ!.. Покажите ваши руки. Фу-й... въ мозоляхъ!.. Что-же это?.. А какъ-же аккомпанировать?..

— Я попробую.

— Милый Георгій Александровичъ, пробовать уже некогда. Черезъ десять дней концертъ въ Офицерскомъ собраніи... Вы это понимаете?.. И «Корольки» Чайковскаго... У казаковъ что-же и пѣть, какъ не про казаковъ?.. Съ Олечкой я не могу. Темперамента нѣтъ, а тутъ все въ темпераментѣ.

— Я попробую, — снова повторилъ Кольцовъ.

И только теперь Леля всмотрѣлась въ лицо Кольцова. Она стала серьезна. Улыбка сбѣжала съ ея лица и совсѣмъ другимъ голосомъ она сказала:

— Что съ вами, Георгій Александровичъ, вы не больны?.. У васъ?.. Большое горе?..

Какъ могла она это угадать? Кольцовъ опустилъ голову и слезы умиленія показались на его глазахъ.

— Что, что случилось?.. Вы мнѣ все разскажете, все, ничего не утаивая. Я предчувствовала, что вамъ тутъ одному будетъ нелегко... Подождите въ залѣ, я пройду, поздороваюсь съ Дарьей Акимовной и идемте въ садъ, вы мнѣ все, все, все разскажете. Да?..

Въ саду — какъ въ заколдованномъ какомъ-то царствѣ! Только въ сказкахъ бываютъ такіе сады. Садъ былъ небольшой, со всѣхъ сторонъ закрытый. Двѣ стѣны были стѣны высокихъ домовъ безъ оконъ, а двѣ, на югъ и на востокъ были каменныя бѣлыя стѣны, покрытыя вьющимися растеніями и фруктовыми деревьями, распяленными на зеленыхъ трельяжахъ. Все цвѣло и благоухало въ этомъ саду.

Въ углу меланхолично, навѣвая дрему, тихо журчала вода. Тамъ, въ красномъ терракотовомъ бассейнѣ, окруженномъ раковинами и кусками туфа, куда ниспадали тонкія струи, плавали золотыя рыбки. Зелено-розовые, тонкіе и стройные японскіе бамбуки свѣшивали нѣжныя листья къ самой водѣ. Нарциссы въ клумбѣ благоухали бѣлыми крестиками цвѣтовъ. У воды была совсѣмъ особая прозрачная зеленая тѣнь, весеннее солнце тутъ не пекло. Здѣсь у самаго бассейна стоялъ легкій соломенный диванъ.

— Сядемъ, — сказала Леля.

Кругомъ ними — густые кусты сирени свѣшивали тяжелыя гроздья синихъ, лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. По стѣнѣ дома, къ балкону и къ окнамъ подобралась глицинія, и голубыя, нѣжныя кисти закрыли стѣну дома.

Бѣлый, морской гравій узкихъ дорожекъ сверкалъ на солнцѣ. Пестрый узоръ тѣни застылъ на немъ, яркими червонцами горѣли солнечныя брызги.

Тихо журчала вода. Ни одинъ листокъ не шевелился въ саду. Сладкій ароматъ разогрѣтыхъ цвѣтовъ кружилъ голову. Точно остановилась, застыла въ этой красотѣ жизнь.

Рядомъ съ Кольцовымъ сидѣла Леля. Вся красота сада, цвѣтовъ, кустовъ сирени, игра солнечнаго свѣта, ароматъ нарциссовъ, голубизна неба, гдѣ-то высоко, высоко надъ домами сіявшаго въ бездонной высотѣ, нѣжно-лиловые пучки глицинiй на бѣлой стѣнѣ дома, виноградный трельяжъ у крыльца въ молодой листвѣ и толстые, точно вылѣпленные изъ воска розовато-бѣлые цвѣты яблонь и грушъ — все это точно собралось и отразилось въ дѣвушкѣ, какъ собирается и отражается въ выпукломъ стеклѣ.

Кольцовъ смотрѣлъ на Лелю и все ему было ясно: — вся эта красота весны и сада — это — Леля!.. Покой и очарованіе, вдругъ сошедшіе ему на душу — отъ Лели! Благоуханіе цвѣтовъ, солнечный свѣтъ, нѣжное въ тѣни южное тепло — все это Леля, только Леля, все это отъ Лели и черезъ Лелю. Уйди она, и все перемѣнится и все потускнѣетъ, все окажется просто ненужнымъ.

Онъ взялъ маленькую руку въ бѣлой тугой перчаткѣ. Леля не приняла ее. Тихо вздохнувъ, она сказала:

— Разсказывайте всѣ ваши исторіи.

Кольцовъ молчалъ.

— Я жду, — тихо сказала Леля и осторожно отняла руку отъ Кольцова.

И Кольцовъ началъ прерывисто, безпорядочно разсказывать. Исповѣдь?.. Нѣтъ, уже какая тамъ исповѣдь!?. Въ ней, какъ у неосторожнаго наборщика, разсыпавшаго шрифтъ выпадали цѣлыя строки и самая причина всѣхъ золъ и недоразумѣній не была высказана.

Седьмая заповѣдь!..

Развѣ можно о ней говорить?.. Вообще нельзя... А при Лелѣ и тѣмъ болѣе.

Въ станицѣ, куда онъ сразу изъ Петербурга попалъ, жилось совсѣмъ не плохо. Кольцовъ досталъ программы и книги и началъ готовиться въ Академію.

— Академія... Это хорошо!.. Это очень хорошо. Я слыхала... Вы тамъ, въ станицѣ... на театрѣ играли?.. На любительскомъ спектаклѣ?..

— Да... Игралъ... Меня очень просили... Атаманъ просилъ... Это было между прочимъ.

— Дивертисментъ... Passons... *) Я читала вашу статью... Очень восторженную по поводу одной артистки...

— Представьте — да... Отлично играла. Да, я писалъ. Я не ожидалъ, въ станицѣ — такой талантъ!..

— Хорошо... Passons... Итакъ въ станицѣ все было хорошо. Почему-же вы покинули станицу?..

— Мнѣ надо было заявиться къ дядямъ. Вѣдь это они платили за меня, когда я учился. Я ихъ никогда не видалъ.

— Итакъ... Дяди... Ну и?.. Кузины, конечно.

Тутъ разсказъ сталъ смѣлѣе, краски ожили, описаніе дядей вышло даже художественнымъ.

— Сюда надо Гоголя, чтобы описать этихъ стариковъ-чудаковъ.

— Ну, а кузины?..

И съ кузинами вышло не худо, вѣдь, по чистой совѣсти, Кольцовъ могъ сказать — тамъ не было седьмой заповѣди. Спиритическій сеансъ повергъ въ изумленіе Лелю.

— Вы сами видали?.. Нѣтъ, вамъ показалось. Ужасъ какой. Я кажется, умерла-бы со страха... Но... passons... Тамъ, кажется, эта Нина?.. Очень хороша собой?..

— Можетъ быть. Но она моя двоюродная сестра. И она все таки со странностями, я долженъ вамъ разсказать исторію съ ея собакой.

Неро былъ описанъ во всѣхъ подробностяхъ.

— Она убила собаку... Какая гадость!.. Простите, она ваша кузина... Но, какая отвратительная злючка!.. Собака была ей такъ предана. Это-же не ревность! Развѣ можно ревновать къ собакѣ?.. Вы знаете, я не-навижу вашу кузину... Простите мнѣ. Это-же отвратительно. Потому вы и уѣхали?..

— Нѣтъ... Меня попросили уѣхать.

— Этого еще не доставало. Неужели изъ за собаки?

*) Мимо.

Сама убила, а на васъ повернула. Или вы тамъ еще что напроказили?..

— Вотъ тутъ и начинается главное.

— Я слушаю.

Теперь голосъ Кольцова окрѣпъ, подводные камни съ седьмой заповѣдью остались временно позади. Кольцовъ зналъ, что Елена Можайская, воспитанная въ институтѣ, выросшая въ казармѣ, племянница командира полка, вполнѣ созвучна ему, онъ понималъ, что въ ея глазахъ арестъ террориста, вчера повѣшеннаго, не позоръ, но подвигъ и потому не пожалѣлъ описать во всѣхъ подробностяхъ ночную поѣздку и даже показалъ слѣдъ ожога за ухомъ.

— Такихъ, какъ Воронкинъ на мѣстѣ убивать надо... А не милаго славнаго, честнаго, беззащитнаго и довѣрчиваго Неро... Я не-навижу соціалистовъ. Что имъ надо?. Чего они хотятъ?..

Леля подняла голову и широкимъ жестомъ показала садъ.

— Что? это они создали?.. Они все хотятъ разрушить. Подъ предлогомъ дать счастье всѣмъ, они отнимутъ его и у тѣхъ, у кого оно есть, и никому ничего не дадутъ. Нашъ Государь такъ хочетъ дать своему народу счастье. Они ему мѣшаютъ... Милый Георгій Александровичъ, — вы молодецъ...

— Вотъ за это-то молодечество меня и выгнали.

Леля внимательно и напряженно прослушала разсказъ объ объясненіи съ дядями.

— Конечно, Георгій Александровичъ, я не смѣю ничего сказать. Они старые заслуженные люди. Но... все-таки, вы не находите?.. Имъ надо было-бы приструнить своихъ кисейныхъ революціонерокъ и заставить ихъ преклониться передъ вами. Мой дядя, милый Акимычъ... Да никогда онъ не позволилъ-бы мнѣ ничего подобнаго. Но passons, passons, passons... Куда же вы, бѣдный, поѣхали?

— Вотъ здѣсь, Елена Михайловна, самое ужасное. Вы знаете, конечно, я, можетъ быть, и не такъ виноватъ, видитъ Богъ я не подозрѣвалъ, но я — преступникъ, я соучаст-

никъ преступленія. Большого преступленія и это меня мучитъ и тяготитъ. Научите меня, какъ мнѣ поступить?

— Разсказывайте о вашемъ преступленіи.

И опять стройная казачка съ рыбныхъ ловель — седьмая заповѣдь — выпала изъ разсказа, точно и не было у лихого браконьера урядника сестры Любаньки. Они только вдвоемъ ловили рыбу въ запретныхъ водахъ.

— Да-а... Но вы вѣдь не знали ничего? Не знали, что это запрещено?

— Не зналъ... Я узналъ это — вѣрнѣе — догадался объ этомъ только тогда, когда показалась моторная лодка съ охраной.

— Да... Это ужасно... Ужасно... Что-же вы думаете дѣлать?.. Чего вы хотѣли-бы?

Кольцовъ отвѣтилъ не сразу. Онъ осторожно взялъ руку Лели въ свою, она не отнимала ее.

— Я хотѣлъ-бы... исповѣдь... То есть не передъ Богомъ и священникомъ... Я знаю — Господь проститъ меня, но я хотѣлъ-бы, чтобы кто-то знающій и понимающій людскія дѣла выслушалъ меня и... наказалъ-бы меня за все. Чтобы мнѣ снова быть чистымъ передъ Богомъ, людьми, а, главное, передъ самимъ собою... Такой, какъ Акимычъ, вашъ дядя...

— Или кто нибудь побольше его?

— Да, — чуть слышно сказалъ Акимовъ, — или побольше его.

— А потомъ?..

— Потомъ... по отбытіи наказанія я хотѣлъ-бы... домой!.. домой!!. домой!!!

Это три раза повторенное слово: «домой» Кольцовъ сказалъ совсѣмъ тихо, а Леля услышала тотъ страстный вопль, который слышала изъ грудей сотенъ казаковъ, когда они отправлялись изъ полка на Донъ.

— Но, развѣ вы тутъ не дома?

— Нѣтъ.

— Гдѣ-же вашъ домъ?..

— Въ полку.

Опять замолчали. Лелина рука неподвижно лежала въ рукѣ Кольцова. Кругомъ благоухали цвѣты. Тѣни въ саду становились короче. Ярче были кружки золота на бѣломъ гравіѣ дорожекъ между голубыхъ узорныхъ тѣней. Полдень приближался.

— Я хочу, — тихо продолжалъ Кольцовъ, — чтобы опять все было ясно. Чтобы утромъ входилъ въ мою комнату денщикъ забрать мое платье и сапоги и говорилъ: «спите скорѣе, ваше благородіе, вамъ полчаса осталось спать».

— Это хорошо — «спите скорѣе», — медленно сказала Леля. — Очень хорошо.

— Чтобы онъ подавалъ мнѣ вмѣстѣ со стаканомъ чая приказъ по полку, изъ котораго я зналъ-бы все, что мнѣ нужно сегодня дѣлать. Чтобы были у меня занятія, чтобы знать, что никакая каверза, никакая подлость, никакая политика меня не ожидаетъ, что, если на комъ на погонахъ нашиты урядничьи шлычки и на воротникѣ и рукавахъ галуны, то этому человѣку я могу въ полной мѣрѣ вѣрить и довѣриться, чтобы меня окружали честность, доблесть и благородство, нигдѣ не было никакого подвоха или подлости, чтобы нужно было только свято и честно исполнять приказанія и быть увѣреннымъ, что эти приказанія честны и идутъ на пользу обожаемому Государю и Родинѣ... Я хочу — туда, домой... въ полкъ!.. Для новой жизни.

Маленькая рука въ тугой перчаткѣ осторожно пожала руку Кольцова, Дрогнувшій голосъ тихо сказалъ:

— Для новой жизни.

Они опять замолчали. Точно прислушивались они къ тому, что творилось въ ихъ молодыхъ сердцахъ. Надъ ними уже не было тѣни, но солнце щедро заливало ихъ своими яркими лучами.

— Леля!.. Жоржъ!.. — раздался изъ открытаго окна голосъ Дарьи Акимовны — идите завтракать.

— Бѣгу, Дарья Акимовна.

Леля еще разъ крѣпко пожала руку Кольцова, вырвала ее изъ его руки и побѣжала по дорожкѣ къ дому. От-

бѣжавъ нѣсколько шаговъ, она остановилась. Несказанно прекрасной показалась она Кольцову, порозовѣвшая, взволнованная.

— Я устрою вамъ... исповѣдь... А потомъ Богъ дастъ... и домой...

И она помчалась къ дому и исчезла въ крыльцѣ за листьями винограда.

Послѣ завтрака они пошли въ залъ къ роялю. Леля была серьезна и молчалива. Она долго разбирала ноты, потомъ положила тетрадку на пюпитръ и отошла въ сторону.

— Пожалуйста, — сказала она, — начнемъ.

Сильный, смѣлый, звенящій голосъ Лели раздался по залу:

— «Какъ пошелъ я съ казаками —
Ганна говорила...»

Пораженный ея голосомъ Кольцовъ остановилъ аккомпаниментъ.

— Боже мой, — воскликнулъ онъ... Какой у васъ сталъ за зиму голосъ!.. Я не узнаю... Какъ много, должно-быть, вы работали. Какая звучность, какой тембръ и сила, сила!..

— Постойте, — румяная отъ похвалы, сказала Леля. — Кто вамъ далъ право останавливать аккомпаниментъ и прерывать меня? Развѣ я ошиблась?.. И вы?.. Не Направникъ, чтобы я вамъ могла позволить это. Продолжайте...

Наполняя всю залу, разносясь по саду черезъ открытыя окна, дивный голосъ несся и, за стѣною, притаившись, слушали Лелю Дарья Акимовна и старый Илья пересталъ убирать со стола и застылъ съ тарелкой въ рукѣ.

— Богъ послалъ намъ атамана..
Сразу мы разбили въ пухъ и прахъ
Все войско хана,
Городъ полонили
Сбили крѣпкія ворота...
Пиръ, пиръ у казаковъ...

Теперь остановила Леля...

— Постойте, я вамъ все придумала... Будетъ у васъ

и исповѣдь, и наказаніе, и потомъ... потомъ... домой!.. Только это будетъ послѣ концерта... Играйте это мѣсто снова.

И понеслось по залу:

Сбили крѣпкія ворота...
Пиръ, пиръ у казаковъ...
— У меня одна забота: —
Нитка корольковъ...

IV

Лелинъ концертъ — это было событіе въ Новочеркасскѣ — состоялся въ четвергъ, на Святой недѣлѣ. Со страстной, по всему Новочеркасску висѣли голубыя, бѣлыя и розовыя афиши и на нихъ громадными буквами было имя Елены Михайловны Можайской — это очень волновало Лелю.

Когда Леля вышла на эстраду большого бѣлаго Георгіевскаго зала Офицерскаго Собранія, у нея закружилась голова.

Всѣ первые ряды блистали серебромъ безчисленныхъ густыхъ и простыхъ эполетъ. Между темно синими мундирами яркими точками были весенніе туалеты дамъ. Лишь кое-гдѣ очень рѣдко виднѣлся черный фракъ или сюртукъ военнаго чиновника. За пятымъ, блестящимъ серебромъ рядомъ и до стѣны, и по сторонамъ, потому что всѣмъ мѣста не хватило, и на хорахъ, вездѣ были свѣтлыя, сіяющія, точно розовый свѣтъ излучающія лица молодежи. Это отъ нея шелъ по залу легкій, праздничный волнующій гулъ сдержанныхъ голосовъ.

Весь Маріинскій институтъ — еще бы!.. поетъ своя, бывшая воспитанница, — женская гимназія, епархіальное училище, юнкера, кадеты, гимназисты, реалисты биткомъ набили залъ. Лелю встрѣтило такое блистаніе тысячъ паръ обожающихъ глазъ, что и ея глаза заблестѣли набѣжавшею слезою волненія. Тутъ — не строгій, чинный Петербургъ — тутъ вотъ-вотъ громомъ разразится овація, тутъ молодымъ крикамъ восторга не будетъ конца, тутъ надо пѣть совсѣмъ

особенно. И Леля смутилась. Она поняла, кто она для всей этой — публики. Своя — прежде всего — своя, наша институтка, ея мать — казачка Акимова, дядя командиръ казачьяго полка, троюродная тетка — сама Атаманша!.. Кругомъ — своя!... И — артистка!.. Въ Петербургѣ — въ оперѣ пѣла... Въ фотографіи на Московской выставлены ея портреты и все съ надписью «фотографія Императорскихъ театровъ» — все это вдругъ поняла, ощутила и осознала Леля, и это и смутило и вдохновило ее и она почувствовала, что она можетъ такъ пѣть, какъ надо, чтобы ничѣмъ и нисколько не поколебать того обожанія, которое она ощущала во всѣхъ этихъ юныхъ, — блестящихъ глазахъ. Точно они, эти глаза, вливали въ нее какія то особенныя силы.

И прямо передъ нею, въ первомъ ряду Атаманъ и Атаманша съ громаднымъ букетомъ бѣлыхъ розъ, перевязанныхъ голубою лентою. Съ ними она будетъ послѣ концерта говорить... о Кольцовѣ!..

А сейчасъ — концертъ.

— Начинайте, Георгій Александровичъ, — чуть слышно сказала на нѣмой вопросъ Кольцова, Леля.

Легкій, танцующій аккомпаниментъ точно брызнулъ свѣжими каплями въ разгоряченный воздухъ зала. Апрѣльскій вечеръ глядѣлся въ открытыя настежь окна. Съ ближняго тополя бульвара черный дроздъ отвѣтилъ короткой руладой и въ залъ понеслись звуки прекраснаго сильнаго женскаго голоса:

— «Пор-р-радуйся, малютка,
Чуднымъ апрѣльскимъ дня-амъ...
Ужъ солнца свѣтъ
Несетъ привѣтъ
Весны сошедшей къ на-амъ...

Всѣ лица кругомъ, точно по командѣ, заулыбались, и разгладились морщины на лицахъ старыхъ отставныхъ войсковыхъ старшинъ и еще радостнѣе стали лица молодежи.

Едва кончилось первое отдѣленіе, крики — «браво»,

«бисъ», «бисъ», стали разряжать слишкомъ напряженное вниманіе восхищенія.

Кольцовъ сидѣлъ за роялемъ и смотрѣлъ въ залъ. Вдругъ онъ услышалъ, какъ могучій, знакомый, мягкій баритонъ произнесъ на низкихъ нотахъ, покрывая мощью своего голоса крики тысячи людей:

— Браво!.. Опредѣленно — браво!..

Реальная Сила въ штатскомъ чечунчевомъ пиджакѣ подвигался черезъ толпу къ эстрадѣ, сзади него шла великолѣпная Наталль. Въ низкомъ декольте бальнаго платья, блистающая высокою грудью, на которой лежало, колышась, ожерелье изъ маленькихъ каменныхъ пасхальныхъ яичекъ, съ громаднымъ букетомъ блѣдно-розовыхъ розъ въ рукѣ Наталль рѣзко выдѣлялась яркой своею красотою среди множества красивыхъ лицъ. На нее смотрѣли, оглядывались на нее.

Въ дверяхъ «артистической» Наталль столкнулась съ Кольцовымъ. Она крѣпко пожала руку Кольцова и сказала своимъ очаровательнымъ низкимъ, бархатнымъ голосомъ:

— Поздравляю, Георгій Александровичъ... Ва-а-шъ выборъ, да лу-уч-ше нево-озмо-жно!..

— Діамантъ!.. Діамантъ чистой воды, — покрывая шумъ голосовъ стоявшій въ «артистической» сказалъ своимъ могучимъ голосомъ Реальная Сила. — Представьте насъ. Наша станица хочетъ букетомъ чествовать несравненную диву. Вѣдь это... Ей Богу!.. Да, опредѣленно, браво!.. Ничего другого и не придумаешь... Дивной Дивѣ въ апрѣльскіе дни.

Реальная Сила довѣрительно толкнулъ Кольцова локтемъ въ бокъ и, скосивъ черные, вылупленные глаза на Лелю, такимъ свирѣпымъ шопотомъ прошепталъ, что всѣ на него оглянулись:

— Невѣста?.. А?!.

V

На другой день, вечеромъ, Леля уѣзжала въ Петербургъ.

Весь чиновный и благотворительный Новочеркасскъ и вся молодежь ее провожали. Леля пріѣхала на вокзалъ въ атаманской коляскѣ съ Атаманшей.

На узкомъ перронѣ — толпа народа, въ ней совершенно затерялся Кольцовъ. Онъ такъ и не протискался бы къ вагону, если-бы его не взялъ подъ руку Павловъ и не повелъ черезъ толпу.

— Ты что-же, господинъ Финтифлюшкинъ?.. Затерялся, какъ ребенокъ безъ мамы. Лелинъ тріумфъ — твой тріумфъ... Пріучайся быть... при знаменитости.

Въ ростовскомъ поѣздѣ для Лели было задержано отдѣльное купе перваго класса. Атаманскій адъютантъ повелъ Лелю въ вагонъ, понесъ ея сумочку, пледъ и цвѣты и опустилъ окно. Какъ въ пестрой рамѣ букетовъ появилось въ немъ милое, счастливое лицо Лели. Кругомъ щебетали дѣвичьи голоса гимназистокъ.

— Елена Михайловна, не забывайте насъ.

— Родныя, какъ можно?.. Никогда не забуду милый Новочеркасскъ.

— Леля, напиши, какъ доѣдешь?..

— Какъ пріѣду, тетя, сейчасъ пошлю телеграмму. Дядя меня такъ отлично устроилъ.

— Елена Михайловна, а карточки ваши пришлете?.. Не обманёте?..

— Ну, какъ-же?.. Васъ, милыя, забыть?.. Никогда не забуду. Олечкѣ Карповой, Юлочкѣ Грековой, Манѣ Лащилиной, Дусѣ Себряковой...

— А вотъ Тасю Брехову и забыли, — пропищалъ изъ за спинъ болѣе взрослыхъ дѣвицъ чей-то печальный голосъ, въ которомъ слышались готовыя пролиться слезы.

— Ну, какъ можно!.. И Тасѣ Бреховой, конечно. У меня всѣ вы записаны.

— Записано-то записано, а пріѣдете въ Россію и забудете насъ, Новочеркасскихъ.

Мелодично и, точно печально, напоминая о разлукѣ, ударилъ два раза колоколъ. Леля глазами искала Георгія Александровича, а тотъ стоялъ подъ самымъ окномъ и не спускалъ восторженнаго взгляда съ Лелина лица.

Леля нагнулась къ нему и прошептала:

— Завтра вамъ назначено вечеромъ у Атамана. Смотрите, какъ на духу... Исповѣдь... Не такъ, какъ мнѣ... безъ умолчаній!.. Знаю я васъ!..

И сейчасъ-же добавила громко:

— До свиданья, Георгій Александровичъ, увѣрена, что — до скораго.

Кольцовъ хотѣлъ пожать протянутую ему руку, но въ это время толпа кругомъ него заволновалась и оттерла его отъ окна. Кто-то сзади, могуче напирая локтями и плечами, продирался черезъ провожавшихъ, торопясь къ вагону. Кругомъ раздавались голоса протеста:

— Попрошу полегче.

— Преть, чистый бугай!..

— Кому-же больше... Конечно — Реальная Сила!..

И подлинно — Реальная Сила, — въ рукахъ огромнѣйшій букетъ какой-то необыкновенной сирени, а за нимъ Наталлъ спѣшили къ поѣзду.

— Ну, поспѣли, слава Богу, — прогудѣлъ Реальная Сила, стараясь протиснуть черезъ толпу букетъ.

— Да, что вы, батенька, да не войдетъ ваша копна!

— Пропихнемъ съ Божьею помощью, — отдуваясь, пробасилъ Реальная Сила, — вотъ адъютантъ приметъ изнутри. Какъ-же божественной да не увезти въ Петербургъ нашей Новочеркасской сирени?!.

Изъ окна вагона, отстраняя Лелю, показался атаманскій адъютантъ.

— Вы его комлемъ впередъ, — сказалъ онъ. — Позвольте Елена Михайловна.

Сирень душистымъ вѣникомъ заполнила все окно, Реальная Сила принатужился и пропихнулъ букетъ въ вагонъ.

— Такой сирени, — вытирая потъ съ лица, говорилъ онъ, — да нигдѣ во всемъ мірѣ не найдти. Лучшая персидская, отборная, крупно-цвѣтная, я уже знаю у кого въ Новочеркасскѣ достать дивной для дивы сирени.

Теперь снова появилась въ окнѣ милая головка Лели.

— Чудо!.. Прелесть, какая сирень. Спасибо вамъ, милая Наталья Борисовна, спасибо и вамъ, — она не знала, какъ назвать ей Реальную Силу. Ей представили этого рослаго молодого человѣка, какъ Реальную Силу, не назвавъ ни имени, ни фамиліи.

Пробилъ третій звонокъ, и медленно поплылъ мимо Кольцова синій вагонъ, и въ немъ на фонѣ пестрой сирени улыбающееся привѣтливое и несказанно дорогое лицо Лели.

— До свиданія!.. До свиданія!..

— Не забывайте насъ...

— Карточки... карточки... Не забудьте Тасю!..

— Милыя, не забуду, никогда не забуду милаго Новочеркасска.

Атаманскій адъютантъ на ходу выпрыгнулъ изъ вагона. Онъ наткнулся на шедшаго за вагономъ Кольцова.

— А вотъ... Очень кстати. Хотѣлъ къ вамъ ѣхать нарочно. Завтра въ восемь у атамана... Форма одежды обыкновенная... Попались въ чемъ-то, голубчикъ... Нѣтъ, вѣрно, благодарить васъ будетъ за аккомпаниментъ на концертѣ.

VI

Въ небольшомъ боковомъ кабинетѣ, въ нижнемъ этажѣ Атаманскаго дворца стынутъ тихія весеннія сумерки. За письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами въ синихъ папкахъ, бокомъ къ окну, задумавшись, сидитъ Наказный Атаманъ. Бѣлый Георгіевскій крестъ отблескиваетъ на темно-синемъ чекменѣ. Красивое лицо въ русой, пробитой сѣдиною бородѣ лопатой, повернуто въ сторону отъ Кольцова.

Тотъ только что окончилъ свою исповѣдь, гдѣ не вы-

нало, какъ тогда, когда разсказывалъ свои похожденія Лелѣ и то, что касалось седьмой заповѣди. Только имена не были названы. Кадетское правило — «не выдавать» было крѣпко въ Кольцовѣ, да и атаманъ, когда при разсказѣ про рыбную ловлю Кольцовъ замялся, перебилъ его, коротко бросивъ:

— Именъ не нужно... Понимаю.

Въ раскрытое окно тянетъ запахами сирени и бѣлой акаціи изъ сквера на площади передъ дворцомъ, да откуда то издали, должно быть съ Московской улицы доносится бормотаніе толпы: «грръ, грръ, грръ»... Оно напоминаетъ станицу и Наталлъ. Весенній вечеръ такъ хорошъ, что тамъ все не могутъ разойдтись гуляющіе.

Атаманъ нажалъ на кнопку.

Старикъ лакей въ сѣромъ сюртукѣ появился въ дверяхъ.

— Скажи атаманшѣ — прислать намъ чаю.

Атаманъ разсѣянно перебралъ на столѣ папки.

— Я прошу васъ, ваше превосходительство, — дрожащимъ голосомъ сказалъ Кольцовъ. — Наказать меня... Я виноватъ... Видитъ Богъ — я не хотѣлъ, но я готовъ заслужить себѣ прощеніе передъ Государемъ своею службою... Хотя-бы... въ арміи...

— И въ арміи, дорогой Кольцовъ, служатъ такъ-же, какъ и у васъ. И тамъ — полкъ, такая-же святыня!.. Не думайте, что армія — это складъ для провинившихся... Да вы и не такъ уже виноваты.... А ваша работа при арестѣ террориста, — атаманъ похлопалъ ладонью по папкѣ, — показываетъ, что вы храбрый, рѣшительный и честный офицеръ... Этимъ однимъ многое искупается... Конечно, у васъ были ошибки... Да вѣдь какъ вамъ и не ошибаться?.. Я знаю — ваше кадетское воспитаніе, хотя и суровый закалъ, а все — оранжерейное воспитаніе, не дающее вамъ свободы разсужденія. Полковникъ Акимовъ, посылая васъ на льготу, хотѣлъ закалить васъ, хотѣлъ, чтобы вы соприкоснулись съ жизнью, какъ она есть, безъ указки старшихъ. Жизнь полна колючекъ, лопуховъ, чертополоховъ... Глушатъ они

жизнь. Ихъ выкорчевывать приходится. Тутъ идеалисты съ рыцарскими завѣтами пажей средневѣковья и безъ настоящей закалки... Да гдѣ-же вамъ устоять?.. И то хорошо, что со станичной красавицей удержались на грани возможнаго. Я догадываюсь, о комъ вы говорили. Очень хорошая женщина, но... не для васъ... Ей надо командира... А вы сами въ командирѣ нуждаетесь. Какой вы командиръ, когда урядникъ вами командуетъ? Ну... ну... Не обижайтесь... — мягче добавилъ атаманъ, замѣтивъ что слезы показались на глазахъ Кольцова.

— Это, мой милый Кольцовъ, придетъ... Съ годами придетъ... На дядей вашихъ не обижайтесь. Я ихъ отлично знаю и уважаю безконечно... Труды Осипа Михайловича по палеонтологіи извѣстны заграницей. Хорвардскій университетъ въ Америкѣ избралъ его членомъ профессорскаго совѣта... Андрей Михайловичъ за описаніе степей южной Россіи имѣетъ золотую медаль отъ Академіи Наукъ. Донъ гордится ихъ именами. Но — они — кабинетные ученые, они ушли отъ жизни. Они родились въ суровое Николаевское время, а выросли въ хмѣльные дни освободительныхъ реформъ и славянофильства. Въ нихъ самодурство старыхъ крѣпостниковъ смѣшалось съ либеральнымъ анархизмомъ нынѣшней передовой интеллигенціи. Для нихъ декабристы и народовольцы — герои, а не преступники. Они слѣпо вѣрятъ, что въ 3-мъ отдѣленіи на допросахъ сѣкутъ, и въ жандармѣ они видятъ не охранителя порядка, но врага и непремѣнно подлую личность. Они расточаютъ имѣніе, не ими нажитое и благоустроенное. Михаилъ Михайлоичъ притомъ Толстовецъ... Его дочери отъ него все это унаслѣдовали, а въ Москвѣ на курсахъ въ эти тревожные годы бунтовъ и совсѣмъ — правильно сказалъ про нихъ Андрей Михайловичъ, — перебѣсились. Это вотъ именно такія, какъ онѣ, какъ имъ подобныя, и создаютъ такое страшное положеніе въ жизни, что вотъ — вѣшать приходится... Объявлена война власти, и въ этой войнѣ вы показали себя честнымъ и доблестнымъ офицеромъ, такъ о чемъ-же намъ говорить и за что мнѣ васъ наказывать?..

Атаманъ снова перебралъ папки. Онъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Я скажу вамъ довѣрительно. Ваша двоюродная сестра Нина Кольцова — есть у меня о томъ донесенія жандармскаго отдѣленія, — помогала укрываться этому негодяю... Она потомъ помогла нѣкоей Людмилѣ Лозинской, которая везла деньги и паспортъ этому самому Воронкину... Видите... И мы не арестуемъ вашей двоюродной сестры, потому, что знаемъ, что она это дѣлаетъ... просто... по глупости... Лозинскую арестовали здѣсь въ Новочеркасскѣ, на мѣстѣ казни она пыталась подкупить казаковъ и освободить арестанта... Вы видите, какими нитями васъ опутали. Полковникъ Шварцъ зналъ, что дѣлалъ, когда просилъ, чтобы именно вамъ было поручено арестовать Воронкина. Этимъ вы очистили себя отъ всякихъ подозрѣній. Вы назвали въ вашемъ разсказѣ Лозинскую инфернальной женщиной, вы видите — вы не ошиблись — пустая интрижка могла васъ, не будь вы стойки въ вашихъ убѣжденіяхъ, привести къ тому-же, до чего дошелъ Воронкинъ... Вы этимъ арестомъ Воронкина дали мнѣ возможность затушить дѣло и о вашей двоюродной сестрѣ... А она настояла, чтобы васъ выгнали изъ отчаго дома!.. Такова жизнь съ ея гримасами. Теперь васъ особенно мучаетъ, что вы такъ опрометчиво попались съ этимъ урядникомъ...

Атаманъ развернулъ синюю папку и просмотрѣлъ въ ней какія то бумаги.

— Лагутинымъ, конечно, — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на пораженнаго Кольцова.

— Лагутинымъ... Нѣтъ... Я ничего не говорилъ...

— Не безпокойтесь... Вы его не выдали..., — въ голосѣ атамана послышалась иронія. — Вы старый кадетъ и юнкеръ той-же школы, что и я — нѣтъ это не вы выдали... Но у атамана есть охрана рыбныхъ ловель и она знаетъ наперечетъ всѣхъ браконьеровъ. Попадется намъ и Лагутинъ когда нибудь. У насъ въ Россіи законъ гуманный — не пойманъ, не воръ... А представьте, хорунжій Кольцовъ, что это именно и случилось-бы тогда, когда вы были съ нимъ...

Голосъ атамана повысился. Кольцовъ всталъ и вытянулся. Колючая дрожь прошла по его тѣлу.

— Красиво это вышло-бы для полка и для васъ?.. Вѣдь съ мундиромъ, которымъ вы такъ дорожите вамъ пришлось-бы разстаться!

Въ это время въ дверь постучали. Лакей принесъ на подносѣ чай.

— Ставь здѣсь, — указалъ атаманъ на круглый столъ у окна.

— Садитесь, Кольцовъ. Пейте вашъ чай и успокойтесь... Знаемъ обо всемъ этомъ только я, да вы... Я тоже старый кадетъ и васъ... не выдамъ... атаману... Ваше чистосердечное раскаяніе смягчаетъ вашу вину. Притомъ-же и храбрость при арестѣ террориста...

Атаманъ взялся за стаканъ и замолчалъ, глядя въ открытое окно. Сквозь гущу кустовъ сквера чуть просвѣчивалъ темный силуетъ памятника графу Платову. Виденъ былъ киверъ съ султаномъ и поднятая съ саблей рука.

— Не думайте только, Кольцовъ. что храбрость это — все... Атаманъ Платовъ говорилъ не разъ, а кому-же не знать и не цѣнить храбрость, какъ не ему... — «О храбрости Донскому казаку говорить не приходится, храбрость въ крови у казака... Но нужно и поболѣе храбрости». Нужно умѣть разбираться въ обстановкѣ, не терять головы, какія бы тамъ хорошенькія казачки передъ вами ни были... Ловить рыбу ночью съ красивой казачкой, что говорить — лихо!.. Показать ей свое молодечество — прекрасно, но вотъ разобраться въ этомъ хмѣльномъ угарѣ поцѣлуевъ и понять, что васъ обманываютъ — повѣрьте — это самое драгоцѣнное для офицера качество — мужество! Вотъ это я и хочу, чтобы вы запомнили и вынесли изъ труднаго урока жизни...

Атаманъ замолчалъ. Кольцовъ не смѣлъ прерывать его думы. Онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ и ждалъ, чѣмъ окончитъ свою рѣчь этотъ красивый, серьезный, задумавшійся о чемъ-то человѣкъ.

— Мы, Кольцовъ, слава Богу, христіане... И Государь

у насъ христіанинъ и законы наши согласованы съ евангельскими истинами. Мы судимъ не столько за самые поступки, какъ за побужденія, эти поступки вызвавшія... У васъ нигдѣ не было худыхъ побужденій... А что ошибались, такъ, кто Богу не грѣшенъ, кто Царю не виноватъ?.. Мнѣ говорила Леля, что вы тоскуете по полку... Что единственное ваше желаніе вернуться въ полкъ?

— Да, ваше превосходительство... Полкъ... Въ полку... все тамъ такъ ясно...

— Да... и «спите скорѣе» — денщика... Но, милый мой, надо, чтобы и безъ денщика могли вы обходиться... Ну, что же?.. Получите у дежурнаго адъютанта предписаніе и поѣзжайте въ полкъ. Служите честно и пусть эта зима, проведенная вами самостоятельно, будетъ вамъ полезнымъ урокомъ и научитъ васъ всегда и вездѣ поступать — по офицерски.

Атаманъ всталъ и протянулъ руку Кольцову.

— До свиданія, Кольцовъ. Берегите себя отъ соблазновъ, вы, мнѣ кажется, нужны не только себѣ, не только Родинѣ, но и еще кому-то, кто васъ — не знаю, право, за что, искренно полюбилъ. Берегите свято это чувство.

Не помнилъ и не зналъ, какъ вышелъ отъ атамана Кольцовъ. Онъ шелъ, поднимаясь по Платовскому проспекту, мимо рядовъ. Вдоль бульвара зажигались фонари, а впереди въ высокихъ куполахъ собора играли золотые огни заходящаго солнца. Ликующіе гимны пѣли въ сердцѣ Кольцова, необычайно легокъ былъ его шагъ по неровнымъ плитамъ троттуара и какъ какой-то благовѣстъ все звучало и звучало, совсѣмъ въ тѣхъ-же тонахъ, какъ нѣкогда кричали казаки, которыхъ за это такъ сильно осуждалъ Кольцовъ: «домой!.. домой!!. домой!!!».

VII

Чѣмъ ближе подходилъ скорый поѣздъ къ Петербургу — тѣмъ яснѣе становилось въ сознаніи Кольцова, что вѣдь онъ женихъ Лели.

«Когда, какъ это случилось?.. Да развѣ онъ говорилъ что нибудь Лелѣ?.. Да согласна-ли она?.. Дарья Акимовна сказала при Лелѣ: «господинъ Финтифлюшкинъ и госпожа Финтифлюшкина» и Леля засмѣялась и отвѣтила: «ну, Дарья Акимовна, какой-же онъ Финтифлюшкинъ, вы обижаете Георгія Александровича». А Дарья Акимовна продолжала: «нѣтъ вы прелестная пара, какъ погляжу я на васъ»... И Леля покраснѣла и не протестовала. Реальная Сила спросилъ на всю артистическую: «невѣста»?.. И всѣ оглянулись и какъ-то въ это мгновеніе стало тихо кругомъ. И Леля была очень смущена. Да развѣ такъ дѣлаютъ предложеніе?.. И вотъ тоже атаманъ... Про святое чувство»...

Но всѣ эти мысли, мечтанія, были удивительно, какъ пріятны. Они такъ отвѣчали тому радостному виду, который открывался передъ Кольцовымъ въ открытое окно вагона. Мимо проносились густые хвойные лѣса, мхи, болота, лѣсныя темныя рѣчки и все это въ сіяніи восходящаго солнца было такъ несказанно красиво, такъ многое напоминало, такъ говорило о миломъ покойномъ сѣверѣ, о полкѣ, гдѣ было все дорогое Кольцову, гдѣ была теперь и Леля... За лѣсомъ роса алмазами играла на ярко зеленыхъ лугахъ, золотые одуванчики были червонцами разбросаны по нимъ. Дали клубились туманами. Пруды, лѣнивыя озера, рѣчки, ручьи, — и все это подъ дымкою утренняго тумана проносилось передъ плавно бѣгущимъ вагономъ.

Кольцовъ мысленно видѣлъ передъ собою ту карточку, что подарила ему Леля — «Прохожій»... Въ бѣломъ парикѣ, очаровательно юная, въ кафтанѣ и панталонахъ — его невѣста?!. Не можетъ быть! И сердце замирало и глаза боялись увидѣть быстрое приближеніе поѣзда къ этому счастью, которому вѣрить было страшно.

Любань... Сортировочная... Безъ конца красные вагоны, безъ конца пути рельсовъ, стрѣлки, переводины и платформы и вагоны, вагоны... И вотъ уже замелькали желѣзныя сѣрыя балки «Американскаго» моста и за ними ряды высокихъ красныхъ казармъ.

Домъ.

И тутъ вдругъ вспомнилъ, что домъ-то домъ, а дома то тамъ и не было. Та комната, которую онъ занималъ на холостой квартирѣ Тапира, съ его отъѣздомъ на льготу, была передана вновь выпущенному въ полкъ офицеру и Кольцову было въ пору, хотя въ гостинницу ѣхать.

Онъ поѣхалъ прямо къ адъютанту, онъ зналъ, что каковы бы ни были обстоятельства, гостепріимная квартира адъютанта всегда была въ распоряженіи такихъ бездомныхъ офицеровъ.

Но, какъ сильно волненіе Кольцова, оно почти такое, какое было тогда, когда послѣ производства въ офицеры онъ подходилъ къ этой самой двери, обитой зеленой клеенкой, на которой, какъ и тогда блеститъ бронзовая ярко начищенная дощечка съ черною надписью: «полковой адъютантъ»! Да вѣдь и точно онъ будто снова произведенъ въ офицеры, снова вернулся въ полкъ, который онъ за это время такъ успѣлъ полюбить и по которому онъ такъ натосковался. Неожиданно громко прозвенѣлъ за дверью элетрическій звонокъ, сейчасъ-же раздались тяжелые денщицкіе шаги и дверь распахнулась.

— Пожалуйте, ваше благородіе. Ихъ высокоблагородіе такъ будутъ рады, они васъ все время поджидаютъ.

Въ полутемной маленькой прихожей, на ясеневой вѣшалкѣ виситъ дамское сѣрое манто, что то слишкомъ уже расшитое кружевами и рюшами. Большая шляпка съ розовымъ попугаемъ, задравшимъ кверху крыло и длинныя булавки съ фарфоровыми наконечниками лежатъ на подзеркальной полкѣ. По всей прихожей стоитъ сладкій, приторный запахъ духовъ.

Денщикъ ловитъ взглядъ Кольцова и говоритъ довѣрительнымъ шопотомъ:

— У ихъ высокоблагородія — барышня... Ничего, вы имъ не помѣшаете. Я заразъ вамъ все изготовлю въ кабинетѣ, отлично устроитесь.

Онъ принимаетъ отъ извощика сундукъ и корзину Кольцова и несетъ ихъ въ кабинетъ. Все въ кабинетѣ такое знакомое и родное для Кольцова. Сколько разъ онъ ночевалъ

тутъ на софѣ и сосѣдство мимолетныхъ женщинъ «нашего круга» никогда его нисколько не стѣсняло, а вотъ теперь почему-то это не очень пріятно, точно мѣшаетъ сладкимъ думамъ о Лелѣ. Отбиваетъ чѣмъ-то непозволительнымъ и непріятнымъ, и запахъ духовъ кажется противнымъ.

Денщикъ раздергиваетъ портьеры у окна и открываетъ сундукъ Кольцова.

— Ваше благородіе, — шопотомъ говоритъ онъ, косясь на двери адъютантской спальни, — заразъ и являться пойдете командиру?..

Онъ достаетъ мундиръ и привычными движеніями ввязываетъ въ него эполеты, пропуская перевязь и портупею.

За высокою дверью кто-то протяжно зѣваетъ и сонный женскій голосъ говоритъ:

— Ахъ-ха!..

Кольцовъ открываетъ настежь окно. Ему кажется, что у него отъ запаха духовъ кружится голова.

Какое все родное передъ нимъ и какъ отстала весна въ Петербургѣ. Въ Новочеркасскѣ цвѣла сирень и бѣлая акація наливала восковыя кисти цвѣтовъ, здѣсь чуть только набухли зеленыя почки на тонкихъ петербургскихъ тополяхъ полкового садика. Оттуда пахнетъ землею и свѣжимъ запахомъ тополя. Отъ этого запаха вязко становится во рту. За спиною Кольцова мягко позваниваютъ шпоры, адъютантъ въ распахнутой сѣрой тужуркѣ вышелъ изъ спальни и заключилъ Кольцова въ объятія.

— Ну, какъ я за тебя радъ. Вотъ ты и опять съ нами.

— Я... Я не мѣшаю тебѣ?.. У тебя... гостья?..

— Чудакъ человѣкъ, когда-же ты можешь мнѣ помѣшать? У меня та, кого ты знаешь — Шурочка — «золотой пушокъ». И она тебѣ будетъ рада. — Шурочка, торопись, — крикнулъ адъютантъ въ сторону спальни. — Закутинъ, — обернулся онъ къ денщику, заканчивавшему сборку мундира, — попроси сюда сотника Симонова.

Шурочка въ тепломъ голубомъ пеньюарѣ, въ кружевахъ, зябко пожимаясь, выходитъ изъ спальни. На лицѣ слѣды пудры, рѣсницы слиплись отъ туши.

— Ахъ, такъ это — Жоржъ!.. Слышу голоса, не могу разобрать кто. Такъ рано, думала, не Тапиръ-ли?..

И тутъ-то какъ разъ и появился Тапиръ. Онъ своимъ приходомъ снялъ неловкость того, что тутъ была женщина.

Шурочка прошла въ столовую готовить «семейный» чай.

Сколько сразу новостей! Черезъ шесть дней въ лагери!

— А я то твоего Доріанъ-Грея чуть было не отправилъ къ тебѣ на Донъ, думалъ ты въ льготные лагери пойдешь, а тутъ телеграмма отъ атамана и угадай, кто больше всего обрадовался этому?..

— Ты?..

— Ну, зачѣмъ валяешь дурака, отлично знаешь кто? Тутъ всѣ такъ этому рады. Немножко рано, ну да у тебя не тотъ характеръ.

— Ничего не понимаю.

Кольцовъ краснѣетъ, но тутъ зовутъ въ столовую, Шурочка сидитъ за самоваромъ, она пальцами накладываетъ сахаръ въ стаканы.

— Вамъ сколько, три поди-ка?..

Отъ ея пальцевъ чай пахнетъ духами и это теперь противно Кольцову, а когда-то Шурочка такъ нравилась ему, такъ онъ завидовалъ адъютанту, что у того такая шикарная женщина... И Кольцову хочется уйдти отъ этой «семейной» обстановки.

— Ипполитычъ, прости меня, я пойду.

— Куда?.. Къ командиру еще рано.

— На конюшню, къ Доріанъ-Грею.

— Снесите ему отъ меня кусочекъ сахару, — говоритъ Шурочка, — онъ такой душка! Поцѣлуйте его въ бархатную мордочку!

На дворѣ ученье. Скачутъ казаки, колютъ чучела пиками. Въ конюшнѣ пріятный запахъ сѣна и лошадей — лучше Шурочкиныхъ духовъ. Дежурный подходитъ съ рапортомъ. Потомъ спрашиваетъ тихо:

— А какъ дома?.. На Дону?..

Дома?.. Да вѣдь вотъ онъ гдѣ домъ-то!

Вѣстовой ожидаетъ Кольцова у денника Доріанъ-Грея, всѣ уже знаютъ въ полку, что Кольцовъ пріѣхалъ. Доріанъ-Грей заржалъ навстрѣчу Кольцову.

— Ить узналъ васъ, а почитай всю зиму не видались помнитъ вашу ласку. А какъ на Дону, дома?.. Хорошо поди теперича по хуторамъ, все въ цвѣту. При васъ то сѣять закончили, ай нѣтъ?..

Дежурный по конюшнѣ стоитъ у рѣшотки денника, прислушивается къ тому, что скажетъ про Донъ Кольцовъ.

— Да, на Дону очень хорошо, очень, — быстро говоритъ Кольцовъ, — а въ полку во сто кратъ лучше.

— Это какъ кому, — тихо говоритъ вѣстовой и перебираетъ между пальцами нѣжную гриву Доріанъ-Грея.

Конюшня наполняется офицерами. Уже узнали, что Кольцовъ пріѣхалъ. Митенька, маркизъ Петровъ, Дорофѣевъ пришли поговорить съ Кольцовымъ. Разговоръ прыгаетъ отъ полка на Донъ и съ Дона опять въ полкъ.

— Идемъ въ собраніе ,тамъ намъ разскажешь всѣ твои похожденія на льготѣ.

— Но постойте, господа, мнѣ надо-же командиру являться. И тебѣ, Митенька, я еще не представился, какъ слѣдуетъ?

— Ну, иди, иди, Акимычъ только что прошелъ къ себѣ изъ полковой кузницы.

Надѣть парадный мундиръ, оправиться передъ зеркаломъ, дать полюбоваться на себя Шурочкѣ — одна минута, и вотъ уже знакомая, холодная, чистая лѣстница наверхъ и командирская квартира. Что то скажетъ теперь Акимычъ?

VIII

— Господинъ полковникъ, хорунжій Кольцовъ, согласно съ предписаніемъ Войскового Штаба Войска Донского, является въ полкъ со льготы.

Сѣрые глаза Акимыча холодно осматриваютъ офицера съ ногъ до головы. Молодцомъ стоитъ офицеръ. Вытянулся въ струнку, каблуки сомкнуты, носки разведены на ширину

ружейнаго приклада, корпусъ поданъ впередъ. Загорѣлъ, возмужалъ, очень похорошѣлъ. Въ глазахъ горитъ какой-то новый огонь. Акимычъ знаетъ значеніе этого огня. Его глаза теплѣютъ и какой то токъ точно идетъ изъ глазъ одного въ глаза другому, точно старые глаза нѣчто спрашиваютъ и молодые отвѣчаютъ ясно, твердо, весело и радостно, такъ радостно, что у Акимыча въ углахъ рта, гдѣ начинаются бакенбарды, появляются какія то морщинки, вотъ вотъ расплывутся въ улыбку счастья. Но Акимычъ сдерживается и голосъ его строгъ и оффиціаленъ:

— Что еще имѣете доложить, хорунжій?..

Темныя, загнутыя кверху, густыя, еще дѣтскія рѣсницы Кольцова поднимаются кверху и открываютъ всю силу горячаго въ глазахъ пламени. Въ немъ отвага молодости.

— Этотъ докладъ, господинъ полковникъ, я долженъ сдѣлать раньше вашей сестрѣ, ея превосходительству Серафимѣ Ѳедоровнѣ.

— Отлично начинаете, хорунжій. Еще не успѣли породниться, а уже дерзко отвѣчаете своему командиру.

Крѣпкая, сильная рука обнимаетъ Кольцова поверхъ колющихъ эполетъ, Акимычъ цѣлуетъ Кольцова и толкаетъ къ дверямъ зала.

— Ступайте, объяснитесь съ ея превосходительствомъ. Не такъ то это легко будетъ вамъ. Но, когда только это вы съ другимъ то превосходительствомъ объяснились, что оно стало готово сдѣлаться только «ея благородіемъ»... Ну, нынѣшняя молодежь!..

Изъ-за дверей гостиной, дразня, шаля, играя, танцуя звуками несется весенняя пѣсня «прохожаго»:

— «Порадуйся, малютка
Чуднымъ апрѣльскимъ днямъ...
Ужъ солнца свѣтъ
Несетъ привѣтъ...

И вдругъ... У Лели!.. Артистки!!. Фальшивая нота!!. Сорвался голосъ, спутался аккомпаниментъ, съ грохотомъ отодвинулся круглый табуретъ. Кольцовъ стремительно вбѣжалъ въ залъ.

.. ..

А потомъ?.. Потомъ все было, какъ бывало раньше, какъ описывалось еще въ старыхъ приличныхъ романахъ, какихъ теперь не пишутъ.

Осенью была свадьба, были поздравленія, шампанское, конфеты, съ бонбоньерками, съ пестрыми бумажками, фарфоровыми куколками, съ тѣмъ, что въ старину стародавнюю называлось — «вычурами»... Только криковъ «горько» не было. Въ Петербургскихъ салонахъ это не было принято.

КОНЕЦЪ

27-го февраля — 19-го ноября 1935-го года.
Лер. Сантени. Франція.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

1. **Отъ двуглаваго орла къ красному знамени.** Романъ въ четырехъ томахъ. 3-е исправленное и дополненное изданіе.
2. **Опавшіе листья.** Романъ.
3. **Понять — простить.** Романъ.
4. **Единая недѣлимая.** Романъ.
5. **Бѣлая свитка.** Романъ.
6. **«Largo»**
7. **Выпашь** } Трилогія.
8. **Подвигъ**
9. **Ненависть.** Романъ.
10. **За чертополохомъ.** Фантастическій романъ. 2-е изданіе.
11. **Амазонка пустыни.**
12. **Все проходитъ.** Историческая повѣсть.
13. **Съ нами Богъ**
14. **Цесаревна** } Историческіе романы.
15. **Екатерина Великая**
16. **Мантыкъ — охотникъ на львовъ**
17. **Съ Ермакомъ на Сибирь** } Повѣсти для юношества.
18. **«Терунешь» (Любовь Абиссинки)** и другіе разсказы. 2-е изд.
19. **«Поѣздка на Ай-Петри»** и др. Разсказы. 2-е изданіе.
20. **Степь. Восьмидесятый.** Разсказы. 2-е изданіе.
21. **Душа арміи** (Опытъ военной психологіи).
22. **Тихіе подвижники.** Очеркъ.
23. **Казачья самостійность.** Очеркъ.

На англійскомъ языкѣ:

1. From Double Eagle to Red Flag. 4-е изданіе.
2. The Unforgiven (Понять простить).
3. The White Coat.
4. The Black Mass (съ иллюстраціями).
5. «Largo».
6. Kostja the Cossak (Все проходитъ).
7. Napoleon and the cossacks (Съ нами Богъ).
8. The Amazon of the Desert.
9. Jermak the Conqueror (съ иллюстраціями).

На болгарскомъ языкѣ:

1. Душата на армията.
2. Отъ Двуглавия орелъ къмъ червеного знаме. («Слово», 1933 г)..

На итальянскомъ языкѣ:

1. Dall' Aquila Imperiale alla bandiera rossa.
2. Compendere è perdonare.
3. Unita e indivisibile.
4. Il «Largo» di Haendel.
5. L'Odio.
6. Tutto passa.
7. L'Amazone del Deserto.
8. Mantyk cacciatore di leone (со многими иллюстраціями).

На нѣмецкомъ языкѣ:

1. Vom Zarenadler zur roten Fahne. 4-е изд. илл. фотогрсф.
2. Fallende Blaetter.
3. Verstehen heisst vergeben.
4. Einig — Unteilbar.
5. Das weisse Kittel.
6. Largo.
7. Kostia der Kosak (Все проходитъ).
8. Eroïca (Съ нами Богъ).
9. Die Zesarewna.
10. Die Amazone der Wildniss.
11. Jenseits der Disteln.
12. In der Mandschurischen Einoede (Русскаго изданія нѣтъ).
13. Der Achtzigste. Die Steppe.

На польскомъ языкѣ:

1. Opadle liscie.
2. Amazonka Azji.

На словенскомъ языкѣ:

1. Pri podnozju Bozjega prestola (Амазонка пустыни).

На финскомъ языкѣ:

1. Kaksoikotkasta Punalippuun.

На французскомъ языкѣ:

1. De l'Aigle Impérial au drapeau rouge.
2. Comprendre c'est pardonner.
3. L'Amazone du désert.
4. Mantyk — le chasseur aux lions («Les enfants de France», 1934).

На хорватскомъ языкѣ:

1. Od dvoglava orla do crvena barjaka.
2. Amazonka pustinje.
3. Terunes.

На чешскомъ языкѣ:

1. Od Carckého orla k rudému praporu (2-е илл. изданіе)
2. Pochopit — odpustit.
3. Bila — Halena.
4. Krvelacny Buh («Largo»).
5. Napoleon a kozaci (Buh je s nàmi). Илл. изданіе.
6. U stupne Boziho trunu (Amazonka pustiny).

На шведскомъ языкѣ:

1. Fran Dubbeloernen till roeda Fanan
2. Oeknens Amazon.

Librairie E. de Sialsky
2, rue Pierre le Grand
Paris (8e)